

Д ж о р д ж Р а й т

ПРИЧАСТИЕ

С утра Джошуа, как обычно, работал на огороде. Погода была прекрасная, солнце весело припекало с безоблачных небес, заливая золотым светом зеленую долину, и Джошуа работалось легко и хорошо; он даже насвистывал старинную песенку, слов которой не помнил уже никто в поселке, но мелодия была зажигательной. Капуста в этот раз уродилась отлично; Джошуа с удовольствием похлопывал по бокам крупные тугие кочаны, укладывая их на тележку.

Помидоры, правда, порадовали меньше: несколько листьев на двух крайних кустах посерели и пожухли, обвиснув вялой бахромой по краям. Перестав насвистывать, Джошуа некоторое время с озабоченным видом изучал пораженные растения; в прежние годы такой напасти с томатами не случалось. Другое бывало, но вот точно такого нет. Хорошо бы, конечно, все дело оказалось в недостаточном или избыточном поливе, или нехватке солей в почве, но Джошуа слишком хорошо ухаживал за своим огородом, чтобы тешить себя подобными иллюзиями. Скорее всего, это какая-то новая зараза. Говорят, их много появилось после Чумы, и время от времени все возникают новые - хотя от самой Чумы растения никак не пострадали. Сэм, поселковый чтец, говорил, что это из-за того, что нарушилось какое-то там равновесие - не то логическое, не то геологическое... Что это такое, Джошуа не знал, и был почти уверен, что не знает и сам Сэм, лишь напускающий на себя важность из-за того, что умеет читать старинные книги.

Так или иначе, Джошуа оборвал больные листья и бросил их в яму, где всегда сжигал мусор; кусты целиком он решил пока что не корчевать. Надо будет тщательно следить в ближайшие дни, не пойдет ли болезнь дальше. Не обнаружив, к своему облегчению, никаких признаков хвори на остальных кустах и полюбовавшись наливавшимися под солнцем томатами, Джошуа повернулся к грядке с баклажанами. Но тут за спиной у него послышался топот четырех ног и ритмичное поскрипывание колес повозки. "Ехал бы себе мимо", неприязненно подумал Джошуа, даже не поглядев, кто это; вариантов в общем-то было немного, и ни один его не устраивал. Простые поселяне ходят пешком, а от начальства что может быть доброго?

- Тпррру! - пробасил одышливый голос.

Джошуа нехотя обернулся, машинально вытирая перепачканные землей руки о штаны. Так и есть - по ту сторону плетня остановилась повозка Шерифа, запряженная двумя ездовыми рабами. Шериф, с каждым годом становившийся все толще, явно страдал от жары; мелкие блестки пота усеяли его налитое кровью лицо и перевалившиеся через воротник мундира багровые складки шеи, большие сырые пятна темнели и под мышками, и вообще вид у него был такой, словно это он катит повозку, а не едет в ней.

- Привет, Джошуа, - провозгласил он. - Как ты сегодня?

- Хорошо, а вы? - привычно откликнулся молодой человек.

- Хорошо, спасибо, - ответил Шериф, явно не вдумываясь в смысл произносимых слов, и принялся обтирать лицо скомканным мокрым платком; когда повозка остановилась, встречный ветерок перестал обдувать его, и это определенно не прибавило ему удовольствия. - Чертова жара... Ты опять не был на общем собрании, Джошуа.

- Мне некогда языком трепать, - пробурчал юноша без особой почтительности. - Я работаю.

- Никто из нас не бездельничает, - наставительно заметил Шериф, запихивая платок в карман, - но это не повод забывать про гражданский долг. Даже в условиях Чрезвычайного Положения мы обязаны хранить нашу демократию, наши американские ценности.

"То есть прийти, послушать громкие слова и проголосовать за решение, принятое начальством", - подумал про себя Джошуа, но произнести это вслух, конечно, не решился. "К чему эта комедия? Уж объявляли бы сразу, чего им в очередной раз надо..."

- Урожай-то у тебя, как я погляжу, хорош? - продолжал Шериф.

- Неплох, слава богу, - сдержанно ответил Джошуа.

- Это хорошо... потому что собрание постановило поднять налоги. С тебя, стало быть, еще полмешка картошки, да огурцов полведра, да капусты полдюжины кочанов, да яиц три дюжины...

- Откуда я их возьму?! - не сдержался молодой человек. - Сам, что ли, снесу?

- Ну, не приbedняйся, - добродушно усмехнулся Шериф. - Все ж знают, какое у тебя скоро ожидается прибавление в хозяйстве. Счастливчик ты, Джошуа - заполучить дочку кузнеца, да еще такую красавицу! Будь я помоложе, я бы и сам... хе, хе... Свадьба-то когда?

- В следующую пятницу, - ответил юноша, не сомневаясь, что Шерифу и это доподлинно известно.

- Ну поздравляю, поздравляю... Значит, про налог ты понял. Ладно, поеду, пожалуй. Скотину-то не угостишь?

Вообще-то обычай предписывал угощать рабов, доставивших посланца с добрыми вестями, к коим едва ли можно было отнести очередные поборы - но начальство, само собой, трактовало обычаи по-своему. Да и скотина, ясное дело, не виновата... Джошуа выдернул из грядки две сочные морковки и протянул рабам. Те, кое-как отряхнув с угощения землю, благодарно захрустели. Их почти обнаженные мускулистые тела лоснились от пота, из-под веревочной упряжи виднелись красные полосы натертой кожи. Джошуа избегал встречаться с ними взглядом. Он еще помнил времена, когда старшего из них звали Джоном, а младшего - Джереми, и если Джон, угрюмый дядька с соседней улицы, любивший выпить, никогда не вызывал у юного Джошуа симпатии, то Джереми был его товарищем по детским играм... Теперь они оба - просто скотина, лишенная права носить человеческие имена. Джон попался на воровстве, а Джереми угодил в рабы за прелюбодеяние - нанялся поденным работником к старому Тому и соблазнил его жену. То же наказание, между прочим, полагалось и за злостную неуплату налогов, которое приравнивалось к воровству у общины.

Никаких клейм или ошейников на рабах не было. Как не раз доводилось слышать Джошуа на тех же собраниях, когда он их все же посещал - закон суров, но не жесток, в смысле, не жесток без необходимости. Одно дело - взбадривать скотину кнутом, когда она ленится, и совсем другое - бессмысленное издевательство над ней; такого никто в поселке не одобрял. Хотя физически любой из рабов мог бы даже в одиночку справиться с толстяком Шерифом, не носившим оружия, все понимали, что рабы никогда не осмелятся бунтовать. Наказание даже и за меньший грех известно - не допустят к причастию, и все. А уж бежать из единственного поселка, где имеется действующая церковь, и вовсе некуда.

- Нно, пошли! - прикрикнул Шериф, которому надоело ждать. Рабы, поспешно дожевывая морковку, налегли на веревки и покатали повозку дальше, топая своими ботинками по пыльной дороге. Джошуа проводил их взглядом, поймав себя на идиотской мысли - мгновенно промелькнувшей зависти; не к их доле в целом, конечно же, а к их обуви. Да, настоящая обувь была единственной привилегией ездовых рабов (и единственным, что роднило их с начальством и солдатами с Базы). Все тот же принцип разумной целесообразности - в деревянных башмаках особо не побегаешь, и босиком по острым камням и кореньям тоже. Покойный отец рассказывал Джошуа, что в дни его юности настоящие ботинки из Мертвых Городов еще были доступны простым поселянам, хотя и тогда уже стоили дорого; ныне же они, как и любые изделия из кожи, сделались практически бесценны. Все дело в том, что Мертвые Города в радиусе недели пути выгребены скэвнджерами практически подчистую, а дальше не рискуют забираться даже самые отчаянные разведчики. Причастие ведь можно получить только в церкви (ну или невдалеке от нее), его нельзя брать с собой. Пастор не уточнял, почему так - он вообще редко отвечал на вопросы "почему?" и не любил тех, кто их задает - но всезнающий Сэм говорил, что святые дары портятся, если не держать их в холодильнике.

Наконец Джошуа закончил работу. День уже клонился к вечеру, но до заката было еще далеко; молодой человек ополоснулся холодной водой из бочки, переоделся в чистую рубаху и штаны и отправился знакомой дорогой в западную часть поселка, где жил кузнец Фред со своей дочерью Мэри и сыном Биллом.

По пути Джошуа думал, как ему и в самом деле повезло. История о том, как простой парень, рано оставшийся сиротой и не унаследовавший особо крепкого хозяйства (хотя и выбивавшийся из сил, чтобы поднять таковое), полюбил дочку самого кузнеца, вполне могла бы стать сюжетом для очередной жалостливой песни, какие почему-то так любят петь девушки на посиделках. Ибо кузнец, без которого не было бы в поселке никаких орудий и инструментов,

считался очень большим человеком - почти таким же важным, как священник и доктор. Формально он, конечно, к начальству не относился, но мог себе позволить говорить свысока с самим Шерифом - и, ясное дело, для него не составило бы труда найти для своей дочери партию получше. Тем более что претендентов на руку юной красавицы хватало. Однако Фред души не чаял в своей Мэри и вместо того чтобы, как обычно бывает, употребить отцовскую власть, согласился с выбором дочери - выбором, не продиктованным, конечно, никакими меркантильными соображениями. Впрочем, совсем уж безрассудным решение кузнеца не было. Фред видел, что Джошуа хоть и не из богатой семьи, но парень серьезный и работающий, лишнего не выпьет, рук не распускает и вполне способен стать надежной опорой для Мэри. А если хорошее приданое позволит ему быстрее и крепче встать на ноги - значит, так тому и быть.

Пока Джошуа предавался приятным размышлениям о будущем, ноги сами несли его кратчайшим путем, лежавшим через центральную площадь, и он уже почти вышел туда, как вдруг спереди донесся полный муки крик. Юноша резко остановился.

- Пожалуйста, - хрипло неслось с площади, - пожалуйста, умоляю... Люди вы или кто...

Джошуа поспешно свернул в боковой проулок, ругая себя за то, что совсем забыл про это. Вот что значит манкировать общими собраниями. Надо было свернуть раньше и пройти более длинным путем, зато не портя себе настроения. А сейчас, как ни быстро он шагнул в сторону от площади, до его ушей все доносилось:

"Смилюйтесь надо мной... Убейте меня..." - и потом еще какие-то мерзкие нечленораздельные звуки; должно быть, обреченный корчился в приступе рвоты.

Нет, ни видеть, ни слышать, ни обонять то, что происходило на площади, Джошуа решительно не хотелось. В последний раз он видел такое еще подростком; тогда компания мальчишек, по свойственной детям жестокости, отправилась на площадь дразнить отлученного, но вскоре убедились, что никакие насмешки и брань, и даже бросаемые камни, не способны усилить страдания того, кто и так извивался в агонии, терзаемый внутренней мукой; более того, он даже жаждал этих камней в глупой надежде приблизить смерть, хотя, конечно, мелкие уличные камешки не способны были причинить ему сколь-нибудь реальный ущерб. Он выл, корчился и бился в своих цепях; от него разлило кислым потом, мочой и дерьмом, он был весь перепачкан блевотиной, на искусанных в лохмотья губах пузырилась розовая пена. Зрелище было в высшей степени омерзительным - едва ли не хуже, чем труп утопленника, на который Джошуа наткнулся в камышах, когда рыбачил вдали от поселка за несколько лет до этого. Уйти с площади раньше прочих Джошуа, однако, не посмел, боясь, что его станут дразнить "девчонкой" (не исключено, кстати, что то же самое соображение удерживало на месте и всех остальных участников компании) - но в следующие несколько дней, как и после утопленника, кусок не лез мальчику в горло. Особенно после того, как он увидел развязку: на закате отлученный, не то осознавший, что никто не возьмет грех на душу, чтобы облегчить его страдания, не то окончательно переставший владеть собой от боли, сумел-таки расколотить свой затылок о столб, к которому был прикован. Древесина столба была не такой уж твердой, и стараться ему пришлось долго... Насколько Джошуа знал, чаще всего кончалось именно так: кто-то разбивал себе голову, кто-то перегрызал вены на руках, кто-то задыхался, нажравшись земли, кто-то захлебывался собственной блевотиной, кому-то удавалось удавить себя цепью - так или иначе, все они добавляли к своему первоначальному греху еще и смертный грех самоубийства. Подтверждая тем самым, что отлучение было правильным (хотя тут Джошуа чудился некий изъян в рассуждении).

В любом случае урок для всех остальных был более чем наглядным и повторения, как правило, не требовал. Тюрьмы в поселке не было (если, конечно, не считать слухов о внутренних помещениях Базы, но База - это База, и что там творится внутри - не крестьянского ума дело). Мелкие проступки, вроде неумышленного ущерба чужой собственности или небогохульного сквернословия, наказывались штрафом едой или имуществом. За прегрешения

посерьезнее, вроде пьяных дебошей и драк без серьезных увечий, впридачу к штрафу полагалась публичная порка. Тяжкие преступления, такие как воровство, преднамеренное увечье, все виды разврата - карались рабством, на время или навсегда. И, наконец, за худшие деяния, какие только может помыслить человек - убийство, богохульство и неповиновение властям, а равно покушение и подстрекательство к таковым - и кара была соответствующей: отлучение от церкви и недопуск к причастию. Но к такому приходилось прибегать крайне редко. Удивительно было, что хоть кто-то из видевших, что бывает с отлученным, все же дерзал покушаться на что-то подобное...

В чем точно провинился нынешний бедолага, корчившийся в цепях на площади - Джошуа поймал себя на мысли, что думает о нем, как о бедолаге, а не как о заслужившем свои муки злодее - молодой человек не знал. Возможно, на собрании и сообщали подробности, хотя скорее ограничились официальной формулировкой "нарушение Закона о Чрезвычайном Положении", что на практике как раз означало неповиновение начальству. По слухам, парень поднял руку на солдата с Базы, что было, конечно же, очень глупо. Солдатам даже Шериф - никто, и законы поселка для них не писаны, они подчиняются только Майору... Только у солдат есть Настоящее Оружие - такое, как в старые времена - и тот тип мог просто пристрелить на месте своего обидчика (хотя кто там кому был обидчиком - вопрос темный). Что было бы, кстати, гораздо гуманнее...

Наконец, сделав крюк вокруг площади, Джошуа вышел к дому кузнеца. Сам Фред, несмотря на вечерний час, все еще работал; над трубой кузницы поднимался черный дым, и даже с улицы были слышны могучие удары металла о металл. К счастью, железо изнашивается медленней, чем кожа, и его поселению пока еще хватает... Джошуа направился напрямик к дому, зная, что Фред не любит, когда его отвлекают от работы. Мэри, как и подобает благовоспитанной девице, сидела у открытого окна за прялкой. Завидев жениха, она, однако, оставила рукоделие и, широко улыбаясь, выскочила во двор прямо через окно, что, конечно, благовоспитанной девице уже не вполне подобало.

- А я сегодня у доктора была! - похвасталась Мэри.

- Когда это ты успела? - удивился Джошуа. - В понедельник же собиралась.

- А вот уговорила его прям после собрания меня принять. Чего оттягивать-то? Невмоготу уже ждать.

- Свадьба все равно на пятницу назначена, раньше не получится, - вздохнул Джошуа.

- Так хоть пораньше знать, что все в порядке.

- А ты что, все-таки боялась, что нам не разрешат? Брось, это ж просто формальность.

Всем разрешают.

- Ага, а Люси, дочке булочника, в прошлом году не разрешили!

- Эта твоя Люси - совсем дура, и зубы у нее кривые. Правильно, нечего таким плодиться.

Кто только польстился на такую...

- Ну, польстились-то на пекарню ее отца, - рассудительно заметила Мэри, - но ей от этого не легче.

- Так что там было, у доктора?

- А, беспокоишься все-таки? - поддела жениха Мэри. - Ну, смотрел там... всякое... - предпочла не уточнять девушка, слегка покраснев, - кровь из руки вытягивал...

- Это еще зачем? - возмутился Джошуа.

- На а-на-лиз.

- И много крови?

- Столько где-то, - она показала пальцами.

- Испугалась небось?

- Глупенький, женщины крови не боятся.

- Правда? - искренне удивился Джошуа. - А почему?

- Ну... - вновь смутилась Мэри, - я тебе как-нибудь потом расскажу. Когда уже женаты будем.

- Так что доктор в итоге сказал? - вернулся к более важной теме юноша, хотя, конечно, по тону подруги уже понимал, что ничего плохого не случилось.

- Сказал, предварительно в порядке все, а анализ в понедельник будет готов.

- Выходит, все равно до понедельника ждать.

- Да... скорей бы уж, - она прильнула к нему.

- Мне тоже не терпится, - улыбнулся Джошуа, обнимая девушку.

- Знаешь, не только в этом разрешении дело, - призналась она ему уже другим тоном, в котором не осталось и следа игривости. - Сегодня на собрании Майор на меня так паялился... ох, не понравилось мне это.

- Вот и нечего по всяким собраниям шлаться, - осерчал Джошуа. - Отца им, что ли, недостаточно? Сама знаешь, что может быть с молодыми девушками, на которых солдаты глаз положат.

- Меня тронуть не посмеют! - запальчиво, но не слишком последовательно возразила Мэри. - Я - дочка кузнеца! Да и потом, что толку прятаться? В церковь-то все равно идти. Причастие все вместе принимаем.

Да, церковь, особенно во время причастия, была, пожалуй, единственным местом, где солдаты, обычно державшиеся особняком, оказывались с поселянами плечом к плечу и фактически на равных. Даже Майор смиренно снимал свою фуражку, слушая священника. Хотя, конечно, равенство это все равно было весьма условным, и все это чувствовали. Даже и на причастии люди с Базы всегда стояли своей плотной группой, не смешиваясь с простыми жителями. Хотя формально они считались всего лишь защитниками поселка. Но, когда эти защитники заходили, к примеру, в кабак, подзащитные, хотя бы и присутствовавшие там в большинстве, предпочитали как можно быстрее и незаметнее удалиться... Кроме кабатчика, которому, ясное дело, удаляться было некуда. И который был счастлив, если ему платили хоть что-то - то есть списывали часть налога, взимаемого на содержание Базы.

- И чего они, как люди, не живут? - вздохнула девушка. - Не женятся нормально, детей не рожают...

- Им нельзя по Уставу, - заученно ответил Джошуа. - Они на казарменном положении. Пока не придет приказ из Вашингтона.

- Он уже, почитай, сто лет идет.

- Так ведь сказано в Писании: не ваше дело знать времена или сроки.

- Ты хоть знаешь, где это - Вашингтон?

- Там, - Джошуа махнул рукой в сторону, противоположную вечернему солнцу.

- И улицы его - чистое золото, как прозрачное стекло, а стены города украшены всякими драгоценными камнями, - иронически процитировала Мэри.

- Ну да, так сказано, - Джошуа не мог понять тона подруги. - А что?

- Да я вот думаю - а может, никакого Вашингтона вообще нет?

- Как это - нет? - опешил юноша. - По-твоему, пастор нам врет? - он тут же понизил голос и опасливо огляделся по сторонам.

- Пастор, может, и сам не знает. Он даже в ближайших Мертвых Городах не был, что уж говорить про Вашингтон. Откуда ему знать, что это не выдумки?

- Ты еще скажи, что Свинская Чума - выдумки, - фыркнул Джошуа.

- Нет, Чума настоящая, и причастие тоже, - нетерпеливо качнула головой девушка, - это мы все знаем. Но знаешь, как сделать вранье самым убедительным? Перемешать его с правдой.

- И кто же, по-твоему, придумал это вранье?

- Да ясно, кто. Эти с Базы.

- Им-то зачем?

- Как это зачем? Пока действует "Чрезвычайное Положение", они тут полные хозяева. А мы их пои-корми-ублажай, и пикнуть не смей. Жди, пока это "Положение" отменят из Вашингтона. Которое поколение уже ждет.

- Ну... да, - вынужден был согласиться Джошуа. - Но с другой стороны, сама же говоришь - они сами не живут, как нормальные люди. Некоторые вообще носа с Базы не кажут. Зачем бы им, себе на голову, выдумывать Устав? Зачем самим себе запрещать жениться?

- А им и без женитьбы хорошо, - со злостью ответила Мэри, - если они могут любую девушку схватить и к себе уволочь.

- Ну... - Джошуа сконфуженно умолк, не зная, что ответить.

Эта тема была, вероятно, самой избегаемой в поселке. Ее не осмеливались поднимать ни на официальных собраниях, ни на кабацких посиделках, а при встрече с родными пропавших им не выражали сочувствие, а просто стыдливо отводили глаза. И хотя едва ли хоть один родитель подросток дочери не внушал ей, что она должна держаться как можно дальше от глаз солдат, чаще всего внушения эти делались намеками и обиняками. И причиной тому был скорее не столько даже страх поселян перед начальством и обвинением в подстрекательстве к неповиновению, сколько стыд за то, что они безропотно терпят эту ежегодно взимаемую дань.

Официальная версия - в тех редких случаях, когда она все же упоминалась - называла это "рекрутированием". Утверждалось, что девушки "призываются" на Базу для выполнения некой важной - и секретной, как и все, что происходило на Базе - работы. Теоретически - поскольку все понимали, насколько статус персонала Базы выше, чем у поселян - это даже должно было считаться почетным.

Вот только все столь же хорошо понимали, что на самом деле представляет из себя эта "секретная работа". А если кто был слишком наивен или просто не хотел верить очевидному, то... периодически об этом проговаривались и сами солдаты. Им, судя по всему, их начальство тоже запрещало обсуждать эту тему в присутствии поселян - но чего не сболтнешь по пьяни...

Самым страшным было то, что "рекрутированные" девушки никогда не возвращались. Официально это объяснялось все той же "секретностью", но большинство в поселке полагало, что несчастные просто умирают, не выдержав постоянного насилия. Впрочем, с точки зрения строгой поселковой морали девушке, прошедшей через такое, было лучше умереть, чем жить обесчещенной.

Во всяком случае, очевидно было, что "рекрутированные" не становятся матерями новых солдат. Естественным путем персонал Базы не пополнялся. Все они, и даже нынешний Майор - равно как и его предшественники - родились простыми поселянами. Солдаты забирали к себе детей-сирот или родившихся в семьях столь бедных и непутевых, что родители сами были рады избавиться от лишнего рта. Джошуа не раз с удивлением думал, что, если бы его отец свалился с крыши пятью годами раньше, то он и сам теперь жил бы на Базе и щеголял в солдатской форме. Но он осиротел слишком поздно; солдаты забирали только детей не старше восьми лет - после чего те не покидали Базу до самого совершеннолетия (и даже причастие принимали там). Когда же они все же появлялись в поселке, то были уже совершенно другими людьми, смотревшими свысока на всех поселян, не исключая прежних родственников и товарищей по детским играм. Кажется, они их даже не узнавали - или, по крайней мере, делали вид.

Но если в течение длительного времени сирот и "добровольцев" не находилось - ребенка, младшего в какой-нибудь многодетной семье, могли забрать и насильно. И с этим поселянам тоже приходилось мириться.

И дело было отнюдь не только в смертоносном оружии солдат. База была источником и многих полезных вещей. Оттуда доктор получал лекарства. Оттуда, пусть и на три часа в день, поступало электричество (неперегоревших лампочек в поселке давно не осталось, исправные утюги или электропечки можно было пересчитать по пальцам, но вот без старой лесопилки пришлось бы тяжело). Там же чинили старинные механизмы, вроде мотора той же лесопилки,

разобраться в которых было не под силу даже кузнецу. Точные карты Мертвых Городов тоже были только там. Ну и самое главное - хотя причастие получали в церкви, но все знали, что готовят святые дары на Базе.

- Здорово, зятек!

Молодые люди обернулись. Позади них, добродушно усмехаясь, стоял Фред - все еще в рабочей одежде, в черном кожаном фартуке, служившем еще его деду, и с разводами копоти на бородатом лице.

- Пока еще не зятек, - смущенно ответил Джошуа. - Но вот, кстати... может, можно как-то ускорить это дело? Я знаю, на пятницу назначено, но разрешение от доктора уже в понедельник будет, и...

- Не терпится? - Фред продолжал ухмыляться.

- А то как же! Да и невеста волнуется. Мол, не случилось бы чего в последний момент.

Высказаться более определенно Джошуа не решился, повинувшись все тому же негласно принятому между мужчинами поселка табу. Однако надеялся, что кузнец поймет его мысль. Замужних не рекрутируют. Во всяком случае, в последние лет двадцать такого не случалось. А срок очередной жертвы тем временем давно подошел - четырнадцать месяцев минуло, как забрали последнюю...

- Все будет нормально, - ответил Фред, хотя между его бровями залегла вертикальная складка. - Уже и с пастором договорились, и гости в курсе. Всегда свадьбы по пятницам играют, что ж мы будем супротив обычая переть? Люди судачить станут, мол, неспроста это, словно бы грех прикрыть хотят... А ты, Мэри, меньше на улице хвостом-то верти, а больше дома сиди, как невесте положено, тогда и волноваться не о чем будет...

В воскресенье молодые люди встретились в церкви. Одни жители поселка принимали причастие по четным воскресеньям, другие по нечетным - в зависимости от того, кто когда родился и, соответственно, причастился в первый раз - но Джошуа и Мэри в этом плане повезло, они совпали, что считалось хорошей приметой для будущей семейной жизни. Совпадали они и с Фредом, хотя тот, конечно, в любом случае сопровождал бы свою дочь в церковь. Джошуа, на правах официального уже жениха, уселся рядом с Мэри и украдкой от отца взял ее за руку. Ничего более вольного они себе, ясное дело, не позволили, и все же мысли Джошуа витали вдали от церковного амвона и вещавшего оттуда священника, чей монотонный голос лишь изредка касался сознания молодого человека:

- ...и нечистые духи, выйдя, вошли в свиней; и устремилось стадо с крутизны в бездну, и сгнуло... и две тысячи лет миновало... и вот Вавилон, город крепкий... и бились Вашингтон и верные его... и помрачилось солнце и воздух, и сыны тьмы, демоны ночи, поклонявшиеся луне... и вышли свиньи из бездны, как дым из большой печи... и хулили Бога небесного от страданий своих и язв своих; и не раскаялись в делах своих... и земля была пожата... и со всеми зверями земными... ибо Ты был заклан, и кровию своею искупил нас... возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу... ибо Он есть воскресение и жизнь, аминь!

Услышав финальное "аминь", Джошуа поспешно поднялся, закатывая правый рукав; то же делали и другие причащающиеся. Доктор, облаченный по такому случаю в белые ризы диакона, уже выкатывал из-за алтаря никелированный столик с потиром, наполненным красной жидкостью, и патеной, на которой рядами лежали белые комочки. Сопровождаемый доктором-диаконом, священник двинулся вдоль рядов, начав, как всегда, с Майора.

- Это кровь Христова...

Доктор проворно наполнил шприц жидкостью из потира и вонзил иглу в жилистую руку командира Базы. "Ибо Он есть воскресение и жизнь", привычной скороговоркой пробормотал тот. Доктор взял с патены пропитанную спиртом ватку, быстро протер иглу, прижал ватку к месту укола и вновь наполнил шприц, шагая к следующему причащающемуся.

- Это кровь Христова...
- Ибо Он есть воскресение и жизнь...
- Это кровь Христова...

Наконец очередь дошла и до Мэри и Джошуа; получив причастие, они вновь опустились на скамью в ожидании конца церемонии. Когда в церкви больше не осталось стоящих, пастор в сопровождении доктора двинулся наружу, чтобы причастить собравшихся на паперти рабов. Скотине входить в храм не позволялось.

Несмотря на по-прежнему хорошую погоду, утро понедельника началось скверно. Томатная хворь, накануне никак себя не проявлявшая, все-таки пошла дальше; хуже того, посерел и нижний лист на третьем кусте. На этот раз Джошуа без жалости выкорчевал все три пораженных куста, а затем принялся яростно рыхлить почву. Но, должно быть, с досады он слишком сильно хватил тяпкой о землю, ибо услышал, как треснула деревянная ручка. "Тьфу ты! - сплюнул он в сердцах. - Вот как пойдет наперекосяк, так уж не остановится! Ладно, пойду к Джиму-плотнику, пусть выстрогает новую."

Так, с тяпкой в руке, он вышел со двора и пошел по пыльной улице, своим решительным видом распуская пасшихся на обочине гусей. На перекрестке, где еще торчал оставшийся от светофора столб с насквозь проржавевшей табличкой "ПОВ Р Т НА КРАС АПРЕЦ", ему повстречалась Клара - незамужняя двоюродная сестра булочника. Считалось, что она помогает кузену в пекарне, разнося по утрам хлеб постоянным покупателям (вот и сейчас в руке у нее была корзинка) - но гораздо охотнее она разносила сплетни. Три года назад за "лживое злоязычие" ее даже приговорили к порке на площади, но если десять ударов розгой по мясистой спине и вразумили Клару, то ненадолго. Джошуа, как и большинство поселян, ее не любил, но языка ее опасался (особенно не хотелось каких-нибудь вздорных слухов накануне свадьбы), поэтому кивнул ей вроде бы приветливо, но в то же время демонстрируя всем своим видом, что очень, очень спешит по делам и никак не может остановиться поболтать.

Однако Клара повела себя странно. Она не попыталась заговорить с ним, даже не ограничилась кивком в ответ - вместо этого она вдруг отвела глаза, словно ее внезапно чрезвычайно заинтересовало устройство ближайшего плетня.

- Клара! - Джошуа встал, как вкопанный. - Что случилось?

- А ты... еще не знаешь? - пробормотала она, по-прежнему избегая смотреть ему в глаза. - Ох, горе-то... ведь и гостей уже зазвали...

Джошуа сорвался с места и побежал.

На сей раз он сознательно мчался самым коротким путем. Впрочем, никакой нужды огибать центральную площадь уже не было. У позорного столба было пусто; разомкнутые цепи бессильно свисали, обреченные на долгое ожидание следующей жертвы. Стало быть, отлученный умер еще в воскресенье... тем или иным способом. Долго же он мучился - целую неделю после того, как его не допустили к причастию... Обычно Свинская Чума убивает быстрее. Точнее, не Чума как таковая, а сами больные, которые больше не в силах терпеть причиняемые ею страдания. Возможно, этот оказался крепче других и все-таки не стал накладывать на себя руки, дождался естественной смерти...

Несмотря на будний день, дыма над трубой кузницы не было. Джошуа побежал к дому; не удосужившись даже постучать, рванул на себя дверь - она оказалась незаперта - и ввалился в жилую комнату.

Фред и Билл, старший брат Мэри, обычно помогавший отцу в кузнице, были там. Два сильных и здоровых мужчины сидели, опустив головы и уронив руки между коленями, словно надувные куклы старых времен, из которых выпустили воздух. Джошуа, до последнего надеявшийся, что старая сплетница что-то напутала, понял, что надежды больше нет.

- Когда? - хрипло спросил он, с трудом переводя дыхание.

- Ночью пришли и забрали, - ответил Фред. - Прямо из постели вытащили.

"Вот тебе и 'Сиди дома, и ничего не случится!'" - подумал Джошуа, а вслух воскликнул:

- И что? Вы им это позволили? И с тех пор так тут и сидите?

- А что мы можем сделать? - Фред поднял голову с неожиданной злостью, словно это Джошуа был во всем виноват. - Это же солдаты! У них оружие! Этим, что ли, собрался против них воевать? - кузнец презрительно кивнул на сломанную тляпку, которую, как с удивлением понял юноша, он все еще сжимал в руке.

- А хоть бы и этим! - рявкнул Джошуа с неменьшей злостью. - Чем угодно! Хоть голыми руками! Да я бы их зубами загрыз! Как вы могли?! Родную дочь и сестру выдать на поругание!

- Ну отлучили бы от церкви, и всех делов, - угрюмо буркнул Билл. - А ее бы все равно забрали.

- А если... - начал Джошуа и беспомощно умолк.

- Что "если"? - мрачно усмехнулся Фред. - Бежать, что ли, предложишь? Ну и что с беглецом через две недели будет?

- Все равно. Не знаю. Лучше уж так. Лучше бы... - Джошуа вздохнул и все же решился произнести, - лучше бы своими руками ее убить, чем на ТАКОЕ отдать.

- Еще бы кого забрали, - вздохнул кузнец. - И нашей семье гибель, и другой впридачу горе. Уж пусть только нам, коль все равно никуда не денешься...

- К Шерифу пойдем, - решительно заявил Джошуа. - Нет такого закона! Она же почти замужняя!

- "Почти" не считается, - проворчал Билл. - Да и вообще, какие там законы... это ж солдаты. Им и на наши законы, и на нашего Шерифа плевать.

- Да вообще никаких законов про это нет, - добавил Фред. - Обычай просто. Старый Том говорил, в прежние времена и замужних брали... это потом перестали, чтобы, ну, возмущения слишком большого не было.

- Ага, бояться-таки возмущения!

- Да ничего они не боятся, - устало пояснил кузнец. - Ты гуся, который щиплется, боишься? Ты просто не хочешь ему шею сворачивать, вот и не дразнишь без нужды. Где теперь все, кто возмущался? Последнего только вчера в крематорий сволокли.

- А вот... а вот не давать им еду на Базу, и все! - осенило Джошуа. - Всех подговорить, чтоб не давали...

- Ага, так все тебя и послушали, - фыркнул Билл. - Подстрекательство к бунту. Первый же побежит доносить, пока другие не опередили... И главное - без еды месяц можно жить, или больше даже. А без причастия - две недели.

- Выкинь ты все это из головы, - добавил Фред. - Ты пойми, никто тебя слушать не станет. Нами дыру заткнули - у всех от сердца отлегло. Значит, минимум год еще можно не дергаться.

- А что через год - опять, они не думают!

- Год - долгий срок, - вздохнул кузнец. - И не у всех же дочери, да еще в опасном возрасте. Страдает всегда меньшинство, потому большинство никогда не поддержит.

- И ведь как раз сегодня разрешение на брак должны были получить... - пробормотал Джошуа. - Во! К доктору надо идти! Пусть скажет этим, на Базе, что анализ плохой оказался. Что больная она...

- Тогда ей и замуж нельзя, - усмехнулся Билл.

- Ну, знаешь, если уж выбирать...

- Доктор против Базы не пойдет, - решительно возразил Фред. - Он же оттуда лекарства получает.

- Так я ж не предлагаю явно пойти! Пусть скажет просто. Как они обман распознают? Сами-то они не доктора.

- Может, и доктора, - не согласился Фред. - Откуда у них лекарства, по-твоему?

- Ну... из Мертвых Городов.
- Может, так, а может, и нет.
- Так или иначе, пойдем. Хуже-то уж точно не будет. Некуда хуже.
- Ты иди, - кивнул Фред. - Всем троим не стоит, люди же увидят, сразу поймут, зачем

ходили...

- И пусть видят! - запальчиво крикнул Джошуа. - Почему мы должны стыдиться? Пусть стыдятся те, кто чужих невест похищает!

- Ну ты же хочешь доктора подговорить, чтобы он неправду сказал? Если втроем придем, он точно не согласится. Хотя он по-любому не согласится. Оттуда не возвращаются. Не было еще случая, чтоб солдаты кого отпустили. Один, что ли, ты такой умный? Наверняка и другие пытались...

- Может, и не пытались, - буркнул Джошуа. - Может, все рассуждают, как ты, и оттого даже не пробуют. Ладно, сидите тут, коли больше ни на что не годны! - юноша со злостью повернулся к выходу.

- Тяпку-то оставь, - усмехнулся кузнец.

Четверть часа спустя Джошуа был перед дверью кабинета доктора. На сей раз он вовремя вспомнил о необходимости стучать и тем избежал конфуза; окрик из кабинета велел ему подождать, и спустя несколько минут (которые показались молодому человеку чертовски долгими) изнутри выплыла толстая тетка, имени которой Джошуа не знал. Юноша буквально вжался в стену в полутемном конце короткого коридора, не желая быть узнанным, но тетка даже не удостоила его взглядом. Наконец он вошел в кабинет - вошел решительной походкой, которая, однако, маскировала внезапно нахлынувшие на него страх и неуверенность.

- А, Джошуа, - доктор, облаченный, конечно, в свой обычный цивильный костюм с галстуком, а не в церковную ризу, приветствовал посетителя, как ни в чем не бывало. - У тебя что-то случилось, или ты пришел за разрешением на брак?

- А вы... не знаете? - растерянно пробормотал молодой человек; почему-то ему казалось, что доктор уже точно в курсе. - Мэри... ее забрали сегодня ночью, - кто и куда забрал, он уточнять не стал - это было понятно и так.

- Вот как, - доктор на мгновение нахмурился, как он, вероятно, делал, сообщая кому-то о неизлечимой болезни родственника. - Ну что же, могу понять, что ты чувствуешь. Но, видишь ли, тебе не стоит слишком расстраиваться. Дело в том, что ваш брак в любом случае был невозможен.

- К-как? - выдохнул Джошуа.

- Анализ показал, что у нее редкая болезнь. Ей нельзя иметь детей.

- Какая еще болезнь?! - опешил злосчастный жених. Менее всего он ожидал, что придуманный им блеф окажется правдой. Хотя жена Фреда и умерла, рожая дочку, сама Мэри, как и мужская часть семейства кузнеца, всегда отличалась отменным здоровьем.

- Ну, ее латинское название тебе все равно ничего не скажет, - доктор позволил себе чуть усмехнуться. - В общем, это такая болезнь, которая самой женщине не угрожает, но вот дети у нее с высокой вероятностью рождаются или мертвыми, или уродами. Собственно, для того, чтобы предотвращать такие случаи, и нужно врачебное обследование невест и разрешение на замужество.

- Так скажите этим, на Базе! Пусть ее отпустят! Идите к ним прямо сейчас - может, они ее еще не... - Джошуа стыдливо замолк.

- На что это повлияет? - пожал плечами доктор. - Они ведь не собираются на ней жениться.

- Уж это точно! - скрипнул зубами Джошуа. - Жениться по-божески не собираются! Нам за прелюбодеяние рабство полагается, а эти...

- Не стоит доверять грязным слухам, которые ходят в поселке, - возразил доктор.

- Слухам?! Да сами же солдаты этим похваляются, когда пьяные!

- И кабацким похвальбам тоже доверять не стоит. Да, отношения между солдатами и поселянами не самые хорошие. Считается, что у солдат больше прав, и кое-кто из них, не от большого ума, конечно, может и приврать, чтобы подчеркнуть это мнимое превосходство...

- Мнимое?! - возмутился Джошуа.

- Не все так просто, как кажется с точки зрения, извини меня, огородника. Да, у солдат больше полномочий, но у них и больше обязанностей. Без них наш поселок просто не выжил бы...

- Да, знаю, слышал много раз, - перебил юноша. - Но для чего им наши девушки, если не для того, о чем все думают? Вы так уверенно говорите - вы что, знаете, что там на самом деле?

- Я не допущен к военным тайнам, - доктор вновь пожал плечами. - Как и все мы в поселке, включая Шерифа. Знаю только, что это какая-то работа, которую могут делать только женщины.

- И непременно молодые и красивые, - язвительно заметил Джошуа. - Почему старух не берут? Вот взяли бы ту же Клару-сплетницу, никто бы жалеть не стал...

- А молодые вообще лучше с работой справляются. Острота зрения и все такое. Джошуа, я понимаю, что ты сейчас способен думать только о своей Мэри. Но постарайся все-таки взглянуть на ситуацию шире. База рекрутирует, в среднем, одну девушку в год - иногда реже, иногда чаще. Но знаешь, сколько детей умирало бы за тот же год при родах и во младенчестве, если бы не лекарства и инструменты, которые дает База? Я уж не говорю, само собой, о причастии...

- То есть мы счастья своего не понимаем, - усмехнулся Джошуа. - Ну а все-таки, что будет, если вы скажете, что Мэри не годится для этой их "работы"?

- Они сами знают, кто им годится, а кто нет. Если бы им нужны были какие-то дополнительные сведения от меня, они бы их запросили.

В дверь постучали. Джошуа вздрогнул, почти уверенный, что за ним пришли или солдаты с Базы, или подчиненные Шерифа. Но из-за двери послышался жалобный голос: "Доктор, можно? Зуб болит, аж страсть!"

- Ну вот, видишь, у меня пациент, - развел руками доктор. - А ты иди домой. Через несколько дней горе утихнет... да ты сам знаешь, у тебя ведь родители рано умерли. Хочешь, дам тебе успокоительную настойку?

- Не надо, - покачал головой Джошуа.

- Ну, как знаешь. И скажи этому с зубом, пусть заходит.

Джошуа вышел на улицу и растерянно остановился, не зная, куда идти и что делать дальше. Солнце по-прежнему сияло с издевательски ясного неба; весело чирикали птицы в кронах деревьев. Только теперь Джошуа почувствовал, как саднят ноги, сбитые в кровь беготней в деревянных башмаках по всему поселку. Хотя это, конечно, было наименьшей из его проблем...

Итак, ему никто не поможет. Ни доктор, ни даже отец и брат Мэри - не говоря уже о прочих поселянах. Вот если бы прямо сегодня пришел этот пресловутый приказ из Вашингтона об отмене Чрезвычайного Положения... но что толку мечтать о несбыточном. Прав ли доктор, говоря, что с девушками на Базе не делают ничего постыдного? Если бы самым большим горем была всего лишь разлука... если бы знать, что Мэри избежит поругания... но - даже если эта загадочная секретная работа и существует, кто поверит, что девушка, насильно удерживаемая среди целой толпы неженатых мужиков, уверенных к тому же в своей безнаказанности... ох, доктор, оставьте себе свою успокоительную настойку.

Скорее от отчаяния, чем в результате осмысленного решения юноша повернулся и пошел в сторону Базы. Однако по мере того, как он шагал в скользких от крови башмаках, в его голове начал созревать план.

Наконец он подошел к высокой бетонной стене, поверх которой кольцами вилась колючая проволока. Проволока была ржавой, кое-где в лохмах старой паутины, да и бетон за многие десятилетия заметно искрошился - но преграда все еще выглядела достаточно внушительно, особенно по сравнению с поселковыми плетнями. А еще внушительней выглядел часовой с Настоящим Оружием - Сэм говорил, что оно называется "штурмовая винтовка" - охранявший глухие металлические ворота.

- Тебе сюда нельзя, - процедил он сквозь зубы со всем презрением солдата к тупому поселянину, до сих пор не усвоившему даже такой простой истины. Наставить на прищельца оружие он даже не пытался - как видно, ему и в голову не приходило, что Джошуа может представлять для него угрозу.

- Я хочу... - Джошуа осекся, поняв, что взял неверный тон, - я должен увидаться с Майором.

- Почему не сразу с господом богом, - столь же лениво ухмыльнулся солдат.

- У меня для него важное сообщение, - твердо произнес Джошуа и добавил еще более веским тоном слышанное от Сэма выражение: - Это вопрос рациональной безопасности.

- Какой-какой безопасности? - прищурился солдат.

- Секретное дело, короче, - Джошуа слегка сбился с торжественного тона. - Тебе не могу рассказать. Только Майору.

- Вали отсюда, - солдат, казалось, окончательно утратил к нему интерес. - Девкам на посиделках будешь сказки рассказывать.

Джошуа вздохнул, словно решаясь:

- Ладно. В поселке готовится бунт. Нападение на вас.

- Сообщи об этом своему Шерифу, - ответил солдат уже не столь презрительно, как раньше.

- Шериф знает, - многозначительно произнес Джошуа и, не уверенный, что у часового хватило ума понять, добавил: - Он сам в заговоре.

Выражение презрительной скуки окончательно исчезло с лица солдата.

- Ладно, подожди здесь, - велел он и шагнул внутрь через калитку рядом с воротами, не забыв, конечно, запереть ее за собой. Через несколько минут он вернулся в сопровождении своего товарища.

- Подними руки и расставь ноги, - скомандовал тот.

Джошуа повиновался. Второй солдат быстро хлопал его со всех сторон и, не обнаружив ничего подозрительного, кивнул в сторону калитки: "Пошли."

Оставив часового на его посту, они прошли внутрь. Джошуа, впервые оказавшийся на территории Базы, с интересом оглядывался по сторонам. Сразу за воротами раскинулась большая площадка, выложенная бетонными плитами (в щелях между которыми, однако, пробивалась трава), по ее периметру тянулись угрюмые серые корпуса - длинные прямоугольные коробки высотой в два и три этажа, совсем не похожие на симпатичные домики поселка с их острыми крышами, верандами, мансардами, наружными лесенками и декоративными башенками, придававшими каждому дому свой неповторимый облик. Слева темнел какой-то длинный каменный сарай вообще без окон, но с идущими через равные промежутки железными воротами, похожими на ворота самой базы. Над плоскими крышами торчало несколько высоких и тонких столбов, на которых вращались лопасти, очевидно, приводимые в движение ветром - Джошуа не раз видел подобные флюгера и игрушечные вертушки на газонах перед домами, но эти лопасти были во много раз больше. Нигде не было ни единого дерева - в лучшем случае полосы коротко подстриженной травы вдоль дорожек, выложенных растрескавшимися плитами или посыпанных гравием. Даже при свете солнечного летнего дня вид у всего этого был куда более унылый, чем даже у самых убогих улиц поселка. Джошуа представил, каково здесь в холодные и дождливые зимние дни. Жить в таком месте все

время... брр!

Солдат провел его к одному из корпусов - не самому большому, как с удивлением отметил Джошуа, полагавший, что Майор, как и Шериф в поселке, обитает в самом крупном здании. Войдя внутрь, они встретились с еще одним часовым, который, очевидно, был уже в курсе и лишь коротко кивнул приведенному поселянина солдату. Несколько ступенек вверх, короткий коридор, дверь.

"Информатор доставлен, сэр!" - крикнул солдат, предварительно постучав.

"Пусть войдет", - донеслось из-за двери.

Джошуа не мог даже вообразить, какие сокровища и тайны могут скрываться в кабинете Майора - но действительность оказалась гораздо прозаичнее фантазии. Массивный стол с двумя тумбами, слева два металлических шкафа, маленький на большом, справа рогатая вешалка, на которой висела одинокая майорская фуражка, по ту сторону стола - кресло с высокой, обитой кожей спинкой (единственный признак роскоши) - вот, собственно и все. Разве что на столе стоял какой-то старинный механизм - черная коробка с кнопками (похожая штука была и у Шерифа, но, как все в поселке знали, она не работала уже много десятилетий и служила Шерифам лишь признаком статуса), а на стене позади стола висел большой звездно-полосатый флаг. Опять же, похожий развевался и на флагштоке над домом Шерифа, но на том - всякий раз изготавливаемым заново, когда ветер, солнце и грязь превращали в лохмотья предыдущий - звезды были нашиты беспорядочно, вкривь и вкось, и никто уже не помнил, сколько их должно быть; на этом же они чередовались правильными ровными рядами. Джошуа попытался пересчитать их, чтобы потом рассказать в поселке, но сбился - очень уж их было много.

Майор, невысокий, коренастый, с лобастой лысеющей головой, стоял, оперевшись задом на свой стол, и глядел исподлобья на посетителя. Одет он был также, как и во время своих появлений в поселке - в серую форму с настоящим кожаным поясом, на котором висела кобура с пушкой. Пушка была намного меньше штормовой винтовки, но, по словам всезнающего Сэма, не менее смертоносной.

- Итак? - сумрачно осведомился Майор.

- Я все расскажу, - пообещал Джошуа. - Про заговор. Но у меня есть одно условие.

- Вообще-то ты *обязан* информировать о любых нарушениях Закона о Чрезвычайном Положении. Иначе ты становишься соучастником. Но так и быть - я рассмотрю, что я могу для тебя сделать.

- Сегодня ночью ваши люди забрали девушку. Мэри, дочь кузнеца. Я хочу, чтобы ее отпустили.

- Так-так. И кем она тебе приходится?

- Она моя невеста. Мы должны пожениться в пятницу, - теперь Джошуа счел, что о результатах анализа лучше не упоминать.

- Понятно. Вообще это не положено, согласно правилам внутреннего распорядка. Но, если она еще не допущена к секретам, в порядке исключения это можно устроить...

Джошуа не осмелился верить своим ушам - неужели все так просто?! Он готовился к длительной борьбе...

- Если, конечно, ты действительно сообщишь ценную информацию, а не придумал все это только что, - закончил Майор и пристально посмотрел ему в глаза.

Джошуа выдержал этот взгляд.

- На вас нападут в церкви, - сказал он. - Когда вы придете принимать причастие. После этого наши причастятся, а вы нет. И, значит, у нас будет в запасе две недели, а у вас - день, от силы два. И вы согласитесь на все.

- Вот как, - усмехнулся Майор. - И на что же именно?

- Вы отдадите нам всю власть и Настоящее Оружие. Новым Майором становится Шериф. Мы получаем свободный доступ на Базу. Само собой, все девушки, которые тут у вас...

работают, возвращаются домой, - Джошуа не верил, что кто-то из них, кроме Мэри, еще жив, но раз так гласит официальная версия... - После этого вы будете по-прежнему делать для поселка лекарства и все такое. Но жить будете, как простые поселяне. Никаких "особых полномочий".

- Так-так, - повторил Майор. - Ну а если мы откажемся?

- Тогда вы умрете. В муках. Сами знаете, что бывает, если вовремя не причаститься.

- Но через две недели то же случится и с вами. С половиной из вас даже раньше.

- И кто от этого выиграет? Не лучше ли уступить и остаться жить? Кое-кто из заговорщиков говорил, что вас надо перебить или превратить в скотину. Но победил тот план, о котором я рассказал. Если вам не будут мстить, и у вас будут такие же права, как и у нас, вы скорее согласитесь.

- Интересно, кто подсказал все это вашему Шерифу, - фыркнул Майор. - Старый дурак ни за что не додумался бы самостоятельно.

Джошуа промолчал. Майор обошел стол, уселся в кресло, достал из тумбы лист бумаги и ручку - тоже старинную, Джошуа никогда такой не видел. В поселке вообще мало кто знал грамоту, а когда что-нибудь все же писали, то обычно пользовались гусиными перьями.

- Диктуй имена заговорщиков, - потребовал комендант Базы.

- Да почитай весь поселок, - ответил Джошуа, заранее готовый к этому вопросу. - А как иначе? Чтобы вас всех разом в церкви схватить, иначе не получится. В такой толпе вам даже оружие не поможет.

- Пастор и доктор тоже участвуют?

Вопрос был задан как бы мимоходом, но юноше почудился подвох. Формально оба считаются поселянами, но это очень особенные поселяне, даже более особенные, чем Шериф и его помощники. И тот, и другой регулярно бывают на Базе, получая лекарства и святыне дары и причащая будущих солдат. Кто знает, какие тут у них отношения...

- Нет, - твердо сказал Джошуа. - Они не знают. Но их заставят подчиниться решению общины.

- Складно рассказываешь, - кивнул Майор. - Только почему, в таком случае, на нас не напали еще вчера, а?

И к этому вопросу Джошуа был готов.

- Еще не всех уговорили, - ответил он. - Но за две недели убедят последних колеблющихся. А если кто из них побежит жаловаться Шерифу - ну, сами понимаете...

- Ну что ж, - Майор отодвинул так и не пригодившуюся ручку, - добровольно рассказав это, ты снял с себя ответственность за участие в заговоре. Ты свободен.

- А Мэри?!

- Ах да, конечно, - Майор принялся тыкать в кнопки стоявшего перед ним устройства. "Хоть бы они не успели ее тронуть, - повторял про себя Джошуа. - Хоть бы не успели..."

- Увы, - произнес вдруг Майор. - Она уже допущена к военным секретам. Она не может покинуть Базу.

- К-как?! Я же все рассказал вам...

- Таковы требования безопасности, - Майор развел руки с видом "не я их устанавливаю".

- Вы тоже допущены к военным секретам, - желчно произнес Джошуа, всем своим видом демонстрируя, что не верит ему ни на грош. - Вы все. Но вы-то покидаете Базу.

- Мужчины, прошедшие специальную подготовку. Не дети и не женщины.

- Это... - Джошуа набрал воздуха и старательно произнес сложное слово: - антикон-ституционно, вот!

- В период Чрезвычайного Положения действие ряда конституционных свобод временно приостанавливается.

- Временно, - с издевкой повторил юноша. - До приказа из Вашингтона.

- Да, - подтвердил Майор, демонстративно не замечая его сарказма.

- Тогда хотя бы дайте мне увидеться с ней здесь, на Базе.
- Ты что, не понимаешь? Ей нельзя контактировать ни с кем, не имеющим допуска.
- Тогда... - Джошуа тяжело вздохнул, вспомнив унылый пейзаж снаружи, и решился: -

Тогда оставьте меня здесь. Навсегда. Это ведь сохранит ваши секреты?

- Ты нам не нужен, - равнодушно ответил Майор.
- Я много чего умею! Я с тринадцати лет один хозяйство веду! Хотите - готовить для вас

буду, хотите - стирать-убирать, или...

- Я сказал - ты нам не нужен, - повторил Майор и громко крикнул: - Доббинс!
- Тогда я... - начал Джошуа угрожающим тоном, но был тут же презрительно перебит:
- Что "ты"? Пойдешь расскажешь своим, как ты их предал?

Открылась дверь, и вошел давешний солдат, выжидательно и без особого дружелюбия уставившийся на Джошуа.

- Проводи на выход, - кивнул подчиненному Майор.

Джошуа покорно развернулся и сделал шаг к двери. Солдат посторонился, пропуская его. И в этот момент Джошуа резко шатнулся в сторону и ударил солдата всем корпусом, впечатав его спиной в дверной косяк. Глаза Доббинса округлились от боли; кажется, на миг он полностью потерял контроль над своим телом. Этого мига Джошуа хватило для того, чтобы сдернуть штормовую винтовку с его плеча и отскочить в противоположный угол кабинета. В следующее мгновение Доббинс, опомнившись, рванулся следом, но юноша уже наставил на него ствол. Солдат тут же попятился, поднимая руки к плечам.

- Спокойно, рядовой, - послышался сбоку презрительный голос Майора. - Этот недоумок даже не знает, как этим пользоваться.

Джошуа мгновенно перевел ствол на него. Майор ухмылялся ему в лицо и с нарочитой неспешностью расстегивал кобуру.

- Не трожь пушку! - крикнул Джошуа; его голос неожиданно и позорно сорвался на визг.
- А то что? - осведомился Майор, берясь за рукоять своего оружия.

Джошуа знал, что надо нажать на какой-то крючок. Что-то подобное как раз удобно легко под его указательный палец. На миг непроизвольно зажмурившись - все же прежде ему никогда не доводилось убивать никого крупнее курицы - он изо всех сил надавил на крючок.

Ничего не произошло. Ни грохота, о котором говорилось в легендах, ни даже щелчка. Крючок поддался лишь на самую малость и упорно не хотел нажиматься дальше. Джошуа, уже с открытыми глазами, нажал еще, еще - бесполезно. Майор лыбил все шире. Солдат, осознав происходящее, снова решительно шагнул к юноше, намереваясь отобрать оружие.

Но прежде, чем он успел протянуть руку, Джошуа перехватил винтовку за ствол, как дубину, и обрушил ее сверху на макушку Доббинса. Не издав ни звука, тот рухнул на пол.

Тут же Джошуа махнул винтовкой в сторону Майора, но тот пригнулся за своим столом и избежал удара. Не дожидаясь, пока он все же пустит в ход пушку, юноша выскочил из кабинета.

Охранник, сидевший у входа в здание, обернулся, заслышав топот деревянных башмаков. При виде поселянина с винтовкой его лицо обрело растерянno-испуганное выражение, но все же он потянулся за своим оружием.

Джошуа на бегу саданул его прикладом в лицо. Солдат опрокинулся назад вместе со стулом, заливаясь кровью.

Джошуа выскочил на улицу, чуть не споткнувшись о порог в своих башмаках. Тут же он сбросил их. Босиком бежать было и легче - уж во всяком случае, по выложенной плитами дорожке - и, главное, тише. Часовой у ворот защищает базу от угроз снаружи, а не изнутри, и если топот за спиной раньше времени не привлечет его внимание...

Наверное, никогда еще в своей жизни Джошуа не бегал так быстро, и никогда ему не казалось, что он бежит так медленно. Ворота были все еще далеко, когда позади послышались крики "стой!", а затем раздался жуткий, натушный вой - сперва утробно-низкий, от какого

обмирало в животе, потом взвинчивающийся все выше, до рези в ушах, и опять мучительно сползающий вниз...

Этого часовой не услышать, конечно, не мог. Он выскочил навстречу Джошуа, когда их разделяло, наверное, еще около десяти ярдов. Но юноша продолжал нестись прямо на него. Он помнил испуг на лицах солдат - прежде всегда таких нагло-самоуверенных, не допускавших и мысли, чтобы какой-то поселянин может представлять реальную угрозу...

- Стой! - крикнул солдат, наставляя на него винтовку. - Бросай оружие!

Джошуа остановился, но винтовку не бросил, а целился в своего врага точно так же, как тот в него. Расстояние было все еще слишком большим для рукопашной. Но солдат знает, как обращаться с этой штукой. Если подсмотреть, что он будет делать, и успеть на мгновение раньше...

- Просто дай мне уйти, и я тебя не трону, - задыхаясь, быстро произнес Джошуа.

- Я сказал "бросай"! - проорал солдат, наводя ствол ему в лицо - и мгновение спустя нажал на спуск.

И о чудо! - ничего не произошло. Совсем ничего. Точно так же, как только что у Джошуа.

- Дерьмо... - пробормотал солдат, на миг скосив глаза направо-вниз, и шевельнул большим пальцем правой руки, передвигая вниз какой-то рычаг. Джошуа повторил это движение даже прежде, чем успел осознать - под пальцем туго щелкнуло - и тут же нажал на спусковой крючок.

Неведомая сила с грохотом рванула винтовку назад и вверх, едва не выбив из его рук. На серой форме солдата, наискосок через грудь, взорвались кровавыми ошметками три круглых дыры, и он рухнул навзничь. Не переставая отчаянно сжимать пляшущую в руках грохочущую смерть, Джошуа резко развернулся к своим преследователям.

За ним гналось не меньше полудюжины солдат, но все они тотчас, как по команде, рухнули на бетон. А затем винтовка смолкла, словно осознав, что сделала свое дело. Джошуа еще пощелкал рычажком вверх-вниз, но больше оружие не стреляло. И тут же, словно в кошмарном сне, солдаты, которых он уже считал мертвыми, начали поднимать головы. Юноша отшвырнул ставшую бесполезной винтовку и, перепрыгнув через труп часового - этот был мертв по-настоящему - выбежал за ворота.

Он не побежал в сторону поселка. Он понимал, что там его будут искать в первую очередь. Вместо этого он помчался направо вдоль стены Базы - и успел завернуть за угол прежде, чем показался первый из его преследователей. Отсюда было уже совсем недалеко до леса, тянувшегося на несчетные мили. Еще один рывок через траву и кусты - и кроны деревьев укрыли беглеца.

Вечерело. Птицы еще перекликались в листве, но трава была уже прохладной. Джошуа сидел на краю небольшой поляны, привалившись спиной к обомшелому стволу могучего дуба и раскинув в траве исцарапанные ноги, и смотрел в пустоту. Все кончено. Все это бегство, блуждание по лесу, страх погони - все это было бессмысленно. Никто не будет его здесь искать. Во-первых, это и невозможно - все равно что иголку в стоге сена. А главное, это и не нужно. Зачем преследовать того, кто уже труп? Как там в Писании - пусть мертвые хоронят своих мертвецов... Он еще ходит, дышит, может даже кричать, но жить ему осталось две недели. Конечно, заставить его сдохнуть у позорного столба в назидание всему поселку было бы более эффектно, чем оставить его умирать в безвестной глуши - но не так уж много. Любой в поселке может представить в красках его агонию, даже не видя его. И к тому же у него не будет христианской могилы. Его тело не сожгут, в чем не отказывают даже худшим из преступников - оно будет гнить под открытым небом, расклеиваемое птицами и поедаемое жуками...

По правде говоря, замышляя свой блеф, он не очень думал, что будет потом, когда обман раскроется. Ему казалось, что главное - вытащить с Базы Мэри, а там... а там... Хотя что - там?

Спрятать ее? Так это те же две недели. Подговорить пастора и доктора, чтобы причащали ее тайно, вне церкви? Мечты, мечты... Нет, скорее задним числом превратить заговор в реальность. Убедить поселян, что на Базе их все равно уже считают бунтовщиками, но отлучить всех не могут - кто тогда будет кормить солдат? И, раз так, выдвинуть свои требования... те самые, которые он изложил Майору, разве что без верховной власти Шерифа. Пусть Майор сохраняет власть на своей Базе над своими людьми - но и только. Ведь говорил же Сэм, что до Чрезвычайного Положения поселком управлял свой собственный Майор, не подчинявшийся Базе. И поселяне его выбирали - не так, как теперь, каждый год голосуя за одного и того же Шерифа, а по-настоящему... А Настоящее Оружие разделить поровну между Базой и Поселком. И, само собой, никакого больше "рекрутирования". Хотят девушек - пусть женятся по-честному, как положено христианам. Возможно, на таких условиях и удалось бы договориться...

Но теперь все кончено. Даже если Майор еще сомневается, был ли заговор враньем, они допросят первых попавшихся поселян и все поймут. При выборе между прощением за правду и отлучением за ложь всякий расскажет все, что знает - а чего не расскажет, того, стало быть, и нет. Но дополнительные меры, чтобы припугнуть потенциальных смутьянов, все равно наверняка будут приняты. И никто и пикнуть не посмеет... как не смеют уже и так - даже отцы и братья похищенных девушек...

О грехе самоубийства Джошуа, понятное дело, не помышлял. Но и чем занять оставшиеся ему две недели, тоже не имел представления. Тупо бродить по лесу? Сидеть или лежать на одном месте? Хорошо бы просто заснуть и не просыпаться, но ведь не получится... И к тому же надо заботиться о пропитании. Воду найти не проблема, ручьев в лесу хватает - в одном из них он уже утолил жажду и умылся после беготни от воображаемой погони - но вот с пищей сложнее. Конечно, он ходил в лес еще мальчишкой и знал, какие грибы и ягоды можно есть - однако их надо еще найти, и не так уж часто они встречаются. Смастерить силки для птиц или, тем более, рыболовную снасть ему было не из чего - да и для ловли рыбы нужно сперва отыскать речку покрупнее... Интересно, если человек, у которого нет еды, отказывается от ее поиска, это считается самоубийством? Наверное, все же да. А если ищет, но не может найти? Очевидно, нет. А если ищет, но не очень старательно? Где тут грань, отделяющая спасение от вечного проклятия? Впрочем, вопрос в любом случае праздный. Две недели - слишком малый срок, чтобы умереть от голода. Хотя, может быть, если достаточно ослабеть за это время, то потом агония будет не такой долгой. Впрочем, нет. В своем глупом малодушии он забыл, что Свинская Чума - это не простая болезнь. Это проклятие нечистых духов, входящих в того, кто лишен Благодати. И смешно надеяться облегчить его посредством телесной немощи...

Но хуже всего не это. Хуже всего то, что он умирает напрасно. Он так и не спас Мэри. И теперь ее не спасет уже никто и ничто...

Разве что приказ из Вашингтона, невесело усмехнулся Джошуа.

Но почему бы и нет?

Джошуа все-таки не верил, что Вашингтон - просто выдумка, чтобы держать поселян в повиновении. Не верил потому, что не хотел верить... но когда он задумался об этом, нашелся и разумный довод. Он был на Базе, он, пусть и краем глаза, видел, как живут солдаты - совсем не так роскошно, как могли бы, если бы на них не было никакой управы, а Устав и все такое были просто сказкой для жителей поселка. Даже кабинет самого Майора гораздо аскетичнее, чем офис Шерифа, уставленный всякими блестящими сокровищами из Мертвых Городов. Но если Вашингтон есть, почему приказ оттуда не приходит столько лет? Если верить тому, что говорят в церкви, враги Христа, вернувшиеся свиней из бездны, уничтожены много лет назад вместе с самими свиньями. Оно, конечно, "реконструктивный период", и "не ваше дело знать сроки", но все же - почему так долго? Не потому ли, что там, в Вашингтоне, просто не знают о существовании поселка? Считают его просто одним из Мертвых Городов. В самом деле, почему им считать иначе, если все поселения вокруг мертвы, и ни один гонец не добирался до

таинственного Востока, чтобы подтвердить, что одно из них избежало общей участи? Джошуа, правда, не знал, куда добирались солдаты, но и так ясно, что они, как и поселяне, не могли удалиться от своей Базы больше чем на неделю пути. Вашингтон, очевидно, находится дальше. И его посланцы не могут добраться сюда по той же самой причине. Они ведь не знают, что здесь есть действующая церковь, где можно причаститься.

Джошуа почувствовал восторг озарения. Неужели все так просто?!

Хотя, конечно, не так уж просто. Может быть, до Вашингтона можно добраться за две недели, а может, он еще дальше. И тогда... Но ведь могут быть и другие поселки, где живут искупленные кровью Христовой! И даже наверняка они должны быть. В Писании, по крайней мере, обратного не говорится (прочитать, что там написано, Джошуа, естественно, не мог, но во всяком случае пастор никогда такого не утверждал). И тогда, двигаясь на восток от поселения к поселению... если нигде между соседними расстояние не превышает двух недель пути...

А если превышает?

Тогда он умрет в муках смертью отлученного. Но если он никуда не пойдет, это случится наверняка.

Значит, надо идти. Идти туда, откуда восходит солнце, спрашивая в каждом новом поселении, не Вашингтон ли это. И вернуться с пресловутым приказом, который вызовет Мэри из неволи и положит конец всевластию солдат...

Он уже в любом случае опоздал спасти честь Мэри (Джошуа почувствовал, как сжимаются его кулаки при этой мысли; как минимум один насильник, правда, уже заплатил за это жизнью - но этого мало!) Но у него еще есть шанс спасти ее жизнь. А заодно и свою собственную.

Джошуа решительно поднялся и зашагал туда, куда указывали тени деревьев.

Утром следующего дня он попытался сплести себе какую-нибудь обувь из кусков коры и тонких веток, но все подобные конструкции разваливались после первых шагов, так что он оставил эту затею. Зато ближе к вечеру, после целого дня пути через лес, Джошуа, чьей последней едой был легкий завтрак накануне, удалось найти гнездо с тремя птенцами в развилке молодого деревца (он видел гнезда и раньше, но на слишком высоких деревьях, куда не мог забраться). Птенцы громко пищали и разевали желтые клювы; они были слишком малы, чтобы улететь. Кремень и огниво Джошуа остались дома, так что он ошипал и съел их сырыми.

На другой день путь ему преградила речка. Она была неширокой и не более чем по пояс в самом глубоком месте, но вода в ней была отменно холодной, течение быстрым, а камни на дне скользкими. Джошуа падал в ледяную воду несколько раз, прежде чем, мокрый насквозь и стучащий зубами, выбрался наконец на каменистый противоположный берег. Там он набрал несколько острых камней и набил ими карманы. После того как онемевшие от холода ступни отошли, он почувствовал боль от новых ранок, но делать было нечего - надо было идти вперед, идти так быстро, как он только мог. Из ветви засохшего дерева Джошуа соорудил себе крепкий посох с рогатиной на конце.

Позже он вышел на старую дорогу, ведущую, очевидно, в Мертвые Города. Она вся заросла, особенно по краям, где деревья поднялись уже намного выше человеческого роста, и лишь по центру через густой подлесок тянулись колеи тележных колес - следы многочисленных экспедиций скэвенджеров из поселка; впрочем, даже и эти колеи уже поросли травой. Улов этих экспедиций был в последнее время столь скуден, что новых почти не предпринималось. Все же Джошуа решил, что безопаснее будет не идти по дороге, хотя она и вела в нужном направлении - кто его знает, какие решения пришли в голову начальству в последние дни; он ведь, кстати, и на последнем собрании не был... Мысль об опасности не замедлила подтвердиться, правда, не таким образом, как он ожидал. Что-то шевельнулось в траве рядом с его ногами. Змея! Он нанес молниеносный удар своей палкой, потом еще и еще. Чешуйчатый хвост дернулся из стороны в

сторону в последний раз и застыл. Добыча оказалась больше двух футов длиной. Удача - жареные и вяленые змеи считались большим деликатесом в поселке... хотя, конечно, Джошуа пришлось есть ее сырой, распоров брюхо по всей длине острым краем камня.

На третий день он наткнулся на большой прямоугольный щит, стоявший прямо посреди леса. Должно быть, некогда здесь тоже проходила дорога, ведущая с севера на юг, но ею не пользовались даже скэвенджеры, и она заросла, не оставив следов, если не считать этого щита, когда-то стоявшего на обочине, а теперь смотревшегося на удивление странно среди окруживших его деревьев. Вьющиеся растения густо оплели его опоры. На щите еще можно было различить лицо улыбающейся девушки, похожей на Мэри...

За этот день Джошуа попало несколько грибов, но лишь один из них годился в пищу без варки. Однако птицы на таком расстоянии от поселка были уже совершенно непуганные, и, после пары неудачных попыток, Джошуа все же удалось подбить одну из них камнем. Радость от охотничьей удачи была, однако, омрачена портящейся погодой. Солнце то и дело скрывалось за облаками еще с полудня, а к вечеру небо окончательно затянуло тучами. Заметно похолодало, но хуже всего было то, что теперь Джошуа не знал, где восток. Он пытался идти, выбирая приметное дерево прямо по курсу, а затем следующее и так далее, но не был уверен, что у него получается, как задумано - тем более что большинство деревьев ничем приметным не выделялись.

Ночью пошел дождь, так и не давший Джошуа выспаться. Не ливень, который никогда не длится долго, а нудный, холодный, затяжной. Спрятаться от него было решительно негде; кроны деревьев были слишком дырявой крышей, да и невозможно было искать укрытие в непроглядной ночной темноте. Впрочем, когда, наконец, рассвело, ситуация улучшилась несильно. Проклиная все на свете, Джошуа побрел, куда глаза глядят, лишь бы только не сидеть на месте под этим ледяным душем. К полудню он все же вышел к Мертвому Городу.

Точнее, к маленькому поселку - еще меньше, чем его собственный. Он не представлял интереса даже для скэвенджеров, поскольку от него практически ничего не осталось. Все дома здесь были деревянными, и большинство их уничтожил пожар, который уже некому было тушить; несколько чудом избежавших пламени попросту сгнили и развалились за последующие десятилетия. Сейчас о домах напоминали только каменные печи, торчавшие из поросших кустарником и молодыми деревцами холмиков. Улицы тоже полностью заросли; кое-где деревья выросли прямо сквозь ржавые крыши глубоко ушедших в землю машин. Единственным уцелевшим зданием была островерхая каменная церковь. В поисках укрытия от дождя Джошуа направился туда.

Дверь глубоко вросла в землю, и открыть ее было невозможно; однако она выглядела внушительно лишь на первый взгляд, а на самом деле была столь трухлявой, что с нескольких попыток Джошуа удалось ее выбить. Он ступил в полумрак; пройдя по поваленной двери, сошел с нее на пол и поморщился, вновь оказавшись по щиколотку в холодной воде. Крыша прохудилась во многих местах, и после полусуток дождя пол церкви представлял собой сплошную лужу.

А затем глаза его привыкли к сумраку, и он увидел, что церковь не пуста.

Повсюду - на скамьях и на полузатопленном полу в проходах - валялись скелеты. Их было, наверное, не меньше трех сотен. Большинство костяков давно рассыпалось, черепа откатились отдельно от торчащих ребер и пилились теперь пустыми глазницами из лужи, конечности вывалились из суставов - и все же по гнилым остаткам одежды, по прилипшим к мокрым черепам волосам было понятно, что здесь и мужчины, и женщины, и дети. Скорее всего, почти все население поселка, которое еще было в силах добраться до церкви. Протез ноги... выпавшая из укатившейся куда-то головы вставная челюсть... белое личико куклы рядом с таким же белым черепом ребенка...

"Почему Христос не спас их?" - подумал Джошуа. "Пастор постоянно повторяет, что

спасения не получили те, кто в ответ на Свинскую Чуму стал хулить бога вместо того, чтобы покаяться в собственных грехах. Но разве эти - не каялись? Разве они не пришли в церковь и не оставались там до конца?"

Затем ему пришла в голову другая, еще более горькая мысль: "А ведь сегодня пятница!" В этот самый день, в это самое время он должен был переступить порог совсем другой церкви, ведя Мэри под венец...

Для скэвенджеров, наверное, открывшееся зрелище было бы привычным, но Джошуа непогребенные останки внушали жуть - тем более что он был здесь один, и ни одной живой души не было на много миль вокруг. И все же здесь хотя бы можно было найти места, где не капало сверху. Так что, после некоторого колебания, он все же забрался с ногами на одну из скамей и сидел там, стараясь не очень обращать внимание на своих "соседей", пока не кончился дождь. Было это уже под вечер и, по-хорошему, стоило бы и заночевать здесь на скамейке, а не где-то в сыром лесу - но страх остаться в таком месте на ночь был сильнее любых рациональных соображений. Скэвенджеры никогда не ночевали в Мертвых Городах, и страшными историями о тех из них, кто сдуру или на спор нарушил это правило, поселяне пугали друг друга с детства.

Неудивительно, что в эту ночь ему тоже не удалось выспаться - он проснулся от холода еще до рассвета. В лесу к тому же висел густой туман, делавший всякое осмысленное продвижение невозможным, так что Джошуа оставалось лишь прыгать на месте и растирать себя руками в попытках хоть как-то согреться. Наконец развиднелось, но небо по-прежнему оставалось пасмурным. Тем не менее, Джошуа побрел дальше, то и дело чихая и хлюпая носом. Через пару часов дорогу ему преградила еще одна река - но эта была намного шире, а теперь еще и разлилась после дождя, и, глядя на ее пенящуюся бурунами мутную воду, Джошуа не решился форсировать ее вплавь. Вместо этого он пошел вдоль берега в надежде отыскать более подходящее место для переправы. Река, если он все-таки сумел правильно определить стороны света, текла с северо-запада на юго-восток, и из двух вариантов - идти вверх по течению в надежде на то, что там река станет мельче, или идти вниз, поскольку это все же продвижение в восточном направлении, он выбрал второй.

Выбор оказался неудачным, ибо спустя несколько часов река, так и не предоставив подходящих возможностей для переправы, стала отворачивать к югу, а затем и вовсе к западу. Джошуа почувствовал отчаяние и ярость, но, уже потратив столько времени, он не хотел возвращаться назад и упорно шагал в прежнем направлении. Наконец впереди показались ржавые фермы железнодорожного моста. Увы, подойдя к нему ближе, Джошуа убедился, что мост разрушен; его средний пролет обвалился, и покореженные рельсы свисали с обеих сторон пролома.

И все же мост оказался не совсем бесполезен; пройдя еще немного вниз по течению, Джошуа наткнулся на вынесенную на берег деревянную шпалу. Это уже было какое-никакое, а плавсредство; до этого ему попадались либо ветки и коряги, слишком маленькие, чтобы держать человека на плаву, либо целые древесные стволы, слишком большие, чтобы сдвинуть их с места. Джошуа спихнул шпалу в воду, уселся на нее верхом и принялся грести руками. Быстрое течение тут же подхватило его и понесло. После того как он выгреб на стремнину, противоположный берег, казалось, совершенно перестал приближаться. Холодная вода шумела вокруг, вскипала бурунами на перекатах, несколько раз его опрокидывало (но он всякий раз вновь вскарабкивался на свою шпалу) - однако цель оставалась по-прежнему недостижимой. В этой борьбе с течением Джошуа слишком поздно заметил, что шум воды становится все громче. Оторвав, наконец, взгляд от недоступного берега, он понял, что его несет напрямик в водопад.

В отчаянной попытке вырваться он даже бросил свое неуклюжее плавсредство и яростно забил по воде руками и ногами. Но все усилия были тщетны. Словно беспомощную щепку, течение поднесло его к разлому, пересекавшему реку по всей ширине, и швырнуло вниз.

Впрочем, разлом оказался хоть и широким, но не высоким - не больше трех ярдов в

высоту. Притопленный в первый момент всей тяжестью рушащейся сверху воды, несколько мгновений спустя Джошуа, отчаянно молотивший конечностями, все же выскочил на поверхность. Некоторое время он лишь тяжело дышал, с трудом веря, что остался жив. Затем, оглядевшись по сторонам, он понял, что ниже водопада река стала еще шире, но и спокойнее. И, хотя он и потерял свою шпалу, но теперь, наконец, сумел доплыть до восточного берега. Дополнительной проблемой было вскарабкаться по крутому обрыву, не сорвавшись обратно в воду; но вот, наконец, он добрался до безопасного места и в изнеможении растянулся на траве. "А ведь придется еще проделывать тот же путь обратно", подумал Джошуа. Впрочем, это лишь в самом лучшем случае...

Ни одной птицы в тот день ему добыть так и не удалось. Правда, он набрел на большой муравейник. Джошуа знал, что куколки муравьев можно есть, и разворошил его палкой. Правда, как ни старался он вовремя сбрасывать с рук и ног разозленных насекомых, за угощение пришлось заплатить болезненными укусами.

К ночи прояснилось, на небе высыпали звезды, но, поскольку Джошуа не были ни разведчиком, ни скэвнджером, он не умел ориентироваться по ним. К утру же, как назло, опять натянуло тучи; к тому же простуженный путешественник чувствовал себя препакостно. Нос полностью заложило, голова была тяжелой, лоб и виски ныли, глаза слезились. Но надо было идти. Шестой день пути и седьмой после причастия - его последний шанс повернуть назад... Впрочем, конечно, никакого шанса не было. Понятно, что ожидало его в поселке, если он вернется без приказа из Вашингтона. И все же сознавать, что после этого дня пути обратно уже не будет даже теоретически, было как-то особенно боязно.

Справа в отдалении маячила гряда холмов. В предыдущие дни Джошуа уже пытался взбираться на холмы, чтобы прикинуть дальнейший путь, но, поскольку лес покрывал их столь же густо, как и низины, деревья мешали что-либо рассмотреть. Однако на сей раз обратил внимание на темную лысую вершину самого высокого холма. Скорее всего, она выгорела от удара молнии - что делало это место, пусть и лежащее в стороне от его маршрута, отличным наблюдательным пунктом.

Прошло часа три, прежде чем Джошуа добрался до холма и вскарабкался на него. За это время солнце, наконец, проступило бледным пятном сквозь облачность, и юноша понял, что шел уже вовсе не на восток, а на юг, а теперь, повернув к холму, и вовсе возвращается на запад. Пробормотав проклятие, он продолжил лезть на холм.

Вот, наконец, и вершина. Старая гарь уже подернулась зелеными ростками новой жизни, но пока еще ничто не загораживало обзор. Волнистый зеленый ковер леса тянулся во все стороны до самого горизонта. Позади - гораздо ближе, чем надеялся Джошуа - извивалась лента реки; он увидел еще один мост ниже по течению, но был ли тот тоже разрушен, с такого расстояния понять было невозможно. Увидел Джошуа и два города, один на севере, другой на юге, но это явно были Мертвые Города; крыши и стены едва виднелись среди деревьев (кое-где, кажется, кусты и молодые деревца росли прямо на крышах), и все дороги, ведущие туда и оттуда, тоже полностью заросли, так что теперь их можно было лишь угадать по иной высоте деревьев и, местами, оттенку их крон.

А вот посреди леса на востоке маячило нечто непонятное.

Больше всего оно походило на кабачок, лежащий среди травы. Вот только если учесть, что "травой" ему служили вековые деревья, то и размеры самого "кабачка" были соответствующие. Наверное, ярдов сто в длину, а может, и больше (чисел больше ста Джошуа в любом случае не знал). Слишком огромное для машины, но и на здание тоже совсем не похоже. Ни о чем подобном Джошуа не слышал даже в рассказах скэвнджеров. Об автомобилях и поездах - да, но не о таких вот штуках. Сэма бы сюда, может, ему и попадалось такое в старых книгах...

"А в самом центре Вашингтона", - вспомнились ему рассказы, ходившие в поселке,

"стоит огромное здание с куполом, называемое Капитол, и выше его во всем свете домов нет и не может быть; и оттуда Святой Президент, наместник Господа на земле, правит миром." В Писании, правда, этого сказано не было - там все больше перечислялись драгоценные камни, из которых сложены двенадцать оснований стен города, и пастор называл грехом любые "суесловные домыслы", но домыслы эти были столь устойчивы, что, возможно, были не такими уж и суесловными.

Но похожа ли эта штуковина на купол? Ну разве что - заваленный набок... Да и вокруг не было ни стен из драгоценных камней, ни золота, "прозрачного, как стекло" (что это такое, Джошуа никогда не понимал, хотя золотые сережки и кольца видел), ни даже следов дорог, хотя бы и заросших - вообще ничего, лес и лес. Нет, это явно не может быть Вашингтон. И все же он наконец нашел нечто, чего не видел еще никто в поселке. И, возможно, оно укажет ему дальнейший путь. Может быть, он даже встретит там других спасенных...

Джошуа почти вприпрыжку побежал вниз с холма.

Больше всего он боялся, что проскочит мимо, особенно когда пришлось пробираться сквозь бурелом; однако загадочное сооружение было столь велико, что Джошуа издали заметил его очертания за деревьями. Он так спешил, что не смотрел толком под ноги и в итоге пребольно ушиб большой палец на ноге о некстати вылезший корень. И вот, наконец, он подошел к этой штуке вплотную и увидел ее практически целиком.

И понял, что спешил зря.

Чем бы оно ни было, оно было давно мертво. Вблизи это напоминало не столько даже кабачок, сколько исполинскую сгнившую рыбу, у которой клочья шкуры свисают с ребер. Вот только ребра здесь были не только поперечные, но и продольные, а шкура представляла собой некогда, вероятно, весьма прочную ткань. Но теперь снизу она превратилась в сплошные лохмотья, пропоротая деревьями во многих местах, да и на боках сохранилась далеко не везде; отставшие от каркаса обрывки, иными из которых легко можно было бы занавесить высокие церковные окна, шевелились и хлопали на ветру. Сходства с рыбой добавлял хвост из вертикального и горизонтального "плавников", размеры которых были под стать остальному сооружению. На этом хвосте еще можно было различить очертания пятиконечной звезды величиной, наверное, с дом Джошуа - только она была почему-то не белой, как на флагах Шерифа и Майора, а красной. Из длинного бока в трех местах торчало что-то вроде плоских, широких и коротких мачт с лопастями типа тех, что крутились над крышами Базы - только здесь лопасти объединялись в "соцветия" не по три, а по четыре, и оставались неподвижны (Джошуа даже разглядел в развилке двух лопастей старое, покинутое обитателями птичье гнездо).

Все это было таким огромным, что Джошуа, стоявший, задрав голову, не сразу обратил внимание на то, что внизу. Там, придавленное исполинским скелетом махины, протянулось нечто вроде длинного узкого барака, вросшего в землю по самые окна (слева глубже, справа меньше). Окна были необычной формы, со скругленными углами; некоторые из них были выбиты, в других еще сохранились стекла. В первый миг Джошуа решил, что громадина рухнула сверху на построенное здесь здание, но затем понял, что все это - части одной конструкции. И хотя уже было ясно, что к Вашингтону все это не имеет никакого отношения, столь же очевидно было и то, что скэвнджеры из поселка сюда не добирались, а значит, внутри все еще может оставаться что-то ценное. Не особо задумываясь, что он будет делать с этими ценностями, если так и не доберется до действующей церкви, Джошуа полез внутрь через ближайшее выбитое окно.

Он опускал ногу вниз с осторожностью, понимая, что может наткнуться на осколки, но наткнулся лишь на какую-то расплывшуюся под ступней ткань, причем под самым окном - очевидно, там стояла некая мебель. Действительно, протиснувшись через неширокое окно целиком, Джошуа оказался сидящим на корточках на сиденье кресла. Длинное помещение было все заставлено такими креслами, которые шли парами слева и справа от центрального прохода.

Словно скамьи в церкви, только гораздо уже.

И во многих из них сидели безголовые фигуры в пятнистых комбинезонах.

То кресло, на котором оказался Джошуа, было пусто. Но в соседнем сидел мертвец, все еще пристегнутый ремнем. Желтый шейный позвонок торчал из ворота его форменной одежды, висевшей на костях, словно на уродливой вешалке. На плечах топорщились покоробленные погоны, каких Джошуа никогда не видел: у солдат с Базы были только нарукавные шевроны.

Это зрелище совсем не доставило юноше удовольствия, и все же он спустился на пол и, брезгливо морщась, перелез через мертвеца, чтобы выбраться в проход. Здесь, впрочем, тоже валялось несколько облаченных в форму мумий - как видно, не все эти солдаты умерли пристегнутыми; а поскольку пол был перекошен, у передней стенки, в самом низком месте, громоздилась целая куча скатившихся туда голов - черепов, обтянутых ссохшейся кожей с остатками коротко стриженных волос. В некоторых из них, помимо разъявленных ртов и провалившихся носов и глазниц, зияли дыры, не предусмотренные природой.

Но было здесь и нечто куда более полезное.

Джошуа нагнулся и вытащил из костлявой кисти мертвеца штормовую винтовку.

Она тоже отличалась от уже знакомых ему по Базе - была короче и легче. Но у нее тоже имелся спусковой крючок и рычажок справа. Джошуа, крепко сжав оружие обеими руками, прицелился в еще целое окно и нажал на спуск. Но, хотя на сей раз он заблаговременно снял винтовку с предохранителя, выстрелов не последовало. Спусковой крючок повернулся с усилием и скрипом - и все.

Юноша перепробовал еще четыре винтовки. Ни одна из них не стреляла.

С разочарованным видом он оглядывал мертвецов. Ну, если их оружие бесполезно, то можно хотя бы поживиться их одеждой и, главное, обувью. Облачаться в одежду, в которой разложился ее прежний владелец, было противно, но Джошуа сказал себе, что лучше преодолеть отвращение, чем опять мерзнуть под дождем. На первый взгляд обмундирование покойников выглядело хотя и грязным, но целым, однако новоявленный скэвенджер быстро убедился, что ткань рвется и рассыпается под пальцами. Да и ботинки только на вид казались кожаными, а на самом деле были сделаны из какого-то покоробившегося заменителя, и у них отваливались пришитые истлевшими нитками подметки.

Однако пока он обследовал лишь одну комнату; двери из нее вели как вперед, так и назад. Переднее помещение, очевидно, почти полностью ушло в землю, и без факела там делать было нечего; к тому же, чтобы попасть туда, пришлось бы разгребать все эти скатившиеся к двери мертвые головы. Так что Джошуа двинулся к задней двери. Здесь его поначалу тоже ждало разочарование - хотя он дергал со всех сил, дверь не желала открываться ни вперед, ни назад. Но, когда он случайно потянул в сторону, она вдруг поддалась и уехала в стену. Юноша шагнул в следующее помещение.

Света здесь тоже оказалось мало - на многих окнах были опущены жесткие шторы. Все же Джошуа разглядел, что вместо кресел здесь стояли койки, вытянувшись вдоль прохода с обеих сторон. И почти на каждой из них лежал мертвый солдат - а если какие-то и были свободны, то только потому, что несколько покойников свалились на пол. У лежавших ногами вперед головы в основном были на месте. Пятнистая форма на мертвеце, скрючившемся лицом к стене на ближайшей койке справа, выглядела лучше, чем на остальных, равно как и его ботинки на толстой подошве - пожалуй, они сделали бы честь даже Майору; Джошуа подумал, что это, наверное, местный командир. В надежде, что эта обувь лучше не только на вид, юноша решительно ухватился за ботинок и, даже не пытаясь расшнуровать - зная, что тот и так легко соскользнет с иссохшей ноги - потянул на себя.

В следующий миг мертвец ударил его ногой в грудь.

Джошуа с воплем отлетел назад и стукнулся спиной о переборку. Командир, или кем он там был, уже сидел на своей койке и целился в него из своей пушки. Впрочем, после пары

мгновений парализующего ужаса Джошуа все же осознал, что лицо, которое смотрит на него, не похоже на обтянутый кожей череп.

- Т-т-ты кто?! - наконец сумел выдавить из себя юноша. В одном он был точно уверен - в поселке он этого человека никогда не видел.

- Это я у тебя должен спросить, - проворчал незнакомец. - Уже нельзя поспать посреди дикого леса вымершей страны, чтобы кто-то не пришел и не попытался украсть твои ботинки...

- Я думал, ты м-мертвый, - Джошуа все еще заикался.

- Пока еще нет. А вот ты сейчас будешь, если попытаешься меня обмануть, - он для убедительности дернул пушкой. - Откуда ты взялся и сколько вас здесь?

- Я... из поселка. Я здесь один, - поспешно добавил Джошуа.

- Из какого поселка? Как название?

Вообще-то какое-то название у поселка было. Оно даже было написано на табличке на доме Шерифа. Но его уже давно никто не употреблял, все говорили просто "поселок", а читать Джошуа не умел.

- Ну, поселок... - беспомощно пробормотал он. - На реке... - названия реки он тоже не знал. - Там рядом База... с солдатами...

- Дом, милый дом, - пробормотал субъект с пушкой. - Впрочем, неудивительно. И далеко до него еще?

- Шесть дней пути... почти семь.

- И ты один забрел в такую даль? Босиком?

- Я иду в Вашингтон, - гордо произнес Джошуа, даже став как бы выше от этих слов. - Ты, кстати, не оттуда?

- Вот представь себе, как раз оттуда! - хохотнул незнакомец. - В некотором смысле.

- И далеко до него? - обрадованно спросил юноша.

- Ну, это смотря как добираться. Туда я шел два года, но это потому, что пришлось останавливаться на зимовку в городах по пути. На обратном пути я был умнее и сделал большой крюк к югу, где всегда тепло. Путь получился вдвое длиннее, но и почти вдвое быстрее.

- Два года?! - повторил Джошуа, не веря своим ушам. А он-то надеялся, что можно дойти за две недели... Впрочем, этот человек проделал весь этот невообразимый путь - и все еще жив! Да, но если Мэри все это время будет оставаться в лапах насильников... или же...? Его вдруг осенило:

- Ты несешь приказ из Вашингтона?

- Какой приказ... Некому больше приказывать, - он сунул пушку в кобуру, висевшую у него не на поясе, как у Майора, а под мышкой. - Зато я побывал в библиотеке Конгресса. Большая ее часть, правда, сгорела, но кое-что сохранилось... даже цифровые носители. Представь, там еще остались работоспособные компьютеры, которые можно запитать от солнечных батарей. Фотоэлементы, конечно, заросли пылью, но я их расчистил... - тут до него дошло, что Джошуа смотрит на него круглыми глазами человека, понимающего из услышанного разве что предлоги и местоимения, и он со смешком перебил себя: - Ладно, давай сначала ты расскажешь, как тут очутился. Я думаю, твоя история попроще будет. Тебя как зовут, кстати? Меня Роберт.

- Джошуа... Позавчера, в эту пятницу, должна была быть моя свадьба... - начал со вздохом молодой человек.

- Понятно, - кивнул Роберт, дослушав до конца. - За тридцать лет мало что изменилось... Впрочем, неудивительно. Ты, кстати, садись, чего стоишь, - он указал на койку напротив.

- А... - Джошуа неуверенно покосился на лежавший там высохший труп, скаливший в потолок желтые зубы.

- Да сбрось его на пол, как я вон того, и все дела. Мертвые не кусаются... во всяком

случае, спустя столько лет.

Джошуа, хотя и не без внутреннего дискомфорта, последовал совету.

- Так ты, значит, не один из них? - уточнил он.

- Нет, конечно. Когда они тут загнулись, не то что меня - моих дедов еще на свете не было. Я просто решил тут привал сделать. Все лучше, чем под открытым небом.

- А что это такое вообще? - Джошуа обвел рукой вокруг.

- Дирижабль. Летающая машина, которую наполняют газом легче воздуха. В результате она плывет по воздуху, как бревно по воде, понимаешь? Они медленнее, но экономичнее самолетов и вертолетов. Когда разразился нефтяной кризис, их снова стали активно использовать, наши военные в том числе... Но это не наш.

- В смысле - не наш?

- Не американский. Не то китайский, не то русский - у обоих эмблемой ВВС была красная звезда, но в детали я, признаться, не вникал... В любом случае это в другом полушарии.

- Это наши враги?

- Вроде бы формально в начале войны и те, и те сохраняли нейтралитет, хотя и мешали нам, как могли, дипломатическими средствами - а уж что там дальше началось, сам черт не разберет... Во всяком случае, уж точно не друзья.

- Так они летели нас завоевывать?

- Нет, не думаю, - покачал головой Роберт. - Дирижаблю через океан несколько дней лететь, а тут для такого путешествия комфорта маловато. Ты бы смог несколько дней в кресле просидеть? Койки эти, скорее всего, не для отдыха, а для больных и раненых... Я так понимаю, это был какой-то местный военный рейс, там, у них. На борту обнаружилась чума, им запретили садиться. Пилоты умерли в воздухе, и все остальные тоже... раньше или позже. Кто-то застрелился, кто-то, возможно, стрелял друг в друга, но газовые баллоны они не пробили. Военная модификация, баллоны защищены от огня снизу... Двигатели, естественно, встали, выработав топливо, и ветры носили этот воздушный корабль-призрак вокруг всей Земли, может быть, не один год. Но газ все-таки постепенно просачивался из баллонов... это называется "диффузия"... и в конечном счете дирижабль упал в этом лесу. То есть опустился он достаточно мягко - головы этим поотрывало не ударом, а просто от них к тому времени давно остались кожа да кости, легкого толчка было достаточно.

- Но войну мы ведь выиграли?

- Никто ее не выиграл... Ты хоть знаешь, с кем и из-за чего она была?

- С воинством лжепророка. С демонами ночи, поклонявшимся луне. Они хотели сокрушить Господа нашего Иисуса и наши американские ценности.

- Да нет, война была из-за нефти... Точнее, из-за того, что ее осталось слишком мало.

- Слишком мало масла? (*) - удивленно переспросил Джошуа. - Кто мешал сажать больше кукурузы?

[(*) oil (англ.) - и масло, и нефть]

- Нет, это не кукурузное масло, - усмехнулся Роберт. - Это петролеум. Дословно - каменное масло, хотя на самом деле оно не из камня, его выкачивали из-под земли. Из него делали топливо для машин, асфальт для дорог, пестициды для полей и многое другое... Основные его месторождения были как раз у этих, чьим символом была луна... только никакие они были не демоны, такие же люди, как мы, только религия другая. Хотя, в общем, да, американские ценности они не жаловали. Зато любили американские деньги. Когда мировые запасы нефти оскудели, они взвинтили цены в несколько раз. Тогда страны Запада, то есть США и их союзники, потребовали, чтобы все мировые запасы нефти, как жизненно необходимый для всей цивилизации ресурс, были переданы под международный контроль. Эти, естественно, отказались. Тогда Запад ввел к ним войска с целью "обеспечить справедливое распределение нефти в интересах всего человечества". Они в ответ объявили нам джихад, священную войну.

Мы превосходили их во всем - у нас была высокоразвитая наука, высокоэффективное оружие, отлично обученная профессиональная армия. У тех не было ничего, кроме нефти и денег. Но на эти деньги они купили ученых - скорее всего, наших же западных ученых, хотя некоторые полагали, что это были русские или китайцы - которые создали для них свиную чуму. Высоковирулентную болезнь со стопроцентной летальностью. Проще говоря, заразу, вызывающую верную мучительную смерть.

- Но какой им был от этого прок? - удивился Джошуа. - Если они такие же люди, как и мы, они бы тоже заразились и умерли?

- Потому-то они и заказали именно свиную чуму. Ты знаешь, что такое свиньи?

- Чудовища из бездны, - без запинки ответил Джошуа. - В них вошли нечистые духи, которых изгнал Христос.

- Нет, свиньи были самой обычной скотиной, такой же, как коровы и лошади, только поменьше...

- Скотиной? - удивление юноши все росло. - То есть и это тоже были люди?

- Нет, это сейчас в качестве скотины приходится использовать людей, потому что настоящей скотины не осталось, - терпеливо пояснил Роберт. - А на самом деле скотина - это животные... звери земные. И они были не только для работы. Собственно, для работы они уже почти не использовались, машины справлялись гораздо лучше. Главным предназначением скотины было пищевое.

- То есть ее ели? - сообразил Джошуа. Идея звучала дико, но он еще раз напомнил себе, что речь не о людях.

- От некоторых видов еще получали молоко. Но свиней только ели, да. Фокус в том, что мусульманам - ну этим, с которыми мы воевали - их религия это запрещала. У них свинья считалась нечистым животным. Вот они и решили сделать вирус, который человеку передается только от свиньи. Неважно, живой или приготовленной. Чтобы, значит, неверные, то есть мы, перемерли, а правоверные, не имеющие никаких дел со свиньями, не пострадали. По-своему изящно, да. Не так чтобы идеально - у нас тоже были люди, которые не ели свинину и вообще мясо. Но таких было меньшинство, и если бы выжили только они, соотношение сил между Западом и Востоком - или как это у вас называют, Вашингтоном и Вавилоном - изменилось бы на противоположное. Так что да, придумано было остроумно. Вот только вирус мутировал. И в конечном счете стал не только передаваться напрямую от человека к человеку, но и вообще между любыми млекопитающими. И оказался смертельным для них всех, - Роберт замолчал.

- И что дальше? - поторопил его Джошуа.

- И все. Мир теперь принадлежит птицам, рыбам и рептилиям. Впрочем, возможно, в Австралии уцелели еще ехидны и утконосы. Была гипотеза, что на яйцекладущих млекопитающих вирус не действует, но проверить ее не успели - или, по крайней мере, я сведений об этом не нашел.

- А мы?!

- Что мы... Единственный поселок не в счет.

- То есть как единственный?! А Вашингтон?

- Ну я же сказал, там никого нет, кроме скелетов. Вашингтон - Мертвый Город. Как и все остальные города этой страны. И, полагаю, всех остальных стран.

- Но... - опешил Джошуа, - этого же просто не может быть!!! Ты ушел из поселка тридцать лет назад, так? Где же ты тогда все эти годы принимал причастие?

- Нигде.

- То есть как это нигде?! Ты бы умер через две недели!

- Но, как видишь, я жив. Причастие - такое же вранье, как и "приказ из Вашингтона". Все это придумано вашим начальством, чтобы держать вас в повиновении. Старый, как мир, метод кнута и пряника.

- Но... - возмущенно начал Джошуа и заткнулся, растерянно хлопая глазами. Он хотел сказать, что отлученные правда умирают, и он видел это своими глазами. Однако живое опровержение сидело перед ним на койке.

- Послушай и не перебивай, хорошо? - сказал Роберт. - Видишь ли, я, на самом деле, не то чтобы сам ушел из поселка. У нас с тобой есть кое-что общее. Мою мать постигла та же участь, что и твою невесту. Только ей удалось сбежать с Базы.

- И девушек там на самом деле... ну это... - спросил Джошуа, несмотря на просьбу не перебивать. До сих пор он ни разу не слышал, чтобы кому-либо из узниц удалось бежать. Оно и понятно - бежать было некуда. И, соответственно, никто не мог рассказать, что с ними там делают, из первых уст, а не на уровне сплетен и грязной похвальбы пьяных солдат.

- Увы, - кивнул Роберт. - Это называется солдатский бордель - тоже, прямо скажем, не новое изобретение... Правда, обычно так вели себя только оккупанты в чужой завоеванной стране. Но страны давно нет, а у кого оружие, тот и прав... Мать вообще о деталях не распространялась - сам понимаешь, не слишком приятно рассказывать о таком, тем более собственному сыну. Я только понял, что ее спас какой-то солдат - то ли он в нее влюбился, то ли просто попался такой вот идеалист. То есть он не думал, что спасает. Он думал, что обрекает ее на смерть, и она сама тоже так думала. Но они оба решили, что лучше ей умереть через две недели на свободе, чем жить в качестве секс-рабыни. В общем, он устроил ей побег. Не знаю, что с ним потом стало - дознались ли, наказали ли его... Идти в поселок мать, конечно, побоялась, бродила по лесу, как ты. Через две недели ей действительно стало плохо, но не смертельно. Потом было еще несколько рецидивов, с каждым разом слабее. Потом все прошло. Правда, когда она уже совсем уверилась, что здорова, неприятные симптомы вдруг появились опять. Тошнота, то, се. Но это уже не имело ничего общего с этим вашим причастием. Просто она была беременна. Мной. В поселок она так и не вернулась. Она всегда была умной - умела читать, между прочим, чуть ли не единственная из всех своих сверстниц - и понимала, что человеку, раскрывшему такую тайну, не жить. Родных было жалко, конечно, но пытаться повидаться с ними означало лишь подвергнуть их опасности. Так что она отыскивала подходящую ферму - достаточно далеко, чтобы никакие скэвнджеры из поселка туда не добрались - и поселилась там. Понятно, что за семьдесят лет ферма пришла в полное запустение, но все же там уцелело довольно много, и постепенно мать, с детства привычная к труду, вернула хозяйство к жизни, насколько это вообще было возможно. Там я и родился. Она научила меня читать - там и несколько книг было, правда, в основном ерунда всякая, типа Библии или инструкции к трактору, который не только насквозь проржавел, но и был бесполезен без топлива. Ну и работать на ферме, ясное дело, тоже научила. Мы с ней ходили и в другие мертвые поселения - ну, понятно, искали всякое полезное для хозяйства, но меня больше всего книги интересовали. Читал все, что мог найти. Но это все были очень старые книги и журналы - то есть еще задолго до войны. Как я потом понял, ко времени катастрофы печатной продукции в этой стране уже почти не выходило, даже в таких глухих сельских уголках все новости читали только на компьютерах, а чинить компьютеры мы, ясное дело, не умели, вообще не имели понятия, что это за штуки такие, да и электричества взять было неоткуда. Так что о том, что произошло с миром, мы имели самое смутное представление. Впервые мысль о том, чтобы дойти до Вашингтона, вообще совершить путешествие через всю страну, у меня появилась, когда я был еще мальчишкой. Но мать, конечно, сказала, что это глупости, что не для того мы столько лет поднимали хозяйство, чтобы все бросить и топать неизвестно куда, где нас поджидают бог весть какие опасности. И сама не пойдет, и меня не пустит. Ирония судьбы заключалась в том, что опасность поджидала как раз дома. Однажды к нам в дом заползла ядовитая змея, а мать не заметила впотьмах и на нее наступила... - Роберт вздохнул. - В общем, я сложил ей погребальный костер, как положено, а потом заколотил окна, подпер поленом дверь и отправился на восток. Первое время я еще надеялся, что встречу других людей... хотя не знаю,

больше надеялся или боялся. Я ведь до этого вообще никого, кроме матери, не видел. Ты - второй человек, которого я встречаю за всю мою жизнь. Мертвецы не в счет, само собой.

- А по тебе не скажешь, - хмыкнул Джошуа, вспоминая первые мгновения их встречи.

- Это я теперь такой смелый. После того как на компьютере фильмов насмотрелся. Это такие движущиеся картинки, воспроизводящие реальность... хотя сюжет может быть и нереальным, но актеры настоящие... а, сложно объяснить тому, кто не видел. А когда я отправлялся в путь, я даже не имел понятия, как выглядит, к примеру, старик. Представь, когда у меня в юности начал ломаться голос, я дико перепугался. Думал, что это какая-то болезнь, что я могу онеметь или еще хуже - я ведь до этого никогда не слышал голоса взрослого мужчины. Хорошо, мать была еще жива, объяснила... Но и страхи, и надежды оказались напрасны. Я пересек всю Америку с запада на восток и потом, другим путем, с востока на запад. Нигде нет не то что живых, но хотя бы каких-то следов, указывающих, что люди жили или хотя бы бывали там после Чумы. А поскольку американская наука была одной из самых передовых в мире, полагаю, все прочие справились с проблемой ничуть не лучше.

- Но как же мы? - вновь повторил Джошуа.

- Вот, честно говоря, как выжил поселок, мне самому не очень понятно. Наверное, на Базе было какое-то герметичное, полностью автономное убежище - скорее всего, строили против ядерной войны, а пригодилось против биологической. По идее, такие убежища должны были быть не только здесь, но, наверное, ими не успели воспользоваться, эпидемия распространялась слишком быстро, если хоть кто-то в убежище оказывался заражен, обречены были все. Но до этой глухой глубинки болезнь добралась позже... В общем, там спрятался и персонал, и жившие рядом гражданские. И отсиживались, пока вирус не погиб.

- Погиб?

- Ну да. Убил всех, на ком мог паразитировать, а дальше что ему делать? Парни с Базы это, конечно, обнаружили, у них были приборы и специалисты. Но расставаться с властью, даваемой чрезвычайным положением, им уже не хотелось. Особенно когда они поняли, что над ними самими никакого начальства больше не осталось. Со временем База превратилась в нечто вроде рыцарского ордена. Были, знаешь ли, такие в средневековье. Воины-монахи, со строгим уставом и все такое. Именовали себя защитниками слабых и веры Христовой, провозглашали аскетизм, обет безбрачия тоже практиковали. Но потрахать крестьянских девок были очень даже не прочь. А крестьяне обязаны были их поить-кормить, и не дай бог проявить к благородному господину недостаточно почтительности. Вот и ваш поселок, потомки гражданских - такие холопы при рыцарском замке. А чтобы вы не вздумали бунтовать, вам придумали сказочку про "приказ из Вашингтона", который вернет вам былые права - современный вариант "второго пришествия" - и, особенно удачно, причастие. Тут, надо сказать, они средневековые переплюнули - тогда причащали обычным хлебом и вином, что, само собой, таких эффектов, как теперь, не вызывало. Ну, прогресс, как-никак... На самом деле, никакое это не лекарство от Чумы и уж тем более не всякое священное дерьмо, как вам внушает пастор. Это просто какой-то наркотик, формирующий зависимость. Вас всех с младенчества сажают на иглу.

- Не сажают, - серьезно возразил Джошуа. - В руку колют. И... помирают же люди, если не колоть. На самом деле помирают. В муках.

- Это абстинентный синдром, - отмахнулся Роберт. - Ну... похмелье знаешь?

- Я вообще-то почти не пью, - признался Джошуа с неожиданным смущением. - Так, пива кружку-другую. На похоронах отца вот только сильно перебрал - мать-то я не помню почти, а вот об отце горевал сильно, и было мне тринадцать только... так блевал потом, и так башка трещала, что решил - никогда больше столько...

- Во-от, а теперь представь себе все те же ощущения, только во много раз сильнее. От некоторых наркотиков такое вполне возможно. Только у наркоманов со стажем это бывает не когда они примут дозу, а когда, наоборот, долго не принимают. Теоретически от этого можно и

умереть. Но такое все же редкость. Вот, моя мать же выжила, и даже, по ее словам, не так уж мучилась. Ну-ка Расскажи подробнее, как эти ваши отлученные помирают. Сдается мне, кто-то помогает им в этом деле.

Джошуа рассказал, что видел сам и знал от других.

- Ага, - возликовал Роберт, дослушав, - ну все же предельно очевидно. Во-первых, чаще всего приговоренные вовсе не умирают, а сами кончают с собой. Потому что уверены, что дальше будет еще хуже. Во-вторых, тут, разумеется, эффект самовнушения. Это дело давно известное, его еще африканские колдуны практиковали - если проклятый ими верил, что умрет, то на самом деле умирал, после чего, естественно, жители его деревни еще более уверялись в силе колдуна. Самоподдерживающийся процесс. Ну и самое главное - отлученных же просто приковывают к позорному столбу и оставляют так, не давая ни пить, ни есть!

- Ну, специально их действительно не поят-не кормят, но если кто из поселян их угостит, это не запрещается, - уточнил Джошуа. - Только это редко кто делает. Родные разве что, и то не всегда. Чаще всего они делают вид, что у них такого родственника и не было никогда...

- Ну правильно! Ты говоришь, самые стойкие умирают за неделю. За это время без воды любой здоровый загнется, а не то что страдающий от абстиненции! Там, наоборот, много пить надо, токсины из организма выводить...

- Хм... вроде все у тебя складно получается, - раздумчиво произнес Джошуа. - Но зачем тогда причащаются сами солдаты? Ведь можно было бы сказать, что они делают это на Базе, и никто бы ничего не заподозрил. Но нет, они принимают причастие вместе с нами, из одной и той же чаши, у всех на глазах...

- Ну... - Роберт замялся на мгновение, но тут же нашел ответ, - этому вашему Майору и его приближенным своих людей тоже держать в подчинении надо. А раз причастие так хорошо это обеспечивает... и тайну так хранить надежнее... Тем более что солдатами не рождаются. Все они с детства уже подсажены на наркотик.

- А сам Майор? - не отставал юноша. - Он-то зачем колется? Да, конечно, он тоже с детства подсажен, как ты говоришь. Но ведь мог бы и отвыкнуть, как твоя мать.

- А зачем ему? - усмехнулся Роберт. - Он ведь контролирует источник наркотика и знает, что никогда без дозы не останется. Так к чему лишний дискомфорт, хотя бы и временный? Опять же, демонстрация единства с народом... Хотя, возможно, тут все хитрее. Ну-ка опиши во всех деталях, как это ваше причастие происходит.

Джошуа описал.

- Все ясно, - с довольным видом кивнул Роберт. - Ха! Хитро же они придумали! Не нынешние, конечно, а те, что завели этот обычай. Жидкость в потире - это, на самом деле, никакое не "причастие". Это что-то вроде подкрашенного физиологического раствора. Никакого действия она не оказывает и нужна только для отвлечения внимания и создания иллюзии, что "все причащаются из одной чаши и одним шприцем". Наркотиком пропитаны ватки! Они-то как раз индивидуальны! И перед каждым уколом доктор протирает иглу. Для людей с Базы это просто дезинфекция. А остальные одновременно получают свою дозу. И вот еще что я подумал... кого чаще отлучают - мужчин или женщин?

- Ну, это не так уж часто бывает... На моей памяти несколько раз всего. Но все мужчины.

- Угу. А для женщин у них есть "рекрутирование". Ты обрати внимание, кого они забирают - моя мать чуть ли не единственной из всех девушек умела читать, твоя Мэри заподозрила, что "Вашингтон" - это обман... Не нужны им слишком умные.

- Так ведь девушек забирают, чтобы... - Джошуа вновь сконфузился, все не решаясь произнести неприличное слово.

- Ну да. Почему бы не совместить полезное с приятным? - фыркнул Роберт.

- Но их каждый год забирают, это чаще, чем отлучения. И вовсе не обязательно умных. Вот, к примеру, два года назад Магду забрали, на той же улице, что я, жила - так дура дурой...

- Но и отлучают тоже не только бунтовщиков, но и убийц, - кивнул Роберт. - Все правильно. В концлагеря тоже попадали не только за политику... Просто если у власти есть некий механизм, позволяющий избавляться от неугодных - он будет использоваться в том числе и для этого, даже если его формальная цель иная.

- Ублюдки, - с ненавистью процедил Джошуа.

- Возможно, окажись мы с тобой на их месте, мы вели бы себя не лучше, - философски заметил Роберт.

- Ну это уж ты хватил!

- Я не хватил. Я просто читал книжки по истории. Знаешь, из кого получались самые жестокие тираны? Из бывших угнетенных, пришедших к власти под лозунгами борьбы за свободу.

- Ну и что теперь - не бороться?

Роберт пожал плечами.

- Сам-то что теперь делать собираешься? - спросил Джошуа, помолчав.

- Домой вернусь, буду порядок на ферме наводить. Как-никак, больше шести лет прошло, заросло небось все...

- Ты же говорил - три года ходил?

- Ну да, и еще столько же в библиотеке Конгресса просидел.

- Так там же почти все сгорело?

- Читал то, что осталось. А если бы там все уцелело, мне бы и десяти жизней не хватило...

- А я? Что мне теперь делать?

- Тоже себе ферму какую-нибудь пригляди и отреставрируй. Соседями будем, помогу на первое время... К себе жить не зову, извини. В гости ходить будем, но жить я привык один, мне так лучше.

- Да ты с ума сошел?! - гневно воскликнул Джошуа. - Теперь, когда мы знаем правду, вот так все бросить? Позволить этим гадам и дальше... И Мэри!...

- Только не вздумай бросаться на меня с кулаками, но твою Мэри уже поймали все солдаты Базы. И ты это знаешь.

Несмотря на предупреждение, юноша почувствовал, как его кулаки рефлексивно сжались, до боли от вонзившихся в ладони ногтей. Хотя, конечно, Роберт был прав. Даже если бы не запрет доктора - впрочем, не врал ли тот, чтобы утихомирить потенциального смутьяна? - жениться на обесчещенной девушке нельзя. Даже если она лишилась невинности не по своей вине. От них бы отвернулся весь поселок, а их ребенка иначе, как ублюдком, никто бы не называл. И, кстати, большой вопрос, от кого на самом деле был бы этот ребенок...

- Я все равно ее люблю, - глухо произнес Джошуа. - Ее надо спасти. Лучше поздно, чем никогда. И не только ее! - поспешно добавил он, заметив выражение лица Роберта. - Всех, кого еще ждет та же участь! И отомстить за всех, кого она уже постигла! Ты-то сам - неужели не хочешь отплатить за то, что сделали твоей матери?!

- Что сделали, что сделали... меня сделали, - пробурчал Роберт. - Что ты предлагаешь-то?

- То есть как это что? Идти в поселок и рассказать там все, что ты рассказал мне. Только, конечно, надо идти вместе. Ты - живое доказательство, что причастие - вранье. Мне они не поверят, но не могут же не поверить своим глазам!

- Угу. И не успеем мы закончить нашу лекцию, как придут солдаты и прикончат нас обоих.

- У тебя же пушка!

- У них тоже. И их больше.

- Да за нас встанет весь поселок! Как только узнает правду...

- Встанет-встанет. Чтобы тащить дрова к костру, на котором нас сожгут. Джошуа, ты не

читал книг по истории и социологии. Ты не понимаешь очень простых вещей. По-твоему, если власть и церковь утверждают, что человек не может выжить без причастия больше двух недель, и тут появляюсь я, живущий без причастия всю жизнь, то это означает, что власть и церковь врут?

- Ну да, - кивнул Джошуа, не понимая, куда тот клонит. - Что же еще?

- А по-ихнему это означает, что я - не человек.

- А кто же тогда?

- Антихрист. Лжепророк. И цитаты соответствующие подберут. "И даны были ему уста говорить гордо и богохульно..." Все, мол, заранее было предсказано в Писании и только подтверждает его правоту. Правда, по нынешней доктрине, насколько я понимаю, Апокалипсис уже был. Ну ничего, малость подредактируют в очередной раз. Не впервой.

- А... - открыл рот Джошуа и тут же пристыженно замолчал.

- Вот видишь! - проницательно воскликнул Роберт. - Даже ты на миг подумал "а почему это и в самом деле не может быть так?"! Что же ты хочешь от остальных поселян?

- Но попробовать-то надо! Я думаю, многие все-таки поверят нам, а не начальству!

- Предпочитаю пробовать там, где на кону не стоит моя единственная жизнь.

- И это говорит человек, дважды в одиночку пересекший всю Америку?

- Тогда я рисковал ради знания. Мне было интересно. И, кстати, не таким уж большим оказался риск. Если не считать ядовитых змей, некоторых насекомых, которые в наших краях не водятся, и некоторых весьма редких стихийных бедствий, мир сейчас - на удивление безопасное место. Никаких крупных хищников, включая двуногих... А ради чего мне рисковать теперь? Ради твоей Мэри? Извини, но мне она никто.

- Ради свободы и справедливости! - запальчиво воскликнул Джошуа.

- Я, если ты еще не заметил, абсолютно свободен. Ты теперь, кстати, тоже... А что касается справедливости, то люди боролись за нее на протяжении всей истории. Включая последнюю войну. Чем это кончилось, ты знаешь.

- Пока еще не кончилось.

- В смысле?

- Мы еще живы. Не только мы с тобой. Мы, люди. И мы можем... мы должны снова заселить землю.

- Угу, "плодитесь и размножайтесь", - насмешливо процитировал Роберт. - Ты уверен, что Земле это надо?

- Сейчас никто не пытается жить за пределами поселка, - продолжал Джошуа, игнорируя его сарказм. - Сам понимаешь, почему. В крайнем случае, ремонтируют или строят новые дома на окраине, но в целом поселок почти не растет. Я вот сейчас подумал, может, эти разрешения и запреты на брак как раз для того и нужны, чтобы нас не становилось слишком много...

- Полагаю, в первую очередь ваш доктор все же озабочен риском вырождения и наследственных болезней, который всегда высок в замкнутых популяциях, - возразил Роберт. - Ну, когда много браков между родственниками и все такое. Но, возможно, ваше начальство и в самом деле искусственно сдерживает рост населения. Дефицит ресурсов, сложность контроля...

- А если люди узнают правду, они начнут расселяться. Восстанавливать фермы в округе, строить новые... - говоря "люди", Джошуа в первую очередь имел в виду себя с Мэри. Жить вместе в поселке они не смогут, но если они вдвоем обоснуются на новом месте, плевать им на поселковую мораль. Однако в самом деле, почему бы так не поступить и другим? Тем, что будут осуждать их, сойдясь вместе - ибо "так принято", но, может, поддержали бы поодиночке? - Теперь все может получиться не так, как раньше! - продолжал он с воодушевлением. - Зачем воевать? Места на всех хватит! Пусть каждый живет, как ему нравится! Может, и тебе невесту найдем, - подмигнул он.

- Вот уж чего мне даром не надо, - поморщился Роберт. - Один из главных выводов,

которые я сделал из книг - если на свете и есть что-то более глупое, чем ваша религия, то это ваша любовь.

- Хорошо, хорошо. Живи один, если тебе так нравится. Но скажи мне, Роберт - а зачем ты вернулся? Почему не остался там, в Вашингтоне?

- Я не люблю крупных городов. Там, конечно, улицы уже тоже лесом поросли, но все равно - на ферме оно как-то приятнее, чем среди сплошных развалин и скелетов. И одной охотой на птиц кормиться утомительно.

- А разве в тех краях нет своих ферм?

- Есть, конечно... Но в эту мы с матерью столько труда вложили. Жалко бросать, - признался Роберт.

- Во-от, - восторжествовал Джошуа, рассчитывавший именно на такой ответ, - а все остальное тебе не жалко? Весь труд, вложенный человечеством? Ты только подумай! Вот хоть эта штука... этот дирижабль... в него же всю нашу церковь целиком запихать можно - а ты говоришь, такая громадина по небу летала, вокруг всего света облететь могла! Или эти, как их... капютеры с движущимися картинками... Неужели ты хочешь, чтобы все это окончательно сгнило и рассыпалось? Неужели тебе не *интересно* это восстановить?

- Хм... - Роберт задумался. - Без нефти? Чуть-чуть ее еще осталось, я даже видел хранилища, но надолго не хватит...

- А что, вместо нее нельзя ничего придумать?

- Вообще-то можно, - признал Роберт. - Были уже альтернативные источники энергии, эффективность у них была поменьше, но тем не менее... Органическая химия опять же на месте не стояла. Если бы люди были поумнее и все ресурсы, которые тратились на войну, направляли на решение проблем, ее вызывающих...

- Будут, - пообещал за все человечество Джошуа. - Когда узнают правду. Даже курица учится на собственном опыте, неужели мы глупее?! Только сначала нужно все им рассказать. И покончить с властью Базы, которой не нужны умники. Так что? Ты со мной? Или предпочтешь просидеть остаток жизни на своей ферме, зная, что от тебя одного зависело возрождение человечества, а ты просто-напросто струсил?

- Ладно, ладно, смельчак нашелся, - проворчал Роберт, - нечего меня подначивать, я на "слабо" не берусь. Но, по правде говоря, поуправлять такой штукой мне бы и впрямь хотелось. Или хотя бы пассажиром на ней пролететь... Сколько лет только уйдет на такое... это ж тебе не мотыгу от ржавчины очистить...

- Ну, мы с тобой вроде не завтра помирать собрались, - беспечно ответил Джошуа. - Лет тридцать-сорок еще точно проживем. Дети подрастут, помощники... заведем обычай, чтоб всем детям с малолетства учиться читать...

- Ладно-ладно, размечтался, - перебил Роберт. - Пока что нас с тобой двое против всего остального человечества, пусть и крайне сейчас немногочисленного. И я вот что думаю - сейчас по-любому надо идти на мою ферму, до нее где-то день-два пути осталось. В поселок нам пока рано. Надо подождать недели три как минимум.

- Зачем?! - возмутился Джошуа.

- Сам подумай, про меня твои соплеменники ничего не знают, кто я и что я. Зато тебя знают, как облупленного. И вот когда перед ними появишься ты, месяц не принимавший причастия - а лучше месяца два-три, чтобы уж точно все рецидивы сошли на нет - и при этом живой и здоровый, это для них будет аргумент.

- Нет! - воскликнул Джошуа. Оставить Мэри в солдатском борделе еще на два месяца?! И все это время она даже не будет знать, что спасение близко! Но для Роберта у него нашелся иной довод: - Если начальство объявит Антихристом тебя, оно и про меня скажет, что я одержим нечистым духом. Что я, может быть, давно уже мертв, а в мое тело бес забрался и изнутри им управляет...

- Хм, пожалуй, - признал Роберт. - Ну и? У тебя есть какой-нибудь план?

- Хорошо бы заявиться прямо в церковь во время причастия и разоблачить...

- К сожалению, я не могу провести химический анализ этих ваших святых даров, - перебил Роберт. - У меня нет ни реактивов, ни, честно говоря, навыков. Химию я знаю совсем чуть-чуть. А если бы даже и мог, как доказать толпе невежественных фанатиков, что мой анализ правильный? Нас растерзают прежде, чем мы сумеем что-то объяснить.

- А если... а если объявить, что ты и есть гонец из Вашингтона, доставивший тот самый приказ, которого все ждут? Ты ведь сможешь его написать?

- У меня нет с собой бумаги, которая могла бы сойти за официальный бланк. Листок из блокнота, где я делал заметки, явно не годится... Но главное - ты хочешь начать разоблачение чужой лжи со своей собственной?

- Хм... - смутился Джошуа. - Ну ради святой цели...

- Угу, вот так оно всегда в истории и начиналось, - насмешливо кивнул Роберт. - Но главное тут не моральные аспекты, а то, что потом нам никто уже не поверит. А солдаты, знающие, что никакого Вашингтона больше нет, не поверят сразу.

- Думаешь, они это точно знают? Они же там не были.

- Ты говоришь, на базе есть электричество. Вероятно, есть и радиосвязь. Вот только держать ее не с кем.

- А Шериф? Как думаешь, он в курсе?

- Скорее всего, нет, - ответил Роберт, подумав. - Он - марионетка Базы. Нечто вроде коллаборанта из местных, назначенного оккупационной администрацией, или крестьянского старосты при тех же феодалах. Знать господские секреты ему не по чину.

- Пожалуй, - кивнул Джошуа, припоминая, в каких выражениях характеризовал Шерифа Майор. - А может, все же встретиться сначала с ним и переманить его на нашу сторону? Пообещать ему, что он будет Майором нашего поселка, как до Чумы... а там уж посмотрим, выберут его или нет.

- Мэр, - поправил Роберт. - У гражданских это называется "мэр". И, кстати говоря, "майор" - это никакой не титул и не должность правителя. Просто офицерское звание, не самое высокое. Над ним еще лейтенант-полковник, полковник и несколько уровней генералов. В принципе, комендант Базы мог бы присвоить себе любое из этих званий - возражать бы никто не стал. Но он остался Майором, как и его предшественник времен моей матери, и как, очевидно, все предыдущие, начиная с того, кто командовал в убежище. Чуешь, к чему я клоню?

- Нет пока, - признался Джошуа.

- Традиция, оторвавшаяся от своих корней. Вам там, в поселке, кажется, что если на Базе делают электричество и чинят соковыжималки, то они там жутко умные и все знающие, как в старину. А на самом деле для них это давно превратилось в ритуал. Они тупо копируют одни и те же действия, смысла которых уже не понимают. Причем со временем ошибки при копировании накапливаются. Обрати внимание, как легко ты справился с тремя вооруженными охранниками. Один позволяет вырвать у себя оружие. Второй считает ворон, пока ты бежишь к нему, топая на весь дом. Третий забывает снять винтовку с предохранителя - что он вообще-то должен был сделать сразу, как только слышал сирену тревоги! - и выскакивает тебе навстречу, даже не заперев калитку, вместо того, чтобы просто шлепнуть тебя из укрытия. И это - обученные профессионалы, имеющие дело с огородником, который никогда не держал в руках ничего смертоноснее лопаты? Нет, какую-то тренировку они, конечно, проходят. И даже, скорее всего, регулярно. Нечем занять солдат - займи их муштрой, дело известное. Но, в отличие от древних рыцарей, ни они, ни их учителя, ни учителя их учителей никогда не имели дела с реальным противником. И при столкновении с таковым просто теряются.

- Ты хочешь сказать...

- Я хочу сказать, что действовать через Шерифа - это дохлый номер. Он наверняка глуп,

труслив и лишен амбиций - за это его и назначили на его должность. Но даже если предположить, что со временем у него амбиции все же появились - что он может сделать? Тайно предложить Базе договориться по-хорошему? Его уберут так же, как убрали бы в таком случае нас. Объявить истину на общем собрании? Это вызовет раскол, не все поселяне ему поверят, догма о причастии слишком крепко вколачивалась в ваши мозги. Особенно если на ее защиту выступит пастор - а он, несомненно, так и сделает. А тем временем солдаты просто запрутся на своей Базе и будут ждать. И при первых признаках абстинентного синдрома весь поселок поползет к ним на коленях, неся на палках наши головы. И голову Шерифа, если понадобится. А вот внезапный решительный штурм Базы малыми силами может иметь успех. А потом - поставить поселок перед фактом. Особенно если Майора взять живым и заставить публично во всем признаться.

- А почему малыми силами?

- Потому что, пока ты будешь агитировать большие, нас заложат. Ты и так изрядно подорвал фактор внезапности своей "теорией заговора"... но будем надеяться, что они уже поняли, что это блеф, и успокоились. Тогда все к лучшему, как в притче про мальчика, кричавшего "волки"...

Джошуа не знал ни притчи, ни самого слова "волки", но не стал переспрашивать.

- Сколько солдат на Базе? - продолжал расспрашивать Роберт.

- Нуу... - вопрос застал юношу врасплох. - Дюжины четыре точно есть... может, больше... это не считая молодняка, который там обучается.

- А сколько народу в поселке? Взрослых?

- Много.

- Что значит "много"? Триста, пятьсот, тысяча? - первоначальный скептицизм Роберта таял на глазах; он почувствовал себя в новой интересной роли - полководца, планирующего операцию.

- Намного больше, чем сто, - выдавил из себя Джошуа, стыдясь скудости своих математических познаний.

- Ясно, - хмыкнул Роберт. - Ладно, сформулируем более важный вопрос - сколько в поселке обиженных?

- Что значит "обиженных"?

- То и значит. Тех, у кого есть повод для серьезной обиды на начальство, и на Базу в первую очередь. Только действительно серьезной. Такой, чтобы человек жизнью был готов рискнуть, лишь бы отплатить.

- Ну, не знаю, - вновь растерялся Джошуа. - О таких вещах же вслух не говорят, боятся...

- Например, родня девушек, похищенных за последние годы, - подсказал Роберт. - И не только родня. Женихи вроде тебя, ухажеры... хотя бы и просто друзья...

- Какие же у девушек друзья? Подруги разве что?

- А хоть бы и подруги. Из женщин, знаешь ли, в прошлом получались очень неплохие бойцы. Особенно для всяких скрытных операций, которые выигрываются не грубой силой, а требуют терпения и аккуратности. Дополнительный плюс в том, что противник обычно от них такого не ожидает...

- Ой, нет, наши девушки не такие, - возразил Джошуа. - Поохать-поахать, слезу пустить - это да, ну, иногда волосы друг дружке дерут из-за парня какого-нибудь, но чтоб всерьез воевать... Такое им и предлагать глупо. Разболтают наверняка.

- Жаль. Ну ладно, ограничимся мужчинами. По девушке в год, у каждой отец, у многих братья или кавалеры... несколько десятков ведь набирается?

- Если так считать, то набирается, только многим ли из них довериться можно? Я вот Фреда с Биллом ни на что подбить так и не смог.

- Это потому, что они считали сопротивление безнадежным. А теперь надежда будет.

- Все равно. Мало кому довериться можно. Многие испугаются, или даже побегут доносить, боясь, чтобы соседи не опередили, - повторил умудренный Джошуа слова Фреда.

- Да уж... земля свободных, дом смелых... - проворчал Роберт, опять явно что-то цитируя.

- О, кстати. Как насчет рабов?

- Скотины-то? - удивился Джошуа; он настолько привык, что их не считают за людей, что мысль о подобном мобилизационном ресурсе не могла прийти ему в голову. - Дюжины полторы наберется. Вообще да, им, кроме причастия, терять нечего. И если их убедить, что причастие - это враки... Но потом-то что? Ведь их освобождать придется!

- Ну да. И что?

- Так они, между прочим, в скоты-то не просто так угодили. За дело.

- Объявим амнистию в честь победы демократии, - осклабился Роберт. - Часть срока они отмотали, надеюсь, извлекут урок.

- А пахать и ездить на ком?!

- На восстановленных машинах, но это в будущем, - ответил Роберт без запинки. - А пока - на пленных солдатах.

- Точно! - немедленно согласился Джошуа. - Это самое малое, что они заслужили за то, что делают с девушками. Пусть-ка на собственной шкуре узнают, что такое "рекрутирование на работу, которую могут выполнить только они"! Постой... но ведь если причастия не будет, они разбегутся?

- За десять тысяч лет истории принудительного труда, - усмехнулся Роберт, - человечество придумало множество способов предотвращать это без всякого причастия.

- В общем, если вместе с рабами, то десятка три точно наберем, а скорее больше, - заключил Джошуа. - Только чем их вооружить? Я попробовал штормовые винтовки, что здесь валяются, но что-то они не стреляют. Это потому, что китайские?

- "Штурмовые" и "китайские", - поправил Роберт. - Но не поэтому. А потому, что они тут сто лет провалялись без всякого ухода. Огнестрельное оружие надо регулярно чистить и смазывать... в крайнем случае - хранить в соответствующих условиях. Я вот свой пистолет на оружейном складе взял упакованным в промасленную ткань, во влагонепроницаемом контейнере... Впрочем, думаю, если винтовки, что здесь валяются, разобрать и как следует прочистить, хотя бы некоторые можно вернуть к жизни. Но много их мы на себе все равно не дотащим. А кроме того, из них еще стрелять уметь надо. И чтобы тренироваться, надо далеко в лес уходить, чтобы в поселке стрельбы не слышали. А на то, что несколько человек вроде бы без дела одновременно в лес ходят, могут внимание обратить... рабам же и вовсе никуда ходить нельзя. Лично мое любимое оружие - вот, - Роберт вытащил из-под койки объемистый рюкзак со множеством карманов, к которому сбоку на специальных петлях была привешена странная черная штука, похожая на помесь винтовки и лука, с какими охотники из поселка ходили на диких птиц. Только их луки были сделаны из гибких веток, а этот, заметно меньший по размеру - не то из металла, не то вовсе из какого-то неведомого в поселке материала. И еще с его "винтовочной" стороны чернела какая-то трубка со вставленными в нее стеклами.

- Композитный арбалет с оптическим прицелом, - похвастался Роберт. - В принципе, даже с лазерным целеуказателем, только батарейка давно сдохла... Боевыми оружием, между прочим, не считался - я его в охотничьем магазине взял. Однако убойная сила получше, чем у иного огнестрела, только дальность поменьше и нет автоматической перезарядки, само собой... Зато бьет бесшумно. Для того чтобы снимать часовых и все такое - в самый раз. И боеприпасы можно использовать по многу раз, - Роберт сунул руку в карман рюкзака и продемонстрировал Джошуа короткие и увесистые на вид металлические стрелы. - А можно зарядить его, к примеру, вот такой штукой, - он вытащил какой-то сверток и принялся разматывать тряпки; взору Джошуа предстало нечто вроде гигантского рыболовного крючка, растопырившегося на четыре стороны. - Цепляем к хвосту трос - он у меня тоже есть - и выстреливаем, - продолжал пояснять Роберт. -

Оно цепляется за что-нибудь, и забираемся туда по тросу. Например, за стену Базы...

- Там поверху проволока, - сообщил Джошуа.

- Не вопрос, - Роберт слазил в другой карман рюкзака. - Ножницы по металлу - я ими дужки замков перекусывал, а не то что какую-то колючку. Ну и, собственно, тяжелая артиллерия... - на сей раз он вытащил из рюкзака прямоугольный брусок, отдаленно похожий на мыло, которое варили в поселке. - Пластичная взрывчатка. Этим я разносил двери, если не получалось попасть в помещение иным способом. В общем-то, задачу проникновения на закрытый объект я решал уже много раз. Лишь с одной существенной разницей - те объекты были неохранные.

- И много у тебя этого?

- Арбалет, увы, только один. И взрывчатки только три куса осталось. Неделю назад хотел выкинуть, чтоб лишнюю тяжесть не тащить, но жалко стало... Так что нашей задачей будет навязать противнику ближний бой, лучше всего - рукопашную внутри помещений. Мне кажется, к этому ваши солдаты совершенно не приучены, слишком привыкли полагаться на свои штурмовые винтовки... и даже не на сами винтовки, а на страх, ими внушаемый. Но ревизией здешнего огнестрела все же займемся. Пару-тройку действующих винтовок притащить с собой не помешает. В конце концов, даже неумеха, полосующий очередями от пояса, способен наделать дел, что доказал не кто иной, как ты. Надеюсь, эти китайско-русские винтовки устроены не сложнее наших...

До вечера ему удалось восстановить боеспособность четырех винтовок и двух офицерских пистолетов; Джошуа попутно научился их разбирать и собирать. Кроме того, Роберт выделил новому товарищу запасную пару ботинок, которые, правда, оказались великоваты, но уж лучше велики, чем малы. Также Роберт поделился с Джошуа своими съестными припасами: сухой порошок из завинчивающейся банки, растворенный в воде, превращался в густой и неожиданно сытный бульон.

По мере приближения сумерек Джошуа принялся все настойчивей намекать на то, чтобы покинуть дирижабль с мертвецами и заночевать где-нибудь в другом месте. Когда Роберт понял, что его беспокоит, то рассмеялся:

- И это говорит человек, задумавший возродить цивилизацию! Нет уж, начни с того, что выкини на помойку эти дикие предрассудки. Ты же не боишься остаться на ночь в одном доме, скажем, с жареным гусем? Объясни, чем мертвый человек страшнее мертвой птицы?

- Ну... ты прав, наверное, - смущенно пробормотал юноша, - хотя про птичьи призраки историй не рассказывают.

- Могу придумать и рассказать специально для тебя, - осклабился Роберт. - Что от этого изменится? Как думаешь, сколько раз за последние годы я ночевал в домах со скелетами? Вообще, будь во всех этих страшных историях хоть капля правды, после гибели восьми миллиардов человек от привидений было бы просто не продохнуть.

Он, разумеется, оказался прав - ночь в обществе мумий прошла спокойно, а наутро товарищи двинулись в путь на запад. Поскольку Роберт тащил свой рюкзак, набитый предыдущими трофеями, на Джошуа навесили все огнестрельное оружие и подсумки с боеприпасами, а также лучше всех сохранившийся из найденных на дирижабле вещевой мешок, куда перекочевала часть груза Роберта. Тем не менее, обратный путь оказался для Джошуа куда более легким - не только потому, что он шел теперь в ботинках, но и потому, что у Роберта была карта (точнее, целый атлас США) и компас. Как выяснилось, Джошуа таки изрядно поплутал, прежде чем вышел к дирижаблю; теперь они шли заметно более прямым и удобным путем. К тому же больше не приходилось отвлекаться, подкрадываясь с камнями к птицам. Переправа через большую реку также не вызвала трудностей - они перешли ее по другому, все еще не разрушенному мосту. По пути Джошуа практиковался в стрельбе из винтовки (хотя и не очень много - патроны все же надо было экономить) и арбалета. Результаты, по правде говоря, были не

блестящими, но Роберт выдал заключение "в снайперы пока не годишься, но по толпе не промахнешься".

В итоге уже вечером пятницы они оказались вблизи поселка. На момент, когда зашло солнце, им, по прикидкам Роберта, оставалось пройти еще несколько миль. Роберт хотел, как обычно, остановиться на ночлег и продолжить путь утром, но Джошуа, посмотрев на карту, предложил выйти на проходящую через поселок дорогу (на карте гордо значившуюся, как шоссе, а теперь представлявшую собой тележную колею в лесных зарослях) и идти по ней, если понадобится, всю ночь, лишь бы оказаться в поселке еще до рассвета. У Роберта, уставшего за день (как, впрочем, и сам Джошуа), идея восторга не вызвала, хотя он, конечно, понимал, что соваться в поселок при свете дня не следует. Но Джошуа настаивал, что, если они начнут вербовку союзников уже этой ночью, то, возможно, сумеют захватить Базу в ближайшее же воскресенье. Роберт полагал подобную спешку безрассудством и планировал готовить операцию, как минимум, неделю - тем более что ближайшее воскресенье было как раз датой мнимого заговора, что могло свести на нет фактор внезапности. Джошуа, однако, привел два контраргумента - во-первых, абстинентный синдром, который на следующей неделе может существенно снизить его собственную боеспособность (как и способность убеждать своим видом поселян), а во-вторых, риск, что при длительной подготовке кто-нибудь что-нибудь заметит и донесет. Роберт посмотрел на него с усмешкой, словно говоря "на самом деле ты просто хочешь как можно скорее вытащить свою Мэри!", но вслух лишь произнес: "Ну ладно, пошли разведем обстановку, если тебе так не терпится. Но на рожон не лезть!"

То, что операцию следует проводить именно в воскресенье, они порешили уже давно. День, когда половина солдат идут в церковь, включая Майора, который присутствует на воскресных службах и по четным, и по нечетным неделям. Нападать на них внутри, как в первоначально придуманном Джошуа "заговоре", нужды не было - достаточно заблокировать их там, заперев двери церкви снаружи; это как раз могли бы сделать толпившиеся на паперти рабы. Тем временем штурмовая группа перебирается через стену со стороны леса и молниеносным ударом расправляется с оставшимися на Базе защитниками. А потом, когда База уже в руках восставших, запертым в церкви (вместе с поселянами) солдатам ничего не остается, как сдаться и рассказать людям правду в обмен на жизнь... Во всяком случае, так это выглядело в теории. Но мыслимо ли подготовить такую операцию с нуля за полтора дня - да еще с людьми, никогда прежде не державшими в руках оружия?!

Джошуа, очевидно, надеялся, что да.

Им хватило последнего вечернего света, чтобы добраться до дороги; дальше идти пришлось в полной темноте безлунной ночи, но колея в конечном счете вывела их к цели.

Поселок также лежал во тьме; нигде, насколько могли видеть Джошуа и Роберт, не светило ни единого окна. Поселяне вообще старались пораньше ложиться спать, чтобы не жечь попусту свечи и светильное масло, а уж в столь поздний - или скорее уже даже ранний - час тем более никто не бодрствовал. Со стороны Базы, днем хорошо различимой отсюда, также не видно было никаких огней или хотя бы отсветов.

- Экономят электричество, - тихо пробормотал Роберт. - Хорошо. Ну ладно, веди к твоему кузнецу.

О том, что первый визит стоит нанести все-таки Фреду, они договорились заранее. Из всех пострадавших от властей он был ближе прочих знаком Джошуа, и к тому же его боль потери была самой свежей. Поначалу, правда, эта идея Роберту не слишком понравилась - он думал, что после всего, учиненного Джошуа, семья Мэри будет под подозрением, и за домом вполне может быть установлена слежка - но Джошуа уверил его, что едва ли эта слежка сохраняется в течение двух недель, да и вообще, организовать тайное наблюдение за домом не так-то просто. Никто из людей Шерифа заниматься этим, скорее всего, не будет - максимум, велели соседям, чтоб приглядывали и, если что, сразу донесли. Но соседи по ночам поспать

тоже не дураки.

И вот теперь заговорщики пробирались по погруженным во мрак улицам. Было очень тихо, лишь ритмично свистели цикады. В какой-то момент Роберт налетел в темноте на мусорный бак; тот с шумом опрокинулся, вываливая содержимое на дорогу. Сообщники замерли, но вокруг по-прежнему все было тихо и спокойно. "Хорошо, что на свете не осталось собак", прошептал Роберт.

И вот, наконец, они добрались до дома, который Джошуа не мог не узнать даже в темноте. Из предосторожности они подошли к нему не со стороны калитки, а со стороны заднего двора. Когда-то он был отделен от улицы проволоочной сеткой, но после того, как проволоку изъела коррозия, на смену ей, как и в других домах поселка, пришел невысокий плетень, представлявший преграду разве что для домашней птицы. Джошуа, а за ним Роберт с легкостью перелезли через него. Все было по-прежнему спокойно, но Джошуа на всякий случай достал пистолет (ставший за последние дни его любимой игрушкой, куда более приятной, чем тяжелые штурмовые винтовки), а Роберт взвел тетиву своего арбалета. Затем они крадучись двинулись к дому мимо сарая, протянувшегося вдоль границы владений кузнеца с соседским участком.

Вдруг Джошуа замер. Из сарая, где, как он знал, хранились инструменты и не было никакой живности, послышался некий звук - не то шорох, не то придушенный вздох. Юноша ухватил Роберта за рукав и показал на сарай. Тот тоже застыл на мгновение, а затем плавно повернулся в сторону потенциальной опасности с арбалетом наготове. В принципе, сама по себе возможная засада была им не так уж и страшна. На вооружении людей Шерифа имелись лишь деревянные дубинки - в условиях, когда любое серьезное неповиновение властям каралось отлучением от причастия, даже и такое оружие почти никогда не приходилось пускать в ход. Но поднимать стрельбу с грохотом и жертвами было делом явно преждевременным. Арбалет, по крайней мере, позволял избежать грохота, но и то лишь при условии, что одного выстрела окажется достаточно...

Звук из сарая повторился. Там определенно кто-то был. Джошуа, держа пистолет наготове, сделал шаг к двери и коснулся ее свободной рукой. Так и есть - задвижка не заперта, и сама дверь чуть приоткрыта. Изнутри через эту щель их вполне могли видеть, хотя, конечно, в такой темноте различили бы лишь смутные силуэты. А что, если просто запереть задвижку? Хватит ли у тех, внутри, наглости кричать и звать на помощь? Они здесь явно без ведома хозяев дома, иначе бы не прятались в сарае, а расположились бы в доме со всеми удобствами... Но, конечно, если их подослал Шериф или, тем паче, Майор, наглости очень даже может и хватить.

Роберт коснулся плеча Джошуа и протянул тому один из своих трофеев - электрический фонарик с ручной динамкой. Юноша кивнул, показывая, что понял. Роберт встал перед дверью, готовый если не стрелять, то, по крайней мере, немедленно взять на прицел того, кто окажется за ней. Джошуа пару раз нажал ручку динамки, заставив фонарик засветиться неровным светом, и резко распахнул дверь (хорошо смазанные петли не издали ни звука).

Луч фонаря выхватил сразу две фигуры у противоположной стены - юношу и девушку, которые, впрочем, мгновенно отпрянули друг от друга. Джошуа переводил луч с одного на другую (а Роберт повторял его движения взведенным арбалетом). Это были Билл и Джейн, его соседка, чей дом находился как раз по ту сторону сарая.

- Что это вы тут делаете? - Джошуа едва не воскликнул это во весь голос, но вовремя спохватился и понизил тон. Роберт тем временем опустил оружие.

- Мы просто обнимались, - ответила Джейн скорее сердито, чем пристыженно. - Ничего больше.

По меркам поселковой морали и это было возмутительно, тем более - в такое время и в таком месте, и Джошуа не преминул констатировать:

- Вы ведь даже не обручены!

- Ее отец не разрешает... - буркнул Билл, смущенный куда более подруги. - Говорит, пока старшую не выдам... а кто эту уродину возьмет?

- Ты все же говоришь о моей сестре, - строго напомнила ему Джейн.

- И что? Правду ведь говорю!

Вообще-то старшая сестра Джейн могла бы считаться вполне миловидной - если бы не большое родимое пятно, обезобразившее ее щеку, и двадцать фунтов лишнего веса, набранные на почве переживаний по этому поводу.

- Ты лучше скажи, что *ты* здесь делаешь? - перешел в наступление Билл. - Ночью в моем доме? И кто это еще с тобой? - в темноте, да еще ослепленный фонарем, он, разумеется, не мог разглядеть лица Роберта, иначе его удивление было бы куда сильнее.

- Расскажем, - пообещал Джошуа. - И тебе, и отцу твоему. Только она пусть домой идет. Где там лаз в стене, который вы проковыряли...

- Но, но, раскомандовался на чужой земле! - возмутился Билл.

- А если хоть словечком проболтается, что нас видела, - непреклонно продолжал Джошуа, - все узнают, чем она тут по ночам занимается...

- И кто это говорит? - Джейн уперла руки в бока. - Тот, за чью голову назначена награда?

Вот, значит, как. Выходит, простой мыслью, что он сдохнет без причастия где-то в лесу, они не удовлетворились. Ах ну да, конечно - они-то знают, что не сдохнет! И им, конечно, совсем не хочется, чтобы он объявился в поселке уже по истечении всех сроков...

- Боюсь, - подал голос Роберт, - теперь у нас только два выхода - или рассказать ей, или убить ее.

- А ты еще кто такой? - повернулась к нему Джейн, презрительно шурясь.

- Узнаешь, - посулил тот. - Мы идем к Фреду прямо сейчас. И ты идешь с нами. Придется признаться, чем вы тут занимались... но не думаю, что его это сильно беспокоит на фоне других новостей.

Они вошли в дом через заднюю дверь, и Билл пошел будить отца. Фред, опухший и всклокоченный, вышел им навстречу со свечой в руке.

- Что вам еще от меня надо?! - воскликнул он, как видно, спросонья приняв Роберта за солдата с Базы. - Я же все вам рассказал! Я больше ничего не... - он запнулся на полуслове, осознав, что рядом видит Джошуа, и причем вовсе не в качестве пленника, а напротив - увешанного Настоящим Оружием.

- Так-так, - зловеще произнес тот. - И что же ты им рассказал?

- Ну... - смущенно потупился кузнец, что при его росте и комплекции выглядело даже забавно, - после того как ты... это... они нас допрашивали, и меня, и Билла... причем по отдельности... говорили, что другой уже во всем признался, и что тебя взяли, и ты тоже все про заговор рассказал... и у нас последний шанс на спасение - все без утайки рассказать... а иначе, сам знаешь... Ну, мы с Биллом и выложили - как ты к нам приходил, как к бунту подбивал, чтоб еду на Базу не давать, как доктора хотел на обман толкнуть... а больше мы ж и не знали ничего!

Роберт вздохнул, словно говоря "и вот с таким народом приходится делать революцию!", а Джошуа повернулся к сыну кузнеца:

- И ты, Билл?

- А что было делать? - буркнул тот. - Без причастия, что ли, подыхать?

- Нет, - сказал Роберт. - Это никому из вас не грозит. Если вы поддержите нас, а не насильников и узурпаторов. Но прежде ответьте, только не вздумайте врать - в доме больше никого нет?

- Нет! - разом затрясли головами кузнец и его сын.

- А ты сам-то с Базы, что ль, перебежчик? - добавил Фред. - Я тебя даже в церкви ни разу не видел... - слухи о том, что на Базе есть люди, никогда не показывающиеся в поселке, ходили давно, недоказанные и непровергнутые. Хотя, казалось бы, проверить их было несложно,

пересчитав количество детей, забранных на Базу за последние десятилетия, и сравнив с числом тех, кто появляется в церкви - но собрать такую статистику было некому.

- Нет, я не с Базы, - усмехнулся Роберт. - Намного дальше. Садись, все садитесь - разговор будет долгий...

Разговор и в самом деле получился долгим. Когда Роберт закончил свои объяснения, за окнами уже серели предзакатные сумерки.

- Успеем ли мы выбраться из поселка незамеченными? - озабоченно спросил он.

- Тут оставайтесь, - возразил Фред. - Можете в подвале спрятаться. А вот ты, Джейн, дуй домой, пока родители не хватились!

Роберт переглянулся с Джошуа. Ни слов про награду, ни ночных признаний кузнеца и его сына он не забыл.

- Мы-то, может, и останемся, - произнес он с расстановкой, - но учтите, у меня при себе взрывчатка. Если это ловушка - тут одни угольки останутся. И от этого дома, и от соседнего, - он со значением посмотрел на Джейн.

- Да ты что? - возмутилась та. - Чтобы я этим гадам, которые девушек насильничают, помогать стала?!

- Она не станет, - подтвердил Билл. - Но домой все-таки иди, прав отец. А мы тут еще обсудим...

- А у нас тут с тех пор как ты, Джошуа, убежал, большие перемены, - сумрачно поведал Фред после того, как Джейн с явной неохотой удалилась. - Сперва многих расспрашивали, не только нас с Биллом. И не помощники Шерифа, а эти с Базы - никогда на моей памяти такого не было... А неделю назад случилось и вовсе неслыханное: они в церковь не пришли. Объявлено было, что у себя причастие принимать будут. Крепко ты их, видать, напугал. В поселке шушукуются, что не то пятерых, не то добрый десяток в одиночку убил-покалечил... потому, дескать, и в церковь не идут, чтобы мы их убили не заметили...

- Да на самом деле троих всего, - скромно признался Джошуа, - и то двое, скорей всего, выжили.

- А вот это никому знать не обязательно, - поспешно заметил Роберт. - То, что наш план с церковью, похоже, накрылся - это, конечно, плохо. А вот то, что народная молва уже лепит из тебя эпического героя - очень даже хорошо. Майор, как видно, хоть и не нашел следов реального заговора... Шерифа-то не сместили?

- Нет пока, - подтвердил Фред.

- ... понял, как легко его организовать, и решил перестраховаться... и тем самым только усилил слухи и брожение в умах. Большая ошибка с его стороны. Иногда излишняя осторожность куда хуже беспечности. Хотя понять его можно - небось, за всю историю после Чумы не было, чтобы поселянин застрелил солдата, да еще прямо на территории Базы...

- Ясное дело, не было, - кивнул Фред. - С кулаками бросались, это бывало, но чтоб так... А я, по правде говоря, тоже времени даром не терял. Когда нас с Биллом после допросов отпустили... пришли мы домой и в глаза друг другу глядеть стыдимся. Ясно стало, что и друг друга, и тебя, Джошуа, заложили, лишь бы самим вывернуться. И так мне на душе гадко стало... что ж я, думаю, делаю? Этим вырождам, которые мою родную дочку... еще и обоих сыновей сам сдать готов? Да, обоих - мы ж с тобой породнились бы, коли б не они... И подумал я - сколько можно терпеть, рано или поздно будет и на них управа. Биллу вот сказал, хочешь - иди доноси на родного отца, а нет, так помогай мне... в общем, все эти две недели мы тайком оружие ковали.

- Ого! - обрадовался Роберт.

- Не Настоящее, конечно, как его делать, мы не знаем, а такое, как в книжке. Я эту книжку у Сэмова отца купил, для Билла, когда тот еще маленький был. Мы читать-то не умеем, но там букв почти нет, история в картинках. И вот на картинках герои дрались этими штуками, типа

огромных ножей... В подполе они у меня, сейчас принесу, покажу.

Фред вышел из комнаты и вскоре вернулся, неся далеко не самый изящный и совершенный, но все же вполне узнаваемый обоюдоострый меч.

Роберт встал, осторожно попробовал пальцем заточку, кивнул одобрительно, затем, развернувшись в сторону пустого угла комнаты, сделал несколько выпадов по примеру героев виденных им фильмов.

- И балансировка вроде ничего, - заключил он. - Я, конечно, не эксперт по фехтованию...

- Полдюжины заготовок перепортил, пока подобрал, - пояснил явно гордый результатом кузнец.

- И сколько их всего? - спросил Роберт.

- Девять. На большее металла не хватило.

- Ну... тоже неплохо. Теперь найти бы достаточно рук, способных это держать... Вообще-то, чтоб мечом овладеть, еще больше времени надо, чем огнестрелом... Настоящим Оружием, как вы его называете. Но это чтобы биться с умелым противником. А раскроить череп солдату, никогда в жизни меча не видевшему, думаю, сможет и новичок, - Роберт широко зевнул. - Ладно, я уже с ног валюсь, и Джошуа, небось, тоже. Где тут у вас поспать можно в безопасности?

Фред отвел гостей в подвал. Кроватей там не было, но путешественники, привыкшие к ночевкам в лесу, были непривередливы; несколько одеял, расстеленных прямо на полу, их вполне устроили. Они уснули почти мгновенно.

Проснулись они, когда Фред спустился звать их обедать. Было уже за полночь. Когда все трое уселись за стол, в дом ворвался Билл; вид у него был такой, словно он полдня бегал по поселку - что, впрочем, было недалеко от истины.

- Переговорил кое с кем, - доложил он, плюхаясь на стул. - Как условились, из тех, что своих родных и любимых не слишком давно потеряли. Все готовы этих с Базы зубами рвать.

- Это на словах... - скептически произнес Роберт.

- Да не, точно говорю! Я ж не сразу с порога брякал, постепенно подводил... с двумя так и свернул разговор, понял, что трусы, ни на что не годные. Еще в одной семье сами со мной говорить не захотели, решили, небось, что меня Шериф подослал. А остальные готовы. Ну, сомневаются, конечно. Пока, мол, не увидим своими глазами того парня, что всю жизнь без причастия обходится... Но как увидят, так уж точно! Так что скоро они сюда подтягиваться начнут. Я сказал, кому в какое время приходить, типа как к кузнецу заказ делать...

- У меня столько заказов в один день отродясь не было, - хмыкнул Фред.

- Ну... тут уж совсем без риска никак. И сразу их будем стрелять учить. Если в подвале, то снаружи грохота не слышно будет.

- В подвале опасно - рикошет, - возразил Роберт. - Хотя, если в качестве мишени поставить какую-нибудь доску, а лучше даже старый матрас... тогда сгодится. Винтовок у нас, конечно, на всех не хватит, но минимально обращаться с ними действительно лучше обучить всех, кого успеем. Мало ли, трофеи при штурме захватим...

"Или слишком многих своих потеряем", угадал окончание фразы Джошуа.

- Я вот еще чего думаю, - вмешался Фред, - надо все же пустить слух, что прибыл гонец из Вашингтона и что прямо на воскресной службе он зачитает тот самый приказ.

- Зачем? - пожал плечами Роберт.

- А чтобы все-таки выманить их в церковь.

- Они же знают, что никакого "приказа из Вашингтона" нет и быть не может.

- Откуда?

- То есть? - Роберт посмотрел на кузнеца с недоумением. - Я же объяснил...

- Ты объяснил, что они с Вашингтоном связаться не могут. Ну и что? Они же там не были. Может, там электричества нет, а Президент - есть? Тем более, в Писании ничего про

лектричество и радио не говорится...

- Хм, - задумался Роберт; такая мысль не приходила ему в голову. - А ведь пожалуй... тот, кто всю жизнь кормит других некой выдумкой, может в итоге и сам начать побаиваться - а ну как она окажется правдой? Особенно когда это уже не в первом поколении... Во всяком случае, если в поселке появился кто-то извне - для них это в любом случае угроза, и, какой бы маловероятной она ни казалась, лучше ее проверить. Тем более что они уже взяли курс на перестраховку...

- Скажу Джейн, чтобы шепнула пару слов по секрету Кларе, - широко улыбнулся Билл. - Без указаний на наш дом, конечно. Мол, сестра подруги грибы собирала и в лесу встретила... Завтра утром весь поселок будет знать.

Едва они успели доесть индюшатины с бобами, в дверь громко постучали. Роберт и Джошуа быстро переглянулись - стук показался им слишком уж уверенным, начальственным. Однако Билл, отправившийся открывать, успокоил их, крикнув из передней, что все в порядке. Действительно, это был первый из потенциальных бойцов - Мэтью, отец той самой Магды, об уме которой Джошуа имел столь невысокое мнение. Впрочем, даже если это ее качество и было наследственным, от вербуемых требовался не столько высокий интеллект, сколько готовность идти в бой против более многочисленного, лучше тренированного и лучше вооруженного противника, не особо рассуждая и рефлексирюя. А нажимать на спусковой крючок - наука, на самом деле, нехитрая...

За первым гостем потянулись остальные. То, что они приходили и уходили по одному, было разумной мерой безопасности, и все же у Роберта чуть язык не отсох всякий раз по новой рассказывать свою историю (так что она раз от разу становилась все лаконичнее), также как и его руки едва не отвалились от все новых кратких уроков стрельбы (и еще более кратких - ибо его собственные познания здесь ограничивались фильмами - фехтования). Приходившие реагировали на невероятные новости по-разному; некоторые поначалу буквально отказывались верить собственным глазам и просили разрешения дотронуться до Роберта или подержать его за руку. К примеру, Том - не старый Том, а другой, Том-печник, чью дочь забрали четырнадцать месяцев назад - поначалу сварливо потребовал, чтобы ему дали тщательно осмотреть и ощупать руки Роберта, дабы удостовериться, что на них нет следов уколов. "Ну что, убедился, Фома¹ неверующий?" - усмехнулся Роберт после окончания инспекции. "Прости мне мое недоверие!" - смиренно поклонился Том, мигот утративший первоначальный напор. "Но, но, - смутился Роберт. - Я такой же человек, как и ты! Ну, разве что знаю побольше..." Однако далеко не один почтенный отец семейства смотрел робко и даже заискивающе не только на Роберта, но и на годившегося им в сыновья, а кому-то и чуть ли не во внуки, Джошуа, к чьей уже сформировавшейся за две недели славе Героя - Победителя Солдат на глазах прибавлялась аура Первого (или даже - Любимого) Ученика Того, Кто Пришел.

Опасений насчет "Антихриста" и "лжепророка" не выказал никто. Впрочем, Роберт и не думал, что эта версия может сама возникнуть у поселян - особенно у тех, кто давно мечтал о возмездии. Но вот если эту идею грамотно вбросят с Базы...

До вечера Роберт и Джошуа успели принять и обучить азам обращения с оружием десятерых; впрочем, большинство из них были представителями своих семейств и обещали в этот же день передать все, что узнали, сыновьям, братьям и отцам. Тем, кто пришел раньше других (и, соответственно, имел больше времени в запасе), было велено также связать веревочные лестницы.

Наконец на закате Роберт и Джошуа с удовольствием выбрались из провонявшего пороховой гарью подвала, чтобы отдохнуть и спокойно поужинать. Но, не успели они сесть за стол с Фредом и Биллом, как в дверь вновь постучали. По поселковым меркам, для визитов было уже поздно; к доктору в такое время еще могли прийти, но уж никак не к кузнецу.

1 По-английски Фома и Том - одно и то же имя.

- Мы ждем кого-то еще? - быстро спросил Роберт.

- Нет, - мотнул головой Билл, - лучше прячьтесь!

Организаторов заговора не пришлось просить дважды. Когда они добежали до люка в подвал, в дверь уже колотили - нагло и требовательно.

- Может, надо было через заднюю дверь на улицу? - запоздало подумал вслух Роберт, спускаясь по лестнице. - Здесь мы в ловушке.

- Отобьемся, если что, - беспечно ответил лезший следом за ним Джошуа. - У людей Шерифа нет оружия.

- А если это солдаты с Базы? Им даже спускаться сюда не надо. Бросить одну гранату - и все...

- А что такое граната? - Джошуа опустил за собой крышку люка, погружая подвал в темноту.

- Ладно, - буркнул Роберт, - будем надеяться, что они тоже уже не знают.

Сверху доносились голоса, но разобрать слова было невозможно. Впрочем, тон разговора, кажется, был спокойным. Топота ног рыщущих по дому солдат тоже слышно не было. Затем половицы все же закрипели под чьими-то шагами, остановившимися у люка. Роберт сжал пистолет, готовый стрелять.

- Я это, - предусмотрительно пробасил сверху Фред. - Вылезайте, он ушел.

Джошуа радостно полез наверх; Роберт последовал за ним, все еще держа оружие наготове - кто знает, вдруг кузнеца заставили так сказать? Однако это опасение оказалось напрасным - хотя прятались они, как выяснилось, не зря.

- Помощник Шерифа приходил, - поведал Фред. - Что это, мол, за народ к тебе весь день шляется, да не много ль заказчиков для субботы... ну а я что? Сам удивляюсь, говорю, такой, видать, день удачный, а нешто я что нарушил? Перечислил ему даже, кто что заказывал. Ну, а ему предъявить-то нечего, походил, глазами позыркал... смотри, говорит, если узнаешь, что кто чего замышляет или разговоры хулительные ведет, так лучше сразу расскажи, а не то сам в сообщниках окажешься... и тому-то человеку, мол, только лучше будет - можно будет его беседой или легким наказанием вразумить, пока до серьезного греха не дошел... и смотрит этак понимающе то на меня, то на Билла... Еле спровадили его, окаянного. Конечно-конечно, мол, законы знаем, и проблемы нам ни к чему. Хорошо, я ваши миски с едой успел в печку спрятать, а то ведь чуть не забыл про это... Однако зоркие у меня соседushки! Вы смотрите, на улицу не выходите, пока совсем не стемнеет, и к окнам не подходите.

Роберт и Джошуа вышли из дома кузнеца лишь после полуночи. Теперь им предстояло наведаться в хлев к рабам. Тот располагался возле дома (и по совместительству офиса) Шерифа. Скотина считалась собственностью всей общины, но распоряжался ее использованием обычно Шериф.

Путь по пустынным ночным улицам обошелся без приключений. Никакой охраны ни у дома Шерифа, ни у хлева отродясь не было, и сам хлев был заперт снаружи на простую щеколду без замка. Рабы легко могли бы выбить дверь изнутри, но, разумеется, не смели и помышлять о подобном, зная, что бежать некуда, а наказание за неповиновение одно - отлучение.

Джошуа откинул щеколду и вошел, чиркая спичкой (тоже трофеем Роберта), чтобы зажечь масляную лампу. Роберт последовал за ним, невольно морщась от запаха хлева. Рабы спали вповалку на полу, покрытом несвежей соломой. Некоторые из них недовольно замычали, не открывая глаз, когда их озарил желтоватый свет лампы, а по низу потянуло прохладным ночным воздухом. Роберт, спохватившись, поспешно захлопнул дверь, пока свет не заметил кто-нибудь снаружи; впрочем, закрыть ее плотно изнутри было невозможно - никаких крючков или засовов с внутренней стороны, ясное дело, не было.

- Просыпайтесь, - громко сказал Роберт. - У меня для вас добрая весть. Я пришел дать вам свободу.

- Ночь же еще, - простонал кто-то, - дайте поспать, будьте людьми...
- Скотине тоже отдых нужен! - жалобно поддержал его другой.
- Да не на работу вас будят! - раздраженно воскликнул Джошуа. - Глаза-то протрите! Эй, Джереми! Тебе говорю! Не узнаешь, что ли?

Тот, кто когда-то носил имя Джереми, но уже почти отвык от него, удивленно заворочался, приподнимаясь на подстилке:

- Джо... господин Джошуа? А... кто это с вами?
- Во-от, - усмехнулся Роберт, - наконец-то правильный вопрос. Ну что, все проснулись? Джошуа, посвети ближе, пусть видят мое лицо... Нет, не пытайтесь вспомнить, кто я. Вы меня никогда раньше не видели. Я тот, кто пришел дать вам волю. Точнее, я пришел открыть вам истину, которая сделает вас свободными...

Эта аудитория поверила ему еще охотнее, чем близкие похищенных девушек. Люди, лишенные всего, даже самого звания человека, готовы были поверить во что угодно, если это обещало перемену к лучшему, и менее всего склонны были подозревать обман и провокацию. Зачем обманывать того, кому можно просто приказать? А провоцировать их тем более бессмысленно. Скотина нужна для работы, а не для того, чтобы издохнуть у столба.

Впрочем, видя, как блещут в полумраке устремленные на него глаза, Роберт все же не забывал, что перед ним - осужденные преступники. И пусть не все их преступления, с его точки зрения, были одинаково серьезными, однако доверять им огнестрельное оружие или хотя бы объяснять, как им пользоваться, он не собирался. Мечи... ну, по крайней мере пока и их не было смысла выдавать полуголым рабам, которым некуда было их спрятать. Но продемонстрировать, как символ, можно было.

- Джошуа, покажи им меч, которым мы завоюем свободу!

Джошуа задрал рубаху. Под ней, на веревке через плечо, висело изготовленное кузнецом оружие. Юноша снял меч и несколько раз, явно любуясь собой, со свистом рубанул воздух.

- Но право владеть мечом надо заслужить, - наставительно заметил Роберт. - Для начала вам придется использовать против наших врагов подручные средства - лопаты, вилы и все такое. Даже простые камни и голые руки. Помните - они привыкли к вашей скотской покорности и не ждут от вас сопротивления...

- А я и не собираюсь сопротивляться, - подал вдруг голос какой-то мосластый мужичонка с проседью в клочковатой бороде. - Мне до конца срока три месяца и два дня осталось. Зачем я стану головой рисковать? Нет уж, без меня бунтуйте. Хотя и вам тоже не советую! - добавил он поспешно, видимо, испугавшись, что его слова могут быть оценены как подстрекательство.

Рабы зашумели. Большинство осыпало малодушного бранью и насмешками, но нашлись и те, что решительно поддержали его позицию. Среди последних было трое тех, кому тоже оставалось не так уж долго до освобождения, и даже один пожизненный, решивший, что от добра добра не ищут и лучше быть живой скотиной, чем мертвым мятежником.

- Я никого не заставляю, - провозгласил Роберт, не сдержав усмешки, - кто не хочет, может оставаться рабом до конца срока.

- Нет, так не пойдет, - мрачно изрек бывший пьяница Джон. Рабство, как ни странно, пошло ему на пользу: лишенный возможности прикладываться к бутылке, он теперь выглядел заметно здоровее, чем на свободе. Характер у него, впрочем, приятнее не стал. - Они нас заложат. Им же надо выслужиться, чтоб их в сообщники не записали. Их нельзя оставлять в живых.

- Точно, точно! - поддержали его другие голоса. Рабы угрожающе надвинулись, окружая отщепенцев.

- Эй, вы чего, рехнулись?! - воскликнул мосластый, даже привзвизгнув от ужаса. - Да вы знаете, что вам будет за убийство?!

- А ничего не будет, - осклабился Джон. - Вы не слышали, что он сказал? Причастие

отменяется!

- Стойте! - возмущенно крикнул Роберт. - Отменяется причастие, но не закон! Никаких убийств!

В то же время он понимал, что Джон прав. Рабы, желающие сохранить лояльность, не просто не будут участвовать в восстании - они непременно побегут доносить. Что же делать? Связать их? Запереть где-нибудь? Это было бы решением на час-другой, но какова вероятность, что их не хватятся до самой церковной службы, а то и позже, если - как хотелось Роберту, понимавшему, что ничего еще толком не готово - операцию придется перенести на более поздний срок? Но ведь их хватятся даже в том случае, если они будут мертвы...

- Что здесь происходит?

Роберт, Джошуа и рабы обернулись. На пороге хлева с кнутом в руке стоял Шериф, не иначе как привлеченный шумом и светом из вновь приоткрывшейся двери.

Глаза толстяка, презрительно прищуренные в первый миг, вытаращились при виде Джошуа и еще больше - при виде Роберта. Шериф, разумеется, ничего не понимал, но верно смекнул, что кнутом здесь не справиться. И попятился назад.

- Стоять! - крикнул ему Роберт. Но Шериф уже бросился бежать с удивительной для его комплекции скоростью, крича во все горло:

- Тревога! Трево...

Грохнул выстрел. Шериф, словно куль муки, рухнул жирным пузом на землю.

- Ч-черт... - пробормотал Роберт, переводя взгляд с неподвижного тела на пистолет в руке Джошуа. - Зачем?! Так бы догнали...

- Пока догнали бы, он бы полпоселка переполошил, - небрежно ответил Джошуа, чувствуя, как его переполняет гордость за меткий выстрел.

- А твоя пальба, можно подумать, не переполошила! Ладно. Что сделано, то сделано. Похоже, планы меняются - начинать придется прямо сейчас.

Словно в подтверждение его слов, в доме Шерифа засветилось окно. И еще одно - в доме на другой стороне площади.

- Затащите его внутрь! - велел Роберт рабам. - Быстро!

Несколько человек выскочили на улицу и за ноги втащили тяжелое рыхлое тело в хлев. Шериф был еще жив, хотя и не мог двигаться: пуля попала ему в позвоночник чуть ниже шеи. Его перевернули; он часто испуганно дышал, переводил слезящиеся глаза с одного мятежника на другого и шевелил перепачканными землей губами, пытаясь что-то сказать. Джон наступил ему босой ногой на лицо, зажимая нос и рот, и держал так, пока агония не прекратилась.

- Значит, так, - скомандовал Роберт. - Мы будем штурмовать Базу. Но прежде необходимо ликвидировать все источники опасности в тылу. Знаете, где живет каждый из людей Шерифа? Их надо нейтрализовать быстро, пока они не очухались.

- А то! Знаем! Справимся! Еще как! - радостно откликнулись рабы.

- Разделитесь, кто куда. Оружие добывайте, какое сможете, хоть колья из плетней. Но больше никакого мародерства! Простых поселян не обижать! Как все сделаете - собираемся у дома кузнеца. Туда подтянутся и другие наши. Помните - все нужно делать очень быстро и без лишнего шума!

Впрочем, шум - возня, сдавленные крики и предсмертные хрипы - тут же послышался из дальнего конца хлева, куда оттеснили "лоялистов". На сей раз Роберт уже не стал возражать.

Бывшие рабы группками по три-четыре человека выбегали наружу и скрывались в темноте улиц. Джереми при этом подсуелится вытащить из штанов Шерифа настоящий кожаный ремень и с гордым видом затянул его вокруг голого живота, а более практичный Джон прихватил первое трофейное оружие. Кнут.

Роберт и Джошуа тоже поспешно покинули хлев и зашагали к дому кузнеца. Стоило им отойти от площади, где огни светились уже в нескольких домах, и они снова окунулись в почти

непроглядный мрак. Здесь все еще можно было подумать, что ничего не происходит...

- Ты сказал им, чтоб не трогали семьи? - вдруг спросил Джошуа.

- Ну да, чтоб не обижали простых поселян.

- Я про семьи помощников Шерифа.

- А у них есть семьи? Черт, как-то не подумал об этом.

- Конечно, есть. У самого Шерифа тоже жена, сын и две дочки. Даже внуки есть.

- Ну ладно, к нему в дом вроде никто не побежал. А остальные... что же теперь - думаешь, их вырежут?

- Да наверняка! Рабы столько лет злобу копили. А ты сам сказал - всех ликвидировать.

- Я сказал - источники опасности! Хотя... вот жена с мужем спит, врываются какие-то люди, мужа душат, а жена что - перевернется на другой бок и будет спать дальше? Хотя все равно - можно же просто изолировать, в подвале там запереть... черт... ну ладно, теперь уж поздно.

Фред и его сын, разумеется, не спали и с нетерпением ждали их возвращения. Им сообщили новости.

- Так что, Билл, - заключил Роберт, - беги собирай нашу армию, пусть все идут сюда, взяв все, что сгодится как оружие. Говори все без утайки - Шериф и его люди убиты, отступать некуда, мы должны взять Базу до утра, пока там еще ни о чем не догадываются. Лучники есть у нас?

- Братья Фил и Джейкоб вроде этим увлекаются. Но вообще в поселке охотников мало. В основном народ домашнюю птицу ест и со своих участков кормится, ну еще сети на рыбу ставят, а ходить весь день с луком по лесу - это так, баловство...

- Ну ладно, пара - уже что-то. Беги, время не ждет!

Вскоре начали подтягиваться первые бойцы. Роберт строил их во дворе и проводил краткий инструктаж для тех, с кем еще не виделся; Джошуа и Фред несли караул у калитки, внимательно посматривая по сторонам и принимая новых гостей. Про соседей-доносчиков они помнили, но теперь конспирация уже не имела смысла - своего начальства в поселке не осталось, а на Базу среди ночи едва ли побежит даже самый рьяный стукач.

Вдруг Джошуа вскинул штурмовую винтовку, а Фред, глядя на него, выхватил меч. К дому почти бегом приближались трое, возглавляемые помощником Шерифа - в шляпе, при значке и дубинке!

- Да я это! - раздался голос Джереми за миг до того, как Джошуа успел нажать на спуск. - Опусть эту штуку!

- Ф-фу, предупреждать надо, - выдохнул Джошуа, оглядывая трофейное одеяние давнего приятеля. - Как там, все в порядке?

- Само собой, - кровожадно усмехнулся Джереми, и Джошуа предпочел не уточнять подробности.

Затем подошли и другие бывшие рабы, все без исключения также успевшие облачиться в одежду убитых. Свободные косились на новых союзников без особого восторга, но возражать не решились.

- Ну, все, что ли? - спросил, наконец, Роберт у Билла, вернувшегося с последней парой братьев. Получив утвердительный ответ, он еще раз пересчитал своих бойцов - их оказалось тридцать три человека, включая его самого - и вывел их колонной на улицу.

Однако, не успели они пройти и сотни ярдов, как навстречу им из-за угла вышла другая колонна. Руки свежее испеченных бойцов рефлекторно стиснули оружие - но тут же вновь расслабились, зато глаза расширились от удивления.

Новая колонна состояла из одиннадцати девушек, самой младшей из которых едва исполнилось пятнадцать. Одеты они были кое-как, явно в большой спешке, но каждая держала или серп, или тяпку, или кухонный нож с острым концом, или топор; одна так и вовсе сжимала в

кулаке вязальные спицы. Вид у всех был весьма решительный, а предводительствовала ими не кто иная как Джейн.

- Ты что здесь делаешь? - возмутился Билл.

- Мы идем с вами, - поставила его перед фактом подруга.

- Но... слыхано ли дело...

- Хелен, иди домой! - перебил его решительный голос из мужской колонны.

- Ага, тебе можно, а мне нет? - не менее решительно откликнулась долговязая Хелен с вилами в руке.

- Никто из нас не хочет стать следующей, - твердо заявила Джейн. - Вы, мужчины, сто лет не могли нас защитить, так уж теперь мы сами о себе позаботимся, нравится вам или нет!

- Со спицами - против Настоящего Оружия? - презрительно воскликнул еще кто-то из мужчин, чрезвычайно гордый доверенным ему мечом.

- Отставить споры! - принял решение Роберт, довольный тем, что скепсис Джошуа оказался посрамлен. - Нам сейчас никто не лишний, если не паникует и понимает задачу. Лейтенант Джейн, назначаю вас командиром отдельного женского взвода! За дисциплину ваших людей отвечаете лично!

- Ладно! - радостно откликнулась Джейн.

- Надо отвечать "да, сэр!" - пустил в ход свои киношные познания Роберт.

- Да, сэр!

Объединенная колонна двинулась дальше. В поселке меж тем просыпалось все больше домов. Где-то загорались огни, где-то скрипели оконные рамы; прокричал во тьме первый петух. А затем с соседней улицы донесся вдруг голос, в котором Джошуа узнал Питера-рыбака:

- Люди! Вставайте, люди! Пробил час! Пришел тот, кого мы ждали! Посланец Вашингтона, рожденный от девы! Он принес нам освобождение от Базы и кару для нечестивых, ибо сказано в Писании, что несет он не мир, но меч! Он отменяет старое причастие уколом и даст нам новое причастие - хлебом и вином!

- Вот черт, - проворчал Роберт. - Билл, это твоя самостоятельность?

- Я Питера с той недели в глаза не видел и *такого* никому не говорил, - возразил сын кузнеца. - Просто, видимо, раз слухи уже пошли, их не остановить...

Судя по доносившимся звукам голосов и шагов, Питер вещал уже не в одиночестве. За ним явно двигалась толпа, которая, скорее всего, росла; в промежутках между домами мелькали отсветы факелов. Впрочем, все это происходило на улице, параллельной той, по которой шла колонна.

- Вот эти нам точно не нужны, - сердито сказал Роберт. - Только будут путаться под ногами. На ближайшем перекрестке - налево, чтобы с ними не столкнуться. И прибавить темп! Мы должны выйти к базе раньше, чем они там всех переполошат!

Его негромкий приказ был передан по цепочке до хвоста колонны, и она благополучно выполнила маневр. Согласно диспозиции Роберта, они должны были выйти к Базе не со стороны поселка, а из леса, там, где он ближе всего подходил к стенам - тем же путем, каким Джошуа убегал с Базы. Это означало, однако, заметный крюк по сравнению с прямой дорогой из поселка, да еще с подъемом вверх по склону - так что для того, чтобы обогнать толпу, ведомую Питером, предстояло и впрямь постараться. Поселяне сосредоточенно шагали, не глядя по сторонам; многие, особенно отцы семейств, которым перевалило за пятьдесят, тяжело дышали и обливались потом, несмотря на ночную прохладу - но, хотя колонна слегка растянулась, никто не отстал. Прежде, чем нырнуть в лес, несколько человек оглянулись на оставшийся внизу поселок - и тут же слышались голоса "пожар, пожар!"

Роберт тоже оглянулся. Действительно, в центре поселка полыхало оранжевое пламя, охватившее какое-то большое по местным меркам здание; огоньки, светившиеся в окнах уже очень многих домов вокруг, казались отсветами этого пожара.

- Что это горит? - спросил Роберт.
- Кажется, они подожгли дом Шерифа, - всмотрелся Джошуа.
- Идиоты! Надеюсь, они позволили спастись его семье... Но главное - кругом же сплошь деревянные дома! Они спялят весь поселок!

Затем мысли Роберта вновь обратились к руководимой им операции: - Что делают на Базе, если в поселке пожар? Посылают какую-нибудь помощь?

- Нет, - покачал головой Фред, - да и что они могут? Помпу нам прислать? Так у нас своя есть. Только... в нее же скотину запрягать надо... - он растерянно покосился в сторону бывших рабов.

- И вообще, - добавил Билл, указывая рукой в темноту между поселком и Базой, - они заняты вовсе не тушением того, что сами подожгли.

Там, куда он показывал, проходила дорога. Сама она была не видна в ночи, зато хорошо было заметно целое созвездие маленьких огоньков, ползущее по ней прочь от поселка. Факелы.

В колонне началось брожение. Некоторые, чьи дома находились в опасной близости от площади, где пылал дом Шерифа, выказывали явное желание вернуться.

- Отставить! - приглушенно гаркнул Роберт. - Наша цель сейчас - База, все прочее неважно! Там, кстати, тоже есть дома, и поцивилизованней ваших! Нечего жалеть о деревянной рухляди - кто лишится дома в поселке, поселится там! Хоть в покоях самого Майора! - и, пока они не задумались о том, что на всех этих покоев не хватит, он выдал по наитию еще одну фразу, вычитанную он уже сам не помнил, где: - Кто любит меня - за мной!

Едва ли даже сам Роберт смог бы объяснить, почему его, впервые появившегося в поселке прошлой ночью и едва им знакомого, они должны любить больше, чем родные дома, в которых прожили всю жизнь - но, как ни странно, призыв возымел действие. Хоть несколько тоскливо-обеспокоенных взглядов и было еще брошено назад, колонна втянулась в лес, не потеряв ни одного человека.

Наконец они вышли к цели - сперва, правда, промахнувшись в темноте, но затем вновь отступив под покров леса и скорректировав свою позицию. База лежала перед ними, по-прежнему темная и безмолвная, словно сотни других подобных баз, разбросанных по мертвой стране. Но, разумеется, это ощущение безжизненности было обманчиво.

Роберт объяснил своему войску вновь изменившийся план. Если прежде он планировал, что повстанцы просто переберутся через стену, бесшумно ликвидируют часовых на территории, если таковые обнаружатся (эту роль он доверял себе и своему арбалету) и двинутся по корпусам, заставая врасплох спящих солдат ("переодеваться в трофейную форму, Майора брать только живым"), то теперь, в связи с приближением толпы из поселка, стало ясно, что бесшумно и врасплох не получится. Так что стрелкам следовало занять удобную скрытную позицию на территории Базы и дожидаться, пока солдаты выйдут из своих казарм разбираться со смутьянами у ворот - и нанести внезапный удар с фланга или с тыла. Далее подобрать оружие убитых и, в зависимости от того, насколько велики будут потери противника, либо штурмовать казармы своими силами, либо открыть ворота и впустить толпу снаружи, дабы использовать ее, как прикрытие (последнее соображение Роберт, конечно, не озвучил вслух). Роберт знал со слов Джошуа, что как раз под стеной, к которой они вышли, тянутся некие гаражи или ангары под плоской крышей. С этой крыши должна была хорошо простреливаться вся территория между корпусами и воротами. Вопрос был, впрочем, удастся ли туда забраться...

Для начала Роберт выслал к стене двух бывших рабов в одежде помощников Шерифа. Не бог весть какая маскировка, конечно, тем более что настоящим помощникам Шерифа ночью под стеной Базы все равно делать нечего - но все же есть шанс, что если их заметят, то окликнут, а не станут сразу стрелять. Роберт надеялся, что камеры наблюдения, если они и были над стеной (что невозможно было разглядеть в темноте), давно уже не работают, но поручиться за это, ясное дело, не мог.

Однако никакой тревоги не поднялось. Темные силуэты разведчиков, различимые на фоне более светлой стены, подавали знаки, что все в порядке.

Что ж, это означало, что настал черед действовать самому Роберту. Он бы предпочел, подобно полководцам прошлого, командовать с безопасной позиции, но опыт проникновения на закрытые территории был только у него, и передоверить эту важнейшую задачу было некому. С рюкзаком, где осталось лишь необходимое для операции снаряжение, он побежал к стене.

Зацепить "кошку" удалось с первой попытки. Роберт замер, услышав, как металл лязгнул о бетон, но, похоже, и этот звук не привлек ничего внимания. Подергав для уверенности нейлоновый трос и привязав к его оставшемуся на земле концу веревочную лестницу, Роберт полез наверх, упираясь ботинками в стену. Рюкзак он оставил на земле, прихватив с собой лишь ножницы по металлу и фонарик. Резать проволоку, цепляясь одной рукой за гребень стены, было не слишком удобно, но Роберту все же удалось справиться с этой задачей, и он, хотя и оцарапав руку, вскарабкался на гребень.

В двух местах на территории Базы все же был свет - явно электрический, но не слишком яркий. Перед воротами с внутренней стороны и на крыльце главного корпуса - того, где, по словам Джошуа, находился кабинет Майора. Роберт поднес арбалет к лицу, используя оптический прицел в качестве подзорной трубы, и осмотрел оба источника света. В будке перед воротами торчал часовой, похоже, клевавший носом. На крыльце никого не было.

Роберт опустил арбалет и окинул взглядом более близкие окрестности. Тут не только колючка, тут и провода - кажется, в свое время все это ограждение было под током, хорошо, что сейчас система уже не функционирует... А вот, похоже, и камера, застывшая на стальной штанге над стыком плит забора. Если она работает - причем в инфракрасном диапазоне - его уже должны были засечь. Да и вообще, сигнал тревоги должен был сработать, когда он перекусывал проволоку - а раз этого не произошло... На всякий случай он все же перекусил ведущий к камере провод, затем потрогал ее саму. Несмотря на поворотный механизм крепления, захрюсала она, похоже, намертво - и вся заросла грязью, включая объектив... Нет, как он и рассчитывал, ее уже очень давно не использовали по назначению.

Крыша гаражей, вопреки его надежде, не примыкала к стене вплотную, отделенная от нее проходом шириной около двух ярдов. Примерно такой же была и высота до гребня стены. Ну что ж, для прыжка вполне приемлемо. Значит, стрелки переберутся на крышу, а остальные спустятся по веревочной лестнице в проход и там ждать своего часа.

Роберт втащил трос с привязанной к нему лестницей на стену и привязал его к штанге, где крепилась камера. "Кошку" он отцепил от гребня и привесил к поясу - еще пригодится при спуске с крыши. Затем достал фонарик и просигналил в сторону леса. Потом встал обеими ногами на гребень стены и прыгнул.

Хотя он постарался приземлиться как можно мягче, удар ботинок о черное покрытие показался ему оглушительным грохотом, который не может не привлечь внимания часового. Однако тот по-прежнему дремал в своей будке; расстояние все же было значительным, почти на пределе дальности прицельного выстрела из арбалета. Роберт понадеялся, что остальным, не имевшим кожаной обуви, хватит ума не прыгать сюда в деревянных башмаках - вот так точно и базу перебудешь, и ноги переломашь... Он подобрался на четвереньках к краю крыши, залег, прицелился из арбалета в часового. Нет, пока рано, да и будка мешает.

Кто-то подергал за трос. Роберт обернулся - над стеной маячила голова Джошуа - попробовал зацепить "кошку" за борт вдоль края крыши, перевязал трос, чтоб было внатяг, подергал - вроде надежно - и махнул юноше рукой, на всякий случай прижав верхние зубы "кошки" ботинком. Сперва Джошуа отправил вниз рюкзак с остальным снаряжением - тот, подвешенный за лямку, благополучно съехал по тросу прямо в руки Роберта - а затем, обхватив трос локтями и коленями, как учил его Роберт, проделал тот же путь сам. Над стеной меж тем уже показалась голова Билла.

"Стрелковый взвод", в который Роберт отобрал семерых, включая себя - по числу единиц дальнобойного оружия - благополучно переправился на крышу, кто по тросу, кто просто прыгая; "штурмовая группа", состоявшая из двух отделений - в каждом командир с пистолетом и остальные бойцы с мечами - тем временем по двум веревочным лестницам спускалась в проход между гаражами и стеной. Два "резервных взвода", вооруженные чем попало - мужской и женский - еще ждали своей очереди снаружи. Однако прежде, чем последние "штурмовики" успели перелезть через стену, со стороны ворот послышался шум, выкрики и даже что-то вроде пения; Роберт, лежавший на краю крыши, заметил пробивающиеся под воротами отсветы факелов. Поселяне, ведомые Питером.

"Интересно, на что они рассчитывают?" - подумал Роберт с раздражением. "Если они считают, что я - их спаситель или кем там они меня возомнили, почему не стали ждать в поселке, пока я поведу их на Базу, а поперлись сюда сами? Или этот Питер уже подсуетился назначить себя моим официальным представителем?"

Часовой, естественно, встрепнулся в своей будке, начал переругиваться с поселянами через закрытую калитку, все более повышая голос. "Нет здесь никакого посланца и никакого приказа!" - доносилось до Роберта. "Убирайтесь!" Что говорили с той стороны, разобрать было невозможно, но там, похоже, раздражение тоже нарастало.

Затем, наконец, взвыла сирена. Судя по ее не слишком ровному звуку, она была механической, а не электрической. Но, как тут же убедился Роберт и остальные, электричество для такого случая на Базе тоже имелось.

Белый свет мощного прожектора, особенно ослепительный после мрака безлунной ночи, ударил со стороны главного корпуса, заливая пустой плац и ворота. Он пошарил по стене, и Роберт, прильнув к оптическому прицелу, различил высунувшуюся среди ржавых колец колючей проволоки верхушку деревянной лестницы. "Что ж, не такие уж они и тупицы," - подумал он о поселянах, но тут же поправился: не были бы тупицами, не пытались бы перелезть через стену в самом заметном месте!

По плацу затопали кожаные ботинки. Вскочившие по тревоге солдаты бежали к воротам. Бежали они, впрочем, без всякого порядка, по одному, к вящему неудовольствию Роберта - если бы они передвигались строем, стрелять по ним было бы куда удобнее. "Пока ждать, - скомандовал Роберт стрелкам, - пусть пробегут мимо, вдогон бить удобнее... Почем зря не палить, каждый выбирает цель, патроны беречь... не забудьте про отдачу и упреждение... А вот теперь - огонь!"

Тенькнула тетива арбалета; этот звук был тут же заглушен грохотом штурмовых винтовок. В окуляре прицела Роберт увидел, как выбранный им солдат дернулся на бегу и повалился на бетонные плиты с арбалетным болтом в шее. Успехи остальных оказались хуже - с первого раза попал лишь Джошуа, да и то в руку выбранного врага. Тем не менее, солдаты, менее всего ожидавшие попасть под автоматный огонь, полностью растерялись. Некоторые тут же заученно залегли, превратившись из бегущих мишеней в неподвижные, особенно удобные для выцеливания сверху; другие, не понимая, откуда стреляют, попытались отступить как раз-таки в сторону гаражей; третьи растерянно заметались. Кто-то дал длинную очередь в сторону ворот, кто-то принялся палить во все стороны, едва не попадая в товарищей. В этой суматохе стрелявшие с крыши улучшили свои результаты. Роберт, благодаря оптическому прицелу и долгой тренировке на птицах, вообще не сделал ни одного выстрела впустую; восемь его жертв валялись на плацу, мертвые или умирающие. Последним Роберт уложил часового, который выскочил из будки и побежал от ворот навстречу своим, не то желая оказать им помощь, не то решив, что вот-вот будет отрезан неведомо как прорвавшимся врагом. Продолжать в том же духе Роберт, однако, не мог - болты закончились. Штурмовые винтовки смолкли еще быстрее, успев забрать жизни еще стольких же солдат - в основном тех, что залегли при звуках стрельбы; полдюжины прочих отступали назад к казармам - кто бегом, кто хромя,

кто и вовсе бросив винтовку и прыгая на одной ноге. А вот лучникам не удалось подстрелить никого. Здесь Роберт допустил ошибку, не учтя разницы между своим высокотехнологичным арбалетом и самодельными луками поселян, пригодными только для охоты на птиц. Теперь Фил и Джейкоб пытались реабилитировать себя, стреляя вслед убегающим. У одного раненого в спине торчало уже две стрелы, у другого три, но, кажется, это лишь добавляло им прыти.

- Перезаряжайтесь, - скомандовал Роберт четверым автоматчикам, похоже, совершенно забывшим от возбуждения, что делать, когда их оружие перестает стрелять. Послышалось торопливое клацанье отсоединяемых и вставляемых магазинов. - Резервные взводы! - крикнул он громче, чтобы его слышали внизу. - Первый отряд врага уничтожен! Бегом вокруг гаражей и подбирайте оружие убитых! Заодно убедитесь, все ли они мертвы...

Он кинул взгляд на стену позади - по-прежнему остававшуюся в темноте, как и крыша гаражей - и увидел, что через нее как раз перелезает кто-то из девушек. "Вот молодцы, не испугались стрельбы!" - мысленно восхитился он. Впрочем, он понимал, что даже самые отважные девушки - равно как и мужчины - никогда не державшие в руках огнестрельного оружия, не смогут применить его с пользой. Разве что для психологического эффекта...

Тем временем на верхушке деревянной лестницы (возможно, связанной из двух), которую приволокли и прислонили к стене у ворот поселяне, ведомые Питером, тоже появилась чья-то голова. Обозрев все еще подсвеченное прожектором поле боя - надо полагать, с изрядным и едва ли не мистическим удивлением, ведь в поселке ничего не знали о группе Роберта и ее вооружении - поселянин полез дальше, пытаясь, по всей видимости, разрезать колючую проволоку, но, кажется, без особого успеха. "Как он собирается спускаться?" - подумал Роберт. Втащить тяжеленную деревянную лестницу на стену нереально, а изготовить веревочные у них не было времени...

Первые "резервисты" выскочили из-за гаражей слева и побежали к распростертым на плацу телам солдат. Роберт увидел, как ножами, серпами и топорами добивают раненых. Девушки, правда, участия в этом не принимали; смело выбежав на освещенный плац, они теперь растерянно топтались возле мертвых и умирающих, не зная, что предпринять. Наконец Джейн нагнулась и решительно выдернула из пальцев солдата штурмовую винтовку. На плацу было уже полтора десятка повстанцев; прочие еще только бежали к ним, перебирались через стену или ждали своей очереди снаружи Базы.

И в этот момент со стороны главного корпуса ударили длинные очереди.

Роли мгновенно переменились. Теперь уже поселяне метались в ужасе под тугими струями свинца, которыми их хладнокровно поливали из укрытия (как разглядел Роберт, огоньки выстрелов вспыхивали в узких горизонтальных окнах двух башенок на крыше здания, значения которых ни он сам, ни тем более остальные вовремя не осознали). И, хотя дистанция стрельбы была куда больше, чем когда повстанцы с крыши гаражей расстреливали солдат, на сей раз огонь действительно вели тренированные профессионалы - да и оружие, похоже, было более крупнокалиберным. Люди падали наземь, буквально сметенные этим огнем. Поселянин, возившийся на стене над воротами, тоже вдруг сорвался - скорее от испуга, чем задетый пулей, ибо очереди били ниже - и, раздирая в клочья одежду и кожу о проволоку, рухнул вниз к подножию стены. Сразу за глухим ударом тела о бетон раздался истошный крик боли, который все не смолкал - злосчастный мятежник переломал себе кости, и их острые обломки вонзились в его внутренности.

- Назад за гаражи! - крикнул Роберт, силясь перекрыть грохот пальбы и вопли. - Стрелки - бейте по прожектору!

- По чему? - недоуменно переспросил Билл.

- Черт, по этой светящей штуке!

Повстанцы открыли огонь, но никак не могли попасть. Словно человек, которого окликнули, прожектор повернулся, заливая их светом, и в следующий миг тяжелая пулеметная

плеть дробно хлестнула по крыше. Кто-то вскрикнул; в лицо Роберту плеснуло горячее и мокрое. Он рефлекторно откатился вправо; несколько пуль тупо ударили в лежавший рядом с ним рюкзак, но, к счастью, ни одна не вызвала детонации взрывчатки. Затем очередь сместилась дальше вправо, ударила по стене и буквально перерубила двоих, спускавшихся по веревочным лестницам - Хелен и младшего сына Тома-печника. Затем - новый удар по крыше... но тут кому-то, наконец, удалось расколотить прожектор, и на Базу вновь пала тьма, особенно непроглядная после яркого света. Пулеметы выплюнули еще по короткой очереди наугад и смолкли.

- Стрелки, все целы? - спросил Роберт.

- Не совсем... - с явной натугой ответил Билл.

Быстро выяснилось, что из семи стрелков в живых осталось пятеро, причем не пострадали только Роберт, Джошуа и Мэтью; Билл и Джэйкоб были ранены, причем последний, похоже, тяжело. Отец Билла был в числе мечников, из которых пока что не пострадал никто, ибо все они так и оставались за гаражами. А вот из "резервистов", успевших выбежать на открытое пространство, кажется, мало кто уцелел, хотя разобрать в темноте и суматохе было трудно. Билл упорно окликал Джейн, но так и не получил ответа.

- Спускаемся! - скомандовал Роберт. - Здесь нас перебьют. Наверняка у них есть еще светильники...

Он обрезал трос, все еще тянувшийся от стены, через которую, похоже, больше никто не пытался перелезть, и сбросил его вниз, зацепив "кошку" за бортик у края крыши уже не горизонтально, а вертикально. Роберт первым соскользнул вниз вместе со своим рюкзаком; Билл, хотя и скрипя зубами от боли, тоже сумел спуститься сам. Затем Мэтью и Джошуа спустили Джэйкоба, обвязав его веревкой под мышками, и спустились сами. "Кошку" пришлось так и оставить наверху.

- Раненых за гаражи, - распорядился Роберт. - А оружие надо все-таки собрать. Зовите тех, кто без мечей, сюда, только без лишнего шума. Кто знает, как стрелять из штурмовой винтовки - прикрывайте, сразу бейте по любому источнику света.

Билл не хотел уходить за гаражи, он все рвался найти Джейн, повторяя, что она, возможно, еще жива, только ранена, и вновь принялся звать ее, но Роберт зло пообещал, что пристрелит его, если тот не перестанет привлекать внимание солдат своими криками. На плацу валялось несколько мертвых девушек, но кто именно - понять в темноте было сложно. Наконец Фред, которого беспокойство за сына заставило, вопреки приказу, выйти из-за гаражей, увел Билла в укрытие.

Вторая попытка собрать оружие убитых оказалась удачнее первой. Как видно, других исправных прожекторов у солдат под рукой не было. В нескольких окнах близлежащих корпусов, правда, загорался свет, но по ним сразу начинали стрелять; какие-то расколотили, в других защитники Базы сообразили погасить свет сами. Из разбитых окон несколько раз огрызались короткими очередями, но эта стрельба в темноту успеха не имела - никто из повстанцев даже не был ранен. Новой контратаки солдаты не предпринимали, как видно, до сих пор не представляя реальной численности и вооружения противника и решив просто выждать, пока враги сами подойдут поближе.

Наконец повстанцы вновь оттянулись за гаражи, таща оружие и нескольких стонущих раненых. Со стороны ворот все еще доносились вопли упавшего. Роберт подвел итог потерям и трофеям. В его распоряжении осталось лишь две дюжины бойцов, включая четырех девушек; прочие были убиты, ранены или же, когда дело дошло до стрельбы, попросту раздумали перебираться через стену. Выходило, что меньше чем за минуту Роберт потерял почти половину своих людей. Правда, оставшиеся теперь все были вооружены либо огнестрельным оружием, либо мечом, а некоторые и тем, и другим.

Правда, многие из них держали штурмовую винтовку в руках впервые в жизни и не очень представляли, что с ней делать.

Сам Роберт, понимая, что извлечь арбалетные стрелы из мертвых тел в темноте нереально, предпочел остаться с пистолетом.

- Что теперь? - спросил Джошуа.
- Инструктаж для тех, кто не умеет стрелять, - проворчал Роберт.
- Скоро рассвет, - озабоченно заметил Фред.
- Знаю.

Но обучить новых стрелков они не успели. Со стороны ворот слышались голоса, что-то выводившие нараспев, и замелькали отсветы огней.

- Что там еще? - Роберт высунулся из укрытия за гаражами и увидел толпу с факелами, втекающую внутрь через калитку. Едва ли у них хватило бы сил выломать ее, значит, кто-то их впустил... кто?

- Погасите огни! - крикнул Роберт. - Идиоты!

Но они, похоже, не расслышали его за собственным пением. И, едва толпа целиком втянулась внутрь, в обеих башенках вновь радостно ожили пулеметы. После нескольких секунд замешательства, стоивших жизни доброму десятку человек, люди с воплями бросились врассыпную, причем не все из них при этом даже догадались бросить факелы.

- Вперед бегом! - решил Роберт. - Пока они разбираются с этими, прорвемся сбоку к главному корпусу!

Это оказалось не так просто. Им пришлось бежать мимо казармы, из темных окон которой по ним открыли огонь. Несколько повстанцев не растерялись и ответили очередями по окнам; они не чувствовали страха, стоя под огнем - пьянящий восторг обладания и пользования Настоящим Оружием заглушал все. Битое стекло рушилось звенящим дождем. Прежде, чем они успели расстрелять свой боезапас, Роберт рухнул на землю, несколько раз перекатился в сторону казармы, волоча за собой за лямку рюкзак, затем вытащил брусок взрывчатки, активировал пятисекундный детонатор и бросил взрывчатку в ближайшее окно, откуда только что стреляли. Грохнул взрыв; горячая волна ударила и оглушила ближайших повстанцев, кого-то сбило с ног, кого-то посеколо осколками стекла. Клубы дыма и пыли вырвались из здания; похоже, там по крайней мере частично обрушились перекрытия. Затем изнутри послышался треск разгоравшегося огня. Больше оттуда не стреляли.

- Вперед! - крикнул Роберт, вновь вскакивая на ноги; он тоже уже был охвачен боевым азартом. - Перезаряжаться и вперед!

Перезарядиться, впрочем, смогли немногие - большинство либо вообще не знали, как это делается, либо, собирая трофеи, догадались прихватить только винтовки, но не запасные магазины. Тем не менее, подбегая к главному корпусу, повстанцы сумели дать еще несколько упреждающих очередей по окнам. Пулеметчики наверху, все еще охотившиеся на бегавшими по всей территории людьми Питера, слишком поздно отреагировали на новую угрозу; несколько очередей в темноту не причинили вреда, а дальше устройство их огневых точек не позволило стрелять вертикально вниз. Обитая металлом дверь здания была заперта; Роберт взорвал ее.

Повстанцы ворвались внутрь. Патронов уже почти ни у кого не осталось, но в коридорах и помещениях огнестрельное оружие сильно теряло свои преимущества над холодным. "Ищите лестницы и наверх! - прокричал Роберт. - Пулеметы должны замолчать!"

Кое-где на лестницах и в коридорах горел вполне накала электрический свет, но большинство помещений было погружено во тьму. Несколько раз навстречу повстанцам выскакивали солдаты с фонарями; они успели застрелить нескольких человек, прежде чем сами рухнули под пистолетными выстрелами в упор и ударами мечей. Оба пулеметчика прекратили стрелять еще до того, как до них добрались: у одного кончился боезапас, у второго перекосило патрон в затворе, и он все пытался устранить неисправность, когда поселяне ворвались внутрь; его товарищ, напротив, упал на колени и молил о пощаде. Обоих изрубили в куски.

Но в целом, однако, здание оказалось почти пустым. Что, впрочем, не было

удивительным - за дверями, которые высаживали повстанцы, оказывались кабинеты, а не жилые помещения. Торопливо пройдясь по всем трем этажам, они вновь спустились на первый и собрались в кабинете Майора, который также был пуст. Роберт отыскал на стене выключатель - свет зажегся, хотя и неровно мерцая - и оглядел свое поредевшее войско. Шестнадцать человек, многие в крови, хотя чаще, видимо, в чужой, чем в своей... За окном сквозь опущенные жалюзи тем временем тоже разгорался неровный, колеблющийся свет - это полыхало здание казармы. И, кажется, уже не оно одно... Роберт пальцами раздвинул жалюзи и выглянул - точно, теперь уже горело и такое же здание напротив, не иначе как подожженное поселянами Питера. Выходит, не все они перебиты или потеряли голову от страха. А ведь где-то здесь должны быть и дети, из которых готовят солдат. Не там ли, в этом втором горящем здании? Но главное - где Майор? Погиб ли он во время взрыва и пожара? А может, воспользовавшись суматохой, бежал с Базы? Это было бы досадно, но еще хуже, если он сейчас собирает где-то оставшихся солдат, чтобы снова повести их в атаку...

Роберт со смешанным чувством взглянул на флаг на стене - считать ли его своим или вражеским? - затем подошел к столу, попробовал включить стоявший там компьютер. Тот не включился. Экран был покрыт толстым слоем пыли. На клавиатуре не хватало двух кнопок.

- Через эту штуку можно узнать про девушек? - оживился Джошуа. - Он тыкал сюда, прежде чем сказал, что не может отпустить Мэри...

- Он тебе врал, - ответил Роберт. - По-моему, это уже много лет как не работает. Как и многое другое тут. Одна видимость.

За окнами слышались крики, но больше не стреляли.

- Это те, что пришли с Питером, - заметил Фред, вслушавшись. - Надо бы сказать им, что мы тут уже все захватили, а то как бы в темноте свои на своих не напали...

- Да, надо, - кивнул Роберт, - пойдешь собери их, кричи громче, кузнеца все хорошо знают... Но мы захватили еще не все. Где-то здесь должно быть большое подземное убежище. Возможно, там как раз прячутся Майор и остальные.

Действительно, когда повстанцы ворвались в здание, они сразу устремились наверх, не уделив внимания подвалам. Теперь они исправили этот недостаток; светя себе двумя трофейными фонарями, не разбившимися во время штурма, они вновь вернулись из кабинета на лестницу. Спуск в подвал на первый взгляд казался самым обычным... вот только за первым лестничным пролетом обнаружился второй, уводивший еще глубже, а в конце его лучи фонарей уперлись в бронированную дверь со штурвальным колесом. Повернуть колесо, конечно же, не удалось - замок был заблокирован. "Выйдите все наверх и не стойте в проходе, - скомандовал Роберт, - я заложу взрывчатку".

В замкнутом помещении грохнуло особенно оглушительно; многим позакладывало уши, и еще, наверное, несколько минут поселяне кашляли в сплошных клубах пыли. Затем, разгоняя пыль руками, по полуразрушенной лестнице, у которой взрывом сорвало перила, снова осторожно спустились вниз.

Металлическая дверь была раскурочена и вмята внутрь. За нею зияла темная дыра; там тоже клубилась пыль, в которой вязли лучи фонарей. Когда повстанцы приблизились к этой дыре, оттуда навстречу им шагнул солдат со штурмовой винтовкой.

Из обеих его ушей текла кровь, и он двигался, словно в прострации - однако все же поднял свое оружие. Роберт, ступивший в этот момент на нижнюю ступеньку лестницы, вскинул пистолет и выстрелил ему в грудь почти в упор.

Солдат рухнул навзничь; он умер еще до того, как его затылок ударился о засыпанный каменными обломками пол. О тот же пол ударился и приклад его штурмовой винтовки; мертвый палец дернулся на спусковом крючке, и оружие выплонуло три пули. Две из них ушли в потолок, не причинив никому вреда; третья ударила в подбородок Роберта и вышла через затылок вместе с вырванным куском черепа и рваными ошметками мозга. Кровавые брызги

плеснули в лицо спускавшемуся следом Джошуа, который ошарашенно застыл на месте, не в силах поверить в случившееся.

- Ура! Победа! Слава Посланцу! - донеслось сверху; в подземелье заметались отсветы факелов. Это были поселяне Питера, собравшиеся на зычный голос Фреда. Помимо кузнеца, во главе их шли сам Питер (пуля разорвала ему правое ухо, вся щека и шея с этой стороны были в крови) и Джейн. Она тоже была ранена, в плечо, и вид имела, по поселковым меркам, совершенно непристойный: правый рукав платья оторван, чтобы сделать перевязку, плечо и правая грудь почти полностью обнажены, но на это никто не обращал внимания. Это именно она сумела добежать под огнем до ворот, открыть калитку и впустить остальных.

- Где наш спаситель? - громко возгласил Питер. - Где посланный к нам? Вот мы, пришедшие служить ему!

Джошуа повернулся на негнущихся он ногах. Кровавая каша все еще стекала с его лица.

- Он... Его... - только и смог выдавить из себя юноша.

В течение нескольких минут в подземелье творился полный хаос. К мертвецу зывали и тормошили его, словно надеясь, что он еще может ожить; тело солдата, ставшего причиной его гибели, пинали и топтали ногами, словно это могло еще причинить ему дополнительный вред. Звучали истерические крики с требованием мести. Больше всего неистовствовали пришедшие с Питером - никогда прежде Роберта не видевшие и даже не знавшие его имени.

- Тихо! - крикнул вдруг Джошуа, уловивший стон, донесшийся из пролома.

Все замолчали - столь же поспешно, как если бы приказал сам Роберт. Стон повторился. Несколько поселян, опередив Джошуа, нырнули в пролом и вскоре со злорадными восклицаниями выволокли оттуда Майора. Тот был, по всей видимости, контужен взрывом. Его швырнули к ногам Джошуа и тут же принялись яростно пинать со всех сторон.

- Стойте! - крикнул юноша, вспомнив, что говорил Роберт. - Он нужен нам живым! Поднимите его!

Майора приподняли за руки с пола; его голова мотнулась и запрокинулась. Джошуа наклонился и отвесил ему увесистую пощечину, затем еще одну. Майор открыл глаза - точнее, один глаз, второй уже заплыл.

- Где девушки? - спросил Джошуа голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

- Нигде... - пробормотал Майор разбитыми в лепешки губами.

Джошуа, чья штурмовая винтовка была уже разряжена, подобрал с пола пистолет Роберта и ткнул им пленника в лицо.

- Спрашиваю в последний раз! Где Мэри?!

- Вам туда нельзя... вы не понимаете...

Джошуа упер ему пистолет в переносицу, но, ничего этим не добившись, резким движением передвинул руку вниз и выстрелил Майору в колено. Тот заорал.

- В следующий раз - в яйца! - пообещал Джошуа, соответствующим образом направляя пистолет. - Ну?

- Там дальше по коридору... - простонал Майор, - в конце... дверь с кодовым замком... но послушайте, так нужно...

Увесистый кулак Фреда с хрустом расплющил Майору нос. Хлынула кровь.

- Я тебе покажу "нужно", тварь! - прорычал кузнец.

- Как открыть замок? - рявкнул Джошуа.

- Вы все умрете... без причастия...

- Лживый ублюдок! - Фред ударил Майора еще раз. - Больше мы на это дерьмо не купимся!

- Считаю до трех, потом стреляю! - посулил Джошуа. - Раз! Два!

- В кармане... во внутреннем кармане карточка... но послушайте, вы должны...

Джошуа наотмашь ударил его пистолетом по лицу:

- Хватит, наслушались! Больше не тебе решать, что мы должны!

Майор уронил голову, вновь потеряв сознание. Джошуа сунул руку ему за пазуху и вытащил твердый пластиковый прямоугольник с маленьким портретом Майора и какими-то буквами. Прежде он никогда не видел подобных вещей, но понял, что это то, что нужно.

- Дайте мне фонарь! - требовательно обернулся он к соратникам.

Кто-то протянул ему просимое. С фонарем в одной руке и пистолетом в другой Джошуа шагнул в пролом. Другие последовали за ним.

Красный светящийся глазок замка он заметил в темноте издали. С карточкой, правда, поначалу вышла заминка - хотя Джошуа сообразил, что ее нужно вставить в щель, дверь упорно не желала открываться, и он хотел уже вернуться и возобновить допрос, но тут до него дошло, что он просто сует карточку не той стороной. С новой попытки красный огонек сменился зеленым, и в двери что-то шелкнуло. Джошуа потянул ее на себя, и она не без усилия - ибо тоже была металлической и тяжелой - но открылась.

По ту сторону тоже тянулся коридор, но он был залит электрическим светом, причем ярким и ровным. Слева шли двери с табличками, прочитать которые, конечно, не мог ни Джошуа, ни его спутники. На них тоже были кодовые замки, но майорская карточка, судя по всему, была универсальным ключом.

Джошуа открыл первую дверь. За ней оказалась большая белая комната, где стояли в ряд несколько коек. Но, похоже, это были не те койки, которые ожидали и опасались увидеть близкие похищенных девушек. Все кровати были пусты, кроме одной, на которой лежал мужчина с забинтованной головой. Под одеяло к нему тянулись тонкая трубка от подвешенного на вертикальной стойке пакета с жидкостью и провода от какой-то машины, издававшей ритмичный писк и чертившей в такт звукам ломаную линию на экране. Джошуа подошел ближе. Лежавший никак не реагировал - похоже, он был без сознания. Юноша узнал его - это был солдат Доббинс, которому он разбил голову прикладом две недели назад.

- Кажись, тут больница ихняя, а никакой не бордель, - сказал кто-то за спиной.

- Мы еще не все тут видели, - мрачно ответил Джошуа и, не тронув раненого, направился к выходу.

И действительно - в следующей комнате они увидели совсем другое.

На первый взгляд она была очень похожей. Разве что койки были отделены друг от друга ширмами. А с металлических рам этих коек свисали ремни, и по форме, и по расположению чертовски похожие на ручные и ножные кандалы.

И на двух койках справа лежали девушки. Это были предшественницы Мэри - Магда, дочь Мэтью, и Энн, дочь Тома-печника. Оба отца, выжившие во время штурма, бросились к своим дочерям.

И тут же восклицания ужаса и гнева огласили палату. Особенно тяжелым был удар для Мэтью. В первый миг ему показалось, что его дочь мертва - причем мертва давно, что он смотрит на иссохший, полуразложившийся труп. Синюшно-бледная, покрытая изъязвлениями кожа туго обтягивала череп, почти лишившийся волос; истончившиеся губы были в коросте и трещинах, в глубине которых блестели гной и сукровица. Резко выступающие сосуды на висках походили на темных, свернувшихся под кожей червей. Руки, иссохшие, как палки, с длинными почерневшими ногтями, лежали поверх одеяла, пристегнутые ремнями к койке; в набрякшие вены впивались трубки от окружавших койку машин. Еще более жуткого вида трубки, самая толстая из которых была не меньше двух дюймов в диаметре, уходили под одеяло. Здесь тоже была ритмично пищащая машина, и еще некий агрегат, где внутри большой прозрачной колбы пульсировало нечто вроде насоса, издававшее механические вздохи, и еще какая-то штука с круглыми ручками и проводами... Только по всей этой машинерии и можно было понять, что несчастная еще жива, ибо даже самые извращенные злодеи не стали бы подвергать подобным издевательствам труп.

- Доченька! Что они с тобой сделали! - Мэтью принялся выдергивать все эти трубки и провода; на пол полилась какая-то дрянь, в воздухе запахло фекалиями. Магда никак не реагировала, ее глубоко запавшие глаза оставались закрыты, но пиликающая машина запищала быстрее, острые пики заметались по ее экрану, а потом вдруг исчезли, сменившись прямой линией и монотонным звуком.

- Вот и хорошо, - бормотал Мэтью, словно этот звук был знаком, что чудовище выпустило свою жертву, - пригоним телегу, отвезем тебя домой, ты поправишься...

- Мэтью, - очень мягко сказал Фред, - боюсь, она умерла.

- Что?... - тот как будто сперва даже не расслышал, обнимая дочь. - Что ты несешь?! Нет!

- Том! - крикнул Фред. - Не трогай эти трубки! Это убьет Энн!

Энн выглядела лучше, чем Магда, но явно находилась на том же пути в один конец. Когда отец попытался привести ее в чувство, она мучительно открыла глаза. Том вздрогнул, увидев их - красные от множества полопавшихся сосудов.

- Энни, детка, - печник опустил на колени возле дочери, - ты узнаешь меня?

- Папа... - слабо шевельнулись искусанные, потрескавшиеся губы.

Джошуа не стал дожидаться конца этой сцены. Он уже понял, что солдатский бордель - это еще не самое худшее, что может случиться с девушкой. Узниц на Базе подвергали каким-то изощренным пыткам... каким-то чудовищным опытам... и не было никаких сомнений, что его Мэри уготована та же участь. Он лишь надеялся, что еще не поздно, что за две недели с ней не успели сделать ничего необратимого. Мимо рыдающего над мертвым телом Мэтью, мимо повстанцев с окровавленными мечами и штурмовыми винтовками он выскочил в коридор и ворвался в следующую дверь.

Эта комната была заметно меньше предыдущих. Никаких коек здесь не было, лишь в центре стоял необычно высокий стол на блестящих металлических ножках с колесиками. И на этом столе, привязанная за руки и за ноги все такими же ремennыми кандалами, лежала Мэри. Ее грудь была прикрыта сложенной белой простыней, в остальном же девушка была совершенно обнажена, и Джошуа, никогда прежде не видевший женской наготы даже на картинках (и не допускавший и мысли увидеть Мэри в таком виде до свадьбы), рефлекторно зажмурился - но уже в следующий миг вновь широко распахнул глаза. Над Мэри стоял человек в зеленом халате, такой же шапочке и резиновых перчатках, вонзая в голый живот девушки огромную иглу, которая, казалось, должна была проткнуть жертву насквозь. Он был так поглощен своим занятием, что даже не обернулся на звук открывшейся двери и шагов.

- Что ты делаешь, гад!!! - заорал Джошуа, не помня себя от ярости и вскидывая пистолет.

Человек обернулся; его лицо было закрыто повязкой, и все же юноша узнал доктора. Тот, судя по тому, как округлились над маской его глаза, был шокирован не меньше; очевидно, за всеми этими толстыми герметичными дверями он не слышал взрывов и выстрелов и понятия не имел, что происходит на Базе.

- Так вот твоя "редкая болезнь"! - воскликнул Джошуа, вспомнив лицемерные утешения доктора по поводу "невозможности брака", и в бешенстве нажал на спуск, целя в живот - туда же, куда на его глазах этот человек колот Мэри.

Грохнул выстрел. Доктор, сгибаясь пополам, сперва ударился о стол с распятой девушкой (тот почти не сдвинулся с места - очевидно, колеса были застопорены), а затем повалился на пол, зажимая обеими руками кровоточащую рану; перчатки мигом стали красными. Видя, что мучитель Мэри и других девушек еще жив, Джошуа подскочил к нему, занося ногу для удара прямо в раненый живот. Но тут кто-то резко схватил юношу за плечи и оттащил назад.

- Стой! Это же наш единственный доктор! - услышал Джошуа над ухом голос кузнеца.

- Ты что, не видишь, что он тут творит? - вырывался юноша.

- А что бы ни творил, пусть сначала мне Билла вылечит! И других раненых! А там посмотрим, что с ним делать!

- Не думаю, что он в ближайшее время сможет кого-то лечить, - пробормотал Джошуа, но вырываться перестал; Фред, в свою очередь, отпустил его. - Хотя у них тут больница покруче, чем у нас в поселке... может, и оклемается. Ладно, - произнес он уже другим, командным голосом, словно законный преемник Роберта, обращаясь к входящим в комнату повстанцам, - уложите его там, в первой комнате, и если он скажет, что ему нужно, чтобы поправиться - выполняйте. Но у двери охрану поставьте. И не пяльтесь тут, ишь, уставились! - прикрикнул он, вспомнив, в каком виде лежит его Мэри перед всеми этими мужчинами. Поспешно подойдя к девушке, он развернул простыню и прикрыл ее наготу, потом расстегнул ремни на ее запястьях и лодыжках. Мэри по-прежнему лежала неподвижно, с закрытыми глазами.

- Любимая! Ты слышишь меня? Это же я, Джошуа! Мы победили, ты свободна! - он взял ее за руку, потряс за плечи, затем не без робости похлопал по щекам. Наконец ресницы девушки затрепетали и поднялись.

- Джошуа... - она говорила, как в полусне - видимо, все еще была под действием какого-то одурманивающего препарата. - Это... правда... ты? Мне... не мерещится?

- Я! Я, родная! - он снова схватил ее за руку. - Все кончилось! Теперь все будет хорошо!

- У тебя... кровь...

"Это не моя", хотел ответить Джошуа, но тут заметил свежие красные капли, расплывающиеся на белой простыне, и почувствовал, что голова его становится легкой, а в ногах разливается ватная слабость. Только тут до него дошло, что жжение в боку, на которое он почти не обращал внимания в горячке штурма, не было следствием простой царапины. Он прижал руку к боку и ощутил горячее и мокрое, затем тупо посмотрел на окровавленные пальцы. Тут в глазах у него потемнело, и он упал.

Первым вернулось зрение. Некоторое время Джошуа тупо созерцал белый потолок с электрическим плафоном над головой, постепенно осознавая остальные чувства. Приятными они не были. Во рту пересохло, подташнивало, болела голова, ломило суставы, бок тоже ныл, правда, не сильно. В воздухе, усиливая тошноту, висел мерзкий запах - не то дерьма, не то какой-то гнили. Во всем теле разлитое было ощущение болезненной слабости. Лоб горел, пальцы, наоборот, заledenели. Джошуа вялым движением прижал ладонь ко лбу, пытаясь компенсировать одно другим.

- Очухался, наконец? - на фоне белизны потолка возникла кудлатая голова Фреда.

- Почти... - попытался улыбнуться юноша, но улыбка вышла кривоватой. - Давно я тут валяюсь?

- Да почти двое суток уж, почитай. Но тебе повезло, легко отделался. Пуля навывлет прошла, крови только потерял много. Ну, теперь уж, раз очухался, на поправку пойдешь.

- Это не от меня так воняет?

- Нет, - поморщился кузнец, - от него.

Джошуа повернул голову налево и увидел на соседней койке доктора. Лицо того было изжелта-бледным, в мелких бисеринках пота; нос и скулы заострились. На одеяле, которым он был накрыт, расплылось бурое пятно.

- Ты, конечно, пока без памяти валялся, пару раз обоссался, ну это ничего, - отеческим тоном продолжал Фред. - Простыню тебе поменяли, только и всего.

- Черт... - Джошуа почувствовал, как горячая краска стыда заливает щеки.

- Да ладно, дело житейское, все ж понимают... А вот он, похоже, так и не очухается. Все хуже ему, а что у него в животе творится - жуть. Я сблевал, как в последний раз ему повязки меняли. Зря ты все-таки его шмальнул, это бы всегда успелось...

- А Мэри? - Джошуа даже приподнялся на постели, но у него закружилась голова, и он повалился обратно. - Как она?

- Да вроде приходит в себя помаленьку... Отоспалась, поела... я уж ей супчику змеиного

приготовил... про тебя все спрашивает... Только, - кузнец тяжело вздохнул, - сам, небось, понимаешь, не девушка она больше. Про то, что солдаты тут с ними творили - это все-таки правда...

- Знаю, - скрипнул зубами Джошуа, - но я все равно на ней женюсь. И пусть говорят, что хотят.

- Ну, в глаза-то не скажут, ты ж теперь вроде как наш герой... хотя...

- Что "хотя"? - сердито сдвинул брови Джошуа.

- Да так... не очень у нас радостная победа получилась. Многие уж и жалеют, что все это затеяли - особенно те, кто сам не участвовал. Во-первых, половина поселка сгорела...

- Тьфу ты, прав был Роберт. Сами виноваты, недоумки! Ну ладно, здесь на Базе можно жить...

- Да здесь тоже не получится, - смущенно признал Фред. - Видишь ли, здесь тоже все спалили под горячую руку. Еще когда не знали, что в поселке творится. Почитай одно это подземелье и осталось, сюда я погромщиков Питера не пустил, сказал - ты запретил... - в этот момент плафон на потолке замерцал, но затем вновь загорелся ровно. - Да и то, вот, видишь? Уже не в первый раз такое, и все тусклее свет становится. Наверное, завтра-послезавтра совсем погаснет, так что и здесь не жизнь будет. Мы ж не знаем, откуда электричество берется и как его поддерживать...

- Расспросите пленных, они знают.

- Да нет никаких пленных... Народ больно злой был, как увидел, что тут с девушками делали - ну, не мне тебе рассказывать... кого в подземелье нашли - всех на месте кончили, даже тех, кто на солдат был не похож, и в поселке их вроде не видели - правильные, значит, слухи-то ходили... Мальчишек вот только не тронули, они тоже тут прятались, только в другом крыле - это подземелье здоровенное вообще-то. Ну и взрослых с десятков нам наверху сдались. Привели их в поселок, рассказали про все... про девушек, и кто в бою погиб... а тут еще все злые после пожара... ну, короче, там прямо на площади и забили всех.

- И детей? - ахнул Джошуа.

- Ну, малых совсем по семьям раздали. Кого в бывшие их семьи, кого в новые, которым работники нужны. А тех, что постарше, тоже, да. Крапивное, мол, семя, возьмешь такого в дом, а он тебя потом ночью прирежет. А малые эти сами не знают ничего... про оружие кой-чего уже знают, а про машины...

- Майора тоже забили со всеми?

- Не, ему почести оказали, - усмехнулся Фред. - Сожгли на погребальном костре Роберта.

- Я же говорил - он живой нужен! - с досадой воскликнул Джошуа.

- А я тебе говорил - нам доктор живой нужен, и что? - не сдержался кузнец. - Вот, кстати, еще что хреново - в последние часы самочувствие у всех портится, у кого две недели прошло. У меня вот тоже уже башка трещит...

- Ага, - Джошуа сообразил, что, возможно, не все его симптомы связаны с раной, - но это ерунда. Это этот... обстенный синдром. Просто перетерпеть надо. Роберт же говорил.

- Ну да, говорил. Но из тех, кто своими ушами это слышал, теперь и дюжины человек не наберется. Остальные - в чужих пересказах. А когда башка раскалывается и желудок наружу просится, кому поверишь - своим чувствам или чужим байкам? Тем паче, все сто лет уж знают, ЧТО без причастия бывает, а про этот твой синдром впервые слышали. Скоро, небось, к пастору побегут, чтоб отслужил-таки службу... в воскресенье ее не было, сам понимаешь - да что толку? Святые дары он отсюда получал, а здесь все разгромили.

- А как Билл? - вспомнил Джошуа.

- Да вон он, справа от тебя, - кивнул Фред. - Думаешь, я тут из-за тебя одного сижу?

Джошуа повернул голову в другую сторону и увидел сына кузнеца, спавшего тяжелым, нездоровым сном на соседней койке справа.

- Что с ним?

- Да рана-то вроде не особо серьезная, но пуля так застряла, что не вытащишь. А главное, гноиться начало... жар у него... не как у тебя, хуже, - Фред вздохнул и добавил другим тоном: - А вот Джейн, представь, все нипочем. Бегают уже. С дыркой в плече, а бегают. Отец ее, конечно, выпороть собирается, но отложил, пока рана не заживет. А она, представь, заявила, что не дастся. Мол, солдат с Настоящим Оружием не испугалась, а не то что старика с розгами... во времена пошли, а?

- А где, кстати, остальные раненные? Почему нас тут только трое вместе с доктором?

- Некоторые померли уже, остальные по домам, своим или родни... Сюда не захотели.

Плохое, мол, злое место, здесь мучают, а не лечат. Но я настоял, чтоб тебя здесь оставили, ну и Билла тоже, потому что ты сам сказал - здесь лучше, чем в поселке... да и к доктору близко, если он все-таки очнется, а его в поселок тащить нельзя - точно помрет... Тебя, кстати, и тащить-то некуда, твой дом тоже сгорел. К нам разве что... да я понимаю, что ты к Мэри хочешь, - усмехнулся Фред, увидав, как блеснули глаза юноши, - но доктор тебе пока все-таки нужнее. И потом, что ни говори, а пока неприлично. Свадьбы-то не было.

- А раненый солдат? - Джошуа только сейчас осознал, что не слышит звука плакающей машины. - Его тоже убили?

- Не специально, - покачал головой Фред. - Хотели все эти штуки, что к нему прицеплены были, к доктору подсоединить, думали, может они его вылечат... ну, своего-то они ведь не стали бы мучить, так ведь? Но не вышло ничего. И этому лучше не стало, и тот помер.

- А Энн? Что с ней?

- Тоже ничего хорошего, - поморщился кузнец. - Мы не рискнули все эти трубки трогать, но руки-ноги ей освободили, конечно. Том с ней оставался... ну а когда он уснул, она сама их все повывергивала. Но это ее не убило. Тогда она встала, пошла в ту комнату, где ты Мэри нашел... мы все двери открытыми оставили, чтоб от карточки не зависеть... ну и вот, там за ширмой целый ящик пыточных инструментов... ножи всякие хитрые, иголки, даже какие-то пилы и сверла... в общем, взяла она самый длинный нож и живот себе взрезала... не кричала даже, хотя не представляю, как такую боль терпеть можно, особенно ежели сам себя режешь... Когда Том ее нашел, она уже холодная была. Кровищи там теперь - жуть.

- Живот-то зачем?!

- Кто ж теперь скажет... он вот разве, если очухается, - кузнец кивнул на доктора. - Есть мысль, что она беременна была, только срок ранний, не заметно еще... или думала, что беременна... ну и хотела любой ценой от семени насильника избавиться.

- Надеюсь, Мэри так не сделает? - вновь обеспокоился Джошуа.

- Нет, что ты, - воскликнул Фред и повторил, словно убеждая себя, - нет, конечно. Мы с ней хорошо поговорили, я ей объяснил, что она ни в чем не виновата... не ее грех, значит, и грязь не ее... и тебя она любит...

- Ты бы ее все-таки одну-то не бросал сейчас.

- Ну что делать, - вздохнул кузнец, - за Биллом присмотреть тоже надо, а ее здесь оставлять, сам понимаешь, никак нельзя было - ее от одной мысли трясет... Ну ладно, раз ты очухался, ты пока за Биллом приглядишь, ну и за доктором - если он придет в себя, все у него вызнай! - а я и правда пойду Мэри проведу. Да и прогуляюсь заодно, может, на свежем воздухе башка так трещать не будет...

- Ты ей передай, - решил Джошуа, - что если у нее все-таки ребенок будет... от этих, я его приму, как своего. И всем буду говорить, что мой.

- Что, неужто правда даже на такое готов? - поразился Фред.

- А что? Роберт вот тоже от насильника родился... - ответил Джошуа, убеждая не столько его, сколько себя.

- Ну ладно, пойду к ней, - поднялся Фред. - А потом тебе что-нибудь вкусное принесу.

Мы тебя бульоном поили, но ты ж опять голодный, небось?

- Нет, - брезгливо поморщился Джошуа; одна мысль о еде усиливала тошноту. - Пить вот только хочу.

- А, это мигом. У них тут, знаешь, все культурно, кран открываешь - вода течет, ничего вручную качать не надо...

Он вышел в коридор и вскоре вернулся с прозрачной кружкой, полной воды; Джошуа осушил ее практически залпом. Фред велел ему не скучать и вновь покинул палату.

Некоторое время Джошуа лежал, периодически поглядывая на своих соседей. Вставать не хотелось. Билл что-то пробормотал во сне, но Джошуа понял, что тот просто бредит. "Хорошо бы и мне уснуть, - подумал Джошуа. - Делать все равно больше нечего, да и, может, синдром этот проклятый полегче станет, пока сплю." Вскоре он и в самом деле задремал.

Проснулся он от криков и головной боли.

Свет горел уже совсем тускло. Должно быть, Фред был слишком оптимистичен, говоря, что его хватит еще на день-два. Или же... сколько прошло времени с тех пор, как кузнец ушел?

Кричал доктор.

- Кто-нибудь! Есть здесь хоть кто-то?! Умоляю... Джошуа! Слава богу, хоть ты очнулся. Скорее, мне нужно лекарство...

- Какое? - спросил Джошуа, страдальчески морщась; крики доктора казались ему тупыми гвоздями, вбиваемыми в голову, и он думал в этот миг не о милосердии и даже не о практической пользе, а лишь о том, чтобы прекратить этот шум.

- В операционной... там, где ты меня... там шкаф за ширмой, стеклянная дверь... ключ... был у меня в кармане... где мой халат? ладно, разобьешь чем-нибудь... возьми на третьей полке, называется... ах черт, ты же не умеешь читать... ладно, тащи все пузырьки, которые там стоят... и еще автоклав... такой металлический ящик... со шприцами...

- Ладно, я принесу, - пообещал Джошуа. - Но только если вы расскажете все без утайки!

- Да... да, все, что ты хочешь... но только быстрее, умоляю тебя! Я больше не могу выносить эту боль...

Джошуа сел на кровати и сам чуть не застонал от боли, с утроенной силой запульсировавшей в затылке, висках и лбу. Хотелось раскроить себе череп и выпустить наружу то, что бьется внутри. Казалось, что это какой-то черный зловонный пар, который вырвется с шипением и унесет с собой боль.

Одежда юноши лежала на тумбочке рядом с койкой; он кое-как натянул штаны, но нагибаться и шнуровать ботинки было выше его сил. Нетвердой походкой, массируя на ходу виски, он вышел в коридор.

Вот и хорошо знакомая ему третья дверь. Он вошел внутрь и тут же почувствовал, как босые подошвы противно липнут к полу. Действительно, чуть ли не весь пол операционной был в крови - уже подсохшей, но все еще липкой. В нескольких местах валялись разбросанные и заляпаные кровью инструменты.

Ни один из них не показался Джошуа подходящим, чтобы разбить толстое стекло, поэтому он просто протаранил шкаф операционным столом, расстопорив колеса. Затем осторожно, чтобы не поранить осколками ни руки, ни ноги, сгрузил прямо на стол пузырьки и автоклав. Рядом за той же ширмой обнаружилась и раковина с краном, и Джошуа, у которого опять пересохло во рту, отвернул вентиль, чтобы напиться. Вода и впрямь потекла сама, но не чистая и прозрачная, а ржавая. Юноша подождал некоторое время, не станет ли она лучше; не дождавшись, умыл лицо в надежде хоть немного утихомирить головную боль и покати́л свою добычу обратно. Стол благополучно прошел через обе двери.

Стонущий доктор схватил нужный пузырек, трясущимися руками наполнил шприц и сделал себе укол. Некоторое время после этого он лежал молча.

- Это вам поможет? - спросил, наконец, Джошуа; теперь, как ни странно, он испытывал

скорее сочувствие к человеку, которого еще недавно хотел мучительно убить. Возможно, потому, что и сам теперь чувствовал себя преотвратно. - Вы поправитесь?

- Мне теперь уже ничто не поможет. При таком ранении даже своевременная помощь... а уж теперь... Это сильное обезболивающее.

- А... можно тогда мне тоже? Башка болит, сил нет.

- Не стоит колоть опиаты без крайней необходимости, - строго сказал доктор, на миг превращаясь в себя-прежнего - врача, пользовавшего весь поселок от младенцев до стариков. - Хотя... теперь уже, наверное, без разницы. Вы приняли причастие? Хоть кто-то из вас?

- Сколько можно врать! - возмутился Джошуа; его сочувствие мигом испарилось. - Мы знаем, что нет никакого "причастия"! Это просто наркотик, на который вы подсадили нас, чтобы мы были покорны!

- Так вот, значит, что вы возомнили... Идиоты. Боже, какие идиоты... Нет, не только вы, - добавил он, заметив растущий гнев в глазах Джошуа. - Мы все. Значит, не приняли? Давай сюда руку. Я сделаю тебе укол.

Получив свою дозу обезболивающего, Джошуа сел на свою койку. Билл снова что-то забормотал, но это опять был бессвязный бред.

- А ему вы можете помочь? - спросил Джошуа.

- Нет, - без колебаний ответил доктор, даже не спросив, что с Биллом, - но если он без сознания, лучше ему так и оставаться.

Меж тем укол, похоже, действовал. Тошнота, правда, только усилилась, но боль отступила. Джошуа посмотрел на свой перевязанный бок. На повязке выступило свежее красное пятнышко - не иначе, рана открылась, пока он добывал лекарства. Но сейчас это его почему-то не слишком волновало.

- Так ты хотел знать правду? - продолжал доктор. - Хорошо, вот тебе правда... Может быть, и впрямь надо было давно вам все рассказать. Хотя... не я принимал эти решения. Сто лет как-то работало...

- Так что там насчет причастия? - поторопил Джошуа. - И из-за какой такой "правды" вы насильствовали и пытали девушек?

- В свое время это была не просто военная база, - начал доктор. - Это был один из научных центров, занимавшихся биологическим оружием... в смысле, защитой от него. Хотя, возможно, и само оружие здесь тоже разрабатывали, не знаю... это ж было больше ста лет назад. Когда вспыхнула Свиная Чума... хотя это, кстати, неправильное название, ее возбудитель не имеет ничего общего с *Yersinia pestis*... в общем, сюда эпидемия добралась позже, чем в другие районы, и персонал Базы вместе с некоторыми окрестными жителями успел спрятаться в герметичном автономном убежище, избежав заражений...

Джошуа слегка кивнул - все как и говорил Роберт.

- Поэтому работы над вакциной продолжались здесь даже тогда, когда другие подобные центры давно уже перестали выходить на связь. Эти центры, правда, успели предоставить немало ценной информации - ценой своей жизни, фактически... И в конечном счете здесь все же было создано лекарство. Точнее, не совсем. Паллиатив, полумера. Препарат не уничтожает вирус, он лишь сдерживает развитие болезни. В течение примерно двух недель. Потом нужна новая доза. Причем в течение всего этого времени человек остается носителем и распространителем инфекции. И все же регулярные инъекции позволяют ему прожить полноценную жизнь. К сожалению, это решение было найдено слишком поздно. Связи не было больше ни с кем, даже с полярными станциями в Антарктиде. Некоторое время в эфире еще оставались автоматические маяки, а потом и они... И руководство Базы было вынуждено признать факт: они и люди, находящиеся на их попечении - это все, что осталось от человечества. Правда, слушать эфир и посылать сигналы "всем, кто нас слышит", на всякий случай продолжали и дальше. Еще много лет. Безрезультатно. А тогда... тогда военное и научное

руководство, со всех сторон обсудив ситуацию, приняло решение. Пытаться сохранить цивилизацию для всех - значит погубить ее окончательно. Начнутся раздоры, борьба за власть, хаос. В чрезвычайной ситуации равенство губительно. Поэтому необходимо восстановить иерархическую пирамиду, даже в еще более жестком варианте, чем могло позволить себе государство эпохи благополучия. Как можно скорее загнать большинство в средневековые и сделать его полностью зависимым от меньшинства. От предельно компактной элиты, хранящей сакральное знание, поднимающее ее на недостижимую высоту, и монополюльно контролирующей жизненно важный ресурс. И, разумеется, закрепить и освятить такое положение дел с помощью религии; христианство, которое исповедовало большинство гражданских, подходило для этого очень хорошо, требуя лишь незначительной коррекции... Еще раз подчеркну - они решили так не потому, что жаждали власти. Просто не видели другого выхода... И в общем-то это работало. Уровень преступности в поселке все эти годы был фантастически низким - даже если под преступным понимать то, что в прежние времена считалось не более чем аморальным, да и то лишь с точки зрения ортодоксальных консерваторов...

- Но при чем тут девушки? - перебил Джошуа. - Очень морально вы с ними обходились, да!

- Вот это как раз вторая причина, почему знание было скрыто от большинства. Я еще не сказал, как именно делается лекарство, или, в вашей терминологии, "святые дары". Боюсь, ты мало что поймешь, но постарайся... Вирус смертелен для всех высших млекопитающих, к которым относится и человек. Низшие животные, например, рыбы или ящерицы, от него не страдают. Но человеческий зародыш в процессе внутриутробного развития последовательно проходит фазы низших животных. Есть такой принцип - онтогенез есть подобие филогенеза, развитие организма повторяет в общих чертах эволюцию жизни на Земле... Так вот. Если инфицировать человеческий эмбрион на этих ранних стадиях, он начинает вырабатывать антитела к вирусу. И из сыворотки его крови может быть приготовлено лекарство. Сам зародыш все равно обречен - как только он дорастет до стадии млекопитающего, он утратит эту способность, умрет сам и убьет свою мать еще до родов. Поэтому единственным выходом является аборт при достижении этой стадии и новая беременность. Так что в церкви вам в общем-то и не особо вдали. Нашим спасителем - всех нас - действительно является закланный младенец. Только не один, а каждый раз новый. И тут есть еще одна тонкость. Точнее, две. Во-первых, работает это только в том случае, если у матери четвертая группа крови. Эта группа - самая редкая, и все девочки, рождавшиеся с ней, были у нас на контроле с детства. Так что легенда, будто "рекрутируют" только красивых или кокетничающих с солдатами, лишена оснований. На самом деле судьба почти каждой такой девушки была предрешена с рождения, если только не случалось чего-то непредвиденного... Иногда, если девочек с нужной группой крови не рождалось вовсе, под видом обследования для разрешения на брак и я, и мои предшественники проводили искусственное оплодотворение. Есть инструменты, позволяющие сделать это, даже не нарушая девственности... В итоге в семье появлялась девочка, не очень похожая на отца - но это ведь не так бросается в глаза, девочка должна быть похожа на мать - зато с кровью четвертой группы. Ну а второе обстоятельство еще более печально. Постоянные беременности и аборты сами по себе не идут на пользу здоровью женщины, но не в этом главная причина, по которой редкая из них живет в таком режиме больше двух-двух с половиной лет. Мы инфицируем непосредственно эмбрион в матке, и активная форма вируса в норме не попадает в кровь матери напрямую - этому мешает плацентарный барьер. Но попадают продуцируемые вирусом низкомолекулярные токсины. Поскольку эмбрион борется с вирусом, их не так много, и вместо обычной скоротечной формы Свиной Чумы, убивающей за несколько дней, процесс растягивается на годы, особенно при поддержке медицинской аппаратуры... но финал все равно один. Увы, максимум, что мы можем поделать с этим - это держать этих женщин под действием наркосодержащих препаратов, облегчая таким образом их страдания...

Теперь ты понимаешь, почему нельзя было раскрыть правду? Может, отдельные героини, готовые ради спасения всех остальных добровольно принести себя в жертву, да еще столь неприятным способом, и нашлись бы. Но явно не в нужном нам всем количестве.

- А бесчестить-то зачем?! Если, как вы говорите, можно... сохраняя девственность...

- Ну, в принципе да, хотя это и сложнее, чем естественное зачатие. Более того, на поздних стадиях мы так и делали... когда внешность и общее состояние уже... Но, видишь ли, солдатам нужна сексуальная разрядка. Они, кстати - рядовые, не офицеры - тоже не знают того, что я тебе рассказал... А эти девушки, как ни прискорбно, все равно обречены. Для кого им беречь свою девственность? Так что...

- Почему бы не сочетать полезное с приятным, да? - ядовито произнес Джошуа.

- Я понимаю, как это выглядит с точки зрения поселян... особенно тех, кого это коснулось лично. Но согласись, что с точки зрения интересов нашего сообщества - то есть человечества! - в целом, это разумно. Персоналу Базы нельзя просто жениться на девушках из поселка - это размоет иерархию и в конечном счете разрушит всю систему. И создавать что-то вроде наследственной аристократии тем более нельзя. Генетическое разнообразие в нашей популяции и так опасно мало, понижать его искусственно, разделяя население сословными перегородками - верный путь к вырождению, причем в первую очередь той самой аристократии, которая должна быть элитой. Каждый из нас выполняет свой долг и несет определенные жертвы ради общего выживания. Наш порядок суров, но не жесток без необходимости... Во всяком случае, - горько добавил доктор, - так было, пока вы не устроили свой дурацкий бунт.

- Ага, конечно, дурацкий, - осклабился Джошуа. - Мы ведь всего лишь неграмотные поселяне, которых ради нашего же блага надо загнать в средневековье, - что означает последнее слово, он толком не знал, но по контексту догадывался. - Зато себя вы считаете жутко умным. Так вот, я вам скажу, кто тут дурак. Может, раньше так все и было, как вы говорите. Но теперь все это, - он вспомнил выражение Роберта, - традиция, оторвавшаяся от корней. Ваш вирус давным-давно сдох. Или, по крайней мере, ослаб настолько, что больше не убивает - если только ему не помогать.

- Я был бы счастлив, будь это так, но увы - вирус Свиной Чумы по-прежнему активен и смертелен. Он живет в каждом из нас и ждет своего часа. И вы в этом очень скоро убедитесь. Половина - сейчас, остальные через неделю.

- Мы уже убедились кое в чем другом, - Джошуа смотрел на него с нескрываемым превосходством. - Как вы думаете, почему мы решились на восстание? Кто рассказал и, главное, показал нам, что причастие - обман? Тридцать лет назад с Базы сбежала девушка. У нее родился сын, никогда в жизни не принимавший причастия. Он не только не умер, но вырос, пересек всю Америку, дошел до Вашингтона, убедился, что нигде больше нет живых, прочитал Библиотеку Конгресса и вернулся, чтобы рассказать все это нам!

- Что?! - никогда еще Джошуа не видел доктора таким возбужденным; тот даже попытался приподняться на постели, но со стоном повалился обратно. - Это не поселковая байка? Ты лично видел этого человека?

- Это именно я встретил его в лесу и привел в поселок, - гордо сказал Джошуа.

- Спаситель... - пробормотал доктор, как зачарованный. - Вот он, истинный спаситель человечества... Мы знали, что теоретически такая мутация возможна. Но вероятность - один на десять миллионов, может, еще ниже... Ты понимаешь, что это значит?! У него врожденный иммунитет! Он уже спас свою мать! Обычно антитела не проникают через плацентарный барьер, но бывают исключения... Из крови этого человека можно сделать вакцину! Настоящее, окончательное лекарство! Больше не нужно будет никаких жертв! У меня уже не осталось ни сил, ни времени, но мои коллеги...

- Нет больше никаких коллег, - мрачно ответил Джошуа, миглом утративший свой торжествующий вид. - Всех убили.

- Да?... - как-то совсем по-детски растерялся доктор. - Ладно, я думаю, я смогу... если как следует накачаться медикаментами... может, протяну еще достаточно... Немедленно пришли этого человека ко мне! И самых грамотных и толковых из ваших, я объясню им, как...

- Его тоже убили, - перебил Джошуа. - Ваш солдат. При штурме.

- Что? Нет, только не это!!! Ты сам видел? Давно это было? Сколько часов прошло? Может, еще можно выделить из его тела...

- Его тело кремировали, - констатировал Джошуа, чувствуя, как ледяной холод разливается у него внутри.

- Да... - потерянно пробормотал доктор. - Конечно.

Принцип кремировать всех покойников как можно скорее после смерти тоже был наследием Свиной Чумы. Правда, остановить эпидемию это все равно не помогло, но обычай у единственной группы выживших остался.

- А его мать? - ухватился за последнюю соломинку доктор. - Она жива?

- Умерла много лет назад, - в отчаянии покачал головой Джошуа и почувствовал от этого движения, как с удвоенной силой возвращается приглушенная было наркотиком боль. Боль, которая, как он знал теперь, не была ни результатом самовнушения, ни тем, что можно просто перетерпеть. И еще он понял, почему так долго не возвращается Фред...

- Простите, - Джошуа упал на колени на холодный пол, прижимая ладони к лицу. - О боже, что я натворил! Мне так жаль...

- Что мы все натворили, - вздохнул доктор. - Впрочем, теперь это уже все не имеет значения. "И ни птица, ни рыба слезы не прольет..."

Тусклый свет мигнул несколько раз и погас окончательно.